

Учредитель – Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ

TEXT.
BOOK. PUBLISHING

Научно-практический журнал

2023

№ 31 (1)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52489 от 21 января 2013 г.)

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 42043

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой
степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ»

И.А. Айзикова (профессор, д-р филол. наук, НИ ТГУ, Томск) –
главный редактор

А.В. Галькова (доцент, канд. филол. наук, НИ ТГУ, Томск) –
отв. секретарь

С.В. Березкина (д-р филол. наук, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН,
Санкт-Петербург)

Т.А. Гридина (профессор, д-р филол. наук, УрГПУ, Екатеринбург)

Н.П. Дворцова (профессор, д-р филол. наук, ТюмГУ, Тюмень)

Ю.М. Ершов (профессор, д-р филол. наук, филиал МГУ, Севастополь)

Н.В. Жиликова (профессор, д-р филол. наук, НИ ТГУ, Томск)

И.В. Лизунова (доцент, д-р ист. наук, ГП НТБ СО РАН, Новосибирск)

В.В. Мароши (профессор, д-р филол. наук, НГПУ, Новосибирск)

И.В. Тубалова (профессор, д-р филол. наук, НИ ТГУ, Томск)

К.И. Шарафадина (профессор, д-р филол. наук, СПбГУП,
Санкт-Петербург)

О.Г. Щитова (профессор, д-р филол. наук, НИ ТПУ, Томск)

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/book/>

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 5

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

<i>Назаренко И.И.</i> Национальная самоидентификация героя-эмигранта в эмигрантской прозе Г. Иванова и Г. Миллера. Статья первая: утрата исконного национального мира и любви	6
<i>Семенова Н.В.</i> Пушкинские торжества 1949 года и пьеса К.Г. Паустовского «Наш современник»	25
<i>Молнар А.</i> Птичьи метафоры в повести М. Месёя «Высокая школа»	47

КНИГА И ЧТЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

<i>Михеева А.А.</i> Вопрос о богослужебном пении в федосеевском сборнике «Отеческие завещания». Статья вторая	64
<i>Дворцова Н.П.</i> Сибирские книжные редкости: «Исторический журнал» Дмитрия Корнильева	90
<i>Донскова Ю.В., Курилова А.Д.</i> Рейтинг как форма моделирования современного пространства чтения	105

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

<i>Рабуш Т.В.</i> Советская публицистика в холодной войне: обзор книжной серии «Империализм. События. Факты. Документы»	117
<i>Завьялова Е.Е.</i> «Охота на ясновидца» А.В. Королёва: опыт создания бестселлера	134
<i>Цветкова М.В., Кульков А.Н.</i> История рецепции Терри Пратчетта в России	146

РЕЦЕНЗИИ

<i>Ерофеева Н.Е., Кипнес Л.В.</i> Рецензия на книгу «Омский литературный авангард 1920-х годов. Поэты “Червонной тройки”: стихотворения, поэмы» (сост., подгот. текстов, коммент. Ю.П. Зародовой; авт. вступит. ст. Ю.П. Зародова, И.Г. Деветьярова (науч. ред.). Омск: Омскбланкиздат, 2021. 356 с.)	164
---	-----

Правила оформления статей 172

CONTENTS

From the editor	5
-----------------------	---

PROBLEMS OF TEXT: THEORY AND PRACTICE

<i>Nazarenko I.I.</i> National self-identification of the emigrant hero in the emigrant prose of Georgy Ivanov and Henry Miller. Article One: Loss of primordial national world and love	6
<i>Semenova N.V.</i> The Pushkin celebrations of 1949 and Konstantin Paustovsky's "Our Contemporary"	25
<i>Molnar A.</i> The main metaphors of Miklós Mészöly's short novel "High School"	47

BOOK AND READING IN CULTURE

<i>Mikheeva A.A.</i> On church singing in the Fedoseevtsy collection <i>Paternal Testaments</i> . Article II	64
<i>Dvortsova N.P.</i> Siberian book rarities: Dmitry Korniliev's "Istoricheskiy zhurnal"	90
<i>Donskova Yu.V., Kurilova A.D.</i> Rating as a form of modeling the modern reading space	105

BOOK PUBLISHING

<i>Rabush T.V.</i> Soviet opinion journalism in the Cold War: "Imperialism. Events. Facts. Documents" book series overview	117
<i>Zavyalova E.E.</i> <i>The Hunt for the Clairvoyant</i> by Anatoly Korolyov: An experience of creating a bestseller	134
<i>Tsvetkova M.V., Kulkov A.N.</i> Reception of Terry Pratchett in Russia	146

REVIEWS

<i>Erofeeva N.E., Kipnes L.V.</i> Book review: Zarodova, Yu.P. & Devetiarova, I.G. (eds) (2021) <i>Omskiy literaturnyy avangard 1920-kh godov. Poety "Chervonnoy troyki": stikhotvoreniya, poemy</i> [Omsk Literary Avant-Garde of the 1920s. Poets of the Chervonnaya Troika: Poems]. Omsk: Omskblankizdat	164
---	-----

Rules for Article Submission	172
---	-----

doi: 10.17223/23062061/31/1

ОТ РЕДАКТОРА

Уважаемые авторы и читатели, мы предлагаем вашему вниманию номер научно-прикладного журнала «Текст. Книга. Книгоиздание», в котором раздел «Книга в контексте культуры» впервые выходит с обновленным названием: «Книга и чтение в контексте культуры». Это – ответ на *радикальные трансформации модели чтения в условиях цифровой культуры, характеризующейся коренными изменениями читательских практик и пересмотром многих существенных понятий теории чтения и методологических подходов в их изучении*. Редакционная коллегия журнала приглашает литературоведов и лингвистов, историков и философов, психологов, социологов и культурологов, книговедов и издателей-практиков к обсуждению широкого спектра вопросов о чтении текстов всех видов и форматов как ведущей социокультурной практике в современном обществе. В их числе проблемы корреляции чтения и книгоиздания, самиздат-публикаций, социологии, психологии и культуры чтения, влияния информационно-коммуникационных технологий на читательскую деятельность в аспекте технологических инноваций и в антропологическом плане – как глобальных личностных и культурных изменений, влияющих на аппарат читательского восприятия, на важнейшие когнитивные механизмы процесса чтения: память, внимание, восприятие, мышление, понимание и др.

Одна из рубрик нашего журнала – «Книга и чтение в контексте культуры» – начинает свой скорректированный путь, мы с благодарностью примем ваши пожелания и предложения по развитию ее концепции. Надеемся, что она заинтересует вас, удовлетворит ваши профессиональные потребности, даст пищу для размышлений, связанных с проблемами, сформулированными в заглавии предлагаемого раздела и издания в целом, и приглашаем к сотрудничеству.

И.А. Айзикова,
главный редактор журнала
«Текст. Книга. Книгоиздание»

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Научная статья
УДК 82-31/821.111(73)
doi: 10.17223/23062061/31/2

НАЦИОНАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ГЕРОЯ-ЭМИГРАНТА В ЭМИГРАНТСКОЙ ПРОЗЕ Г. ИВАНОВА И Г. МИЛЛЕРА СТАТЬЯ ПЕРВАЯ: УТРАТА ИСКОННОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МИРА И ЛЮБВИ

Иван Иванович Назаренко¹

¹ *Томский государственный университет, Томск, Россия, Nazarenko42@yandex.ru*

Аннотация. Сопоставляются роман Г. Миллера «Тропик Рака» (1934) и повесть Г. Иванова «Распад атома» (1938). Ракурс сопоставления – ситуации самоидентификации героев-эмигрантов в аспекте проявления их национальной идентичности. В первой статье внимание обращается на истории центральных персонажей повести и романа, различие их образа жизни в эмиграции, их мироотношения. Объясняется роль «любовных» коллизий как попытки погружения в телесно-чувственное проживание жизни. Делается вывод о типологических сходениях в изображении ситуации эмиграции как отпадения от национальной культуры, а также о различии в трактовке национальной самоидентификации персонажей.

Ключевые слова: Г. Иванов, «Распад атома», Г. Миллер, «Тропик рака», национальная самоидентификация, герой-эмигрант, распад любви

Для цитирования: Назаренко И.И. Национальная самоидентификация героя-эмигранта в эмигрантской прозе Г. Иванова и Г. Миллера. Статья первая: утрата исконного национального мира и любви // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 31. С. 6–24. doi: 10.17223/23062061/31/2

PROBLEMS OF TEXT: THEORY AND PRACTICE

Original article

NATIONAL SELF-IDENTIFICATION OF THE EMIGRANT HERO IN THE EMIGRANT PROSE OF GEORGY IVANOV AND HENRY MILLER. ARTICLE ONE: LOSS OF PRIMORDIAL NATIONAL WORLD AND LOVE

Ivan I. Nazarenko¹

¹ *Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, Nazarenko42@yandex.ru*

Abstract. The research material is *Tropic of Cancer*, a 1934 novel by the American novelist Henry Miller, and “Disintegration of the Atom”, a 1938 story by the Russian poet Georgy Ivanov. The aim of the article is to compare the plot situations of self-identification of emigrant heroes in terms of the manifestation of their national identity in order to understand how the problem of national self-identification of a person of the modern era in exile is exacerbated. The first article draws attention to the stories of the central characters, to the difference in their way of life in emigration, their world relations, their love conflicts. The heroes are united by the formation of their national and personal identity in their native world and the identity crisis in a foreign environment (although it is not at the center of the narration). According to Miller, a person’s national identity is determined primarily by a biological factor (“blood”). An emigrant (more broadly, a modern person with a blurred national identity) is a voluntary exile who does not live the life offered by the community (clan, nation), but independently chooses a motherland, looking for one’s own value space. However, the change of national identity, according to Miller, is impossible. In the plot of the central character’s self-identification, his national identity is tested: he is approaching the discovery of his national (American) self-consciousness, although he remains in Paris. According to Ivanov, the national identity of a person, on the contrary, is associated with the native soil (territory) and culture, and separation from the soil creates a state of total disconnection from any matter. “Atom” is an emigrant who has broken away from the whole (Russia), retaining his national identity (although it is eroded in emigration), but doomed to a spiritual decay outside his homeland, in any foreign environment. The dominant traits of Americans that Miller’s hero rejects in himself and in others are optimism and pragmatism, the trait of a true American (himself) is vitality. The dominant features of the Russian national character are idealism and striving for the beyond (according to Ivanov and his hero, “metaphysical masturbation”). The love line is significant in the national self-identification of the heroes of Miller and Ivanov, since the nostalgic experiences of the heroes come down to the loss of their beloved, symbolizing the lost native world. In both

works, the heroes' attempts to overcome the memory of their beloved are given, both heroes unsuccessfully try to compensate for the unrequited feeling in relations with reduced substitutes for the beloved (mistress, prostitute). The destruction of the myth about a woman brings Miller's hero closer to liberation, but Ivanov's hero cannot exist without love and makes an existential choice of death.

Keywords: Georgy Ivanov, "Disintegration of the Atom", Henry Miller, *Tropic of Cancer*, national self-identification, emigrant hero, disintegration of love

For citation: Nazarenko, I.I. (2023) National self-identification of the emigrant hero in the emigrant prose of Georgy Ivanov and Henry Miller. Article One: Loss of primordial national world and love. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 31. pp. 6–24. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/31/2

Первая половина XX в. – время революций, мировых и гражданских войн и массовых миграций – породила не только тип писателя-эмигранта¹, но и целые ветви эмигрантских литератур, временно отведенных в сторону от общенационального «потока» (литература русской послереволюционной эмиграции, литература немецкой антифашистской эмиграции и т.д.). Одни писатели-эмигранты оказались навсегда выброшены из родного мира, сохранив национальную идентичность или, напротив, став гражданами мира (русские и немецкоязычные писатели: И. Бунин, Г. Иванов, В. Набоков, Г. Газданов, Э.М. Ремарк, братья Манн и др.). Для других пребывание в чужой стране стало важным этапом жизненного и творческого пути (англоязычные писатели: Дж. Оруэлл, Э. Хемингуэй, Г. Миллер и др.). Эмиграция обостряет проблему национальной идентичности, важную составляющую личностной идентичности человека. Писатели конструируют собственную идентичность в образе героя-эмигранта, в той или иной мере близкого автору, наделенного его личным эмигрантским опытом.

Э. Эриксон указывает, что идентичность человека, помимо ощущения внутреннего единства и непрерывности личности, – это и потребность индивидов «чувствовать, что они представляют некоторый особый род (клан или нацию, класс или касту, семью, профессию или тип), чьи знаки отличия они будут носить с тщеславием и убежденностью и защищать» [1. С. 247]. Национальная идентичность предполагает «самоидентификацию с определенным политическим (национальное государство) и культурным (национальная культура) сообществом» [2. С. 79]. Как пишет С. Хантингтон, национальная идентичность большинства людей связана с исторически и культурно значимой территорией, «утра-

¹ Можно вспомнить и о более раннем варианте писателя-эмигранта (изгнанника): Овидий, Данте, Андрей Курбский...

та которой признается катастрофой, влекущей за собой утрату национальной идентичности» [3. С. 90]. Проявления территориальной идентичности могут быть ослаблены, например, у американцев, поскольку Северная Америка была освоена переселенцами из Европы [3. С. 90–91]. М.Н. Попова считает, что личностная национальная идентичность может быть следствием сознательного выбора человека под влиянием разных факторов («происхождение, воспитание, эмиграция» [4. С. 21]). Тем не менее почти невозможно сменить генетическую этническую культуру, особенности которой гнездятся в сфере подсознательного, «впитанные <...> нередко в неотрефлексированном виде» [4. С. 21].

Произведения двух писателей-эмигрантов разных национальных традиций – повесть «Распад атома» русского поэта Георгия Иванова (1894–1958) и роман «Тропик Рака» американского прозаика Генри Миллера (1891–1980) – выбраны для сопоставления с целью обнаружить сходство и различие трактовки самоидентификации героев-эмигрантов, проявления их национальной и культурной идентичности в сюжетных ситуациях и в саморефлексии (оба произведения представляют автоповествование персонажей). В первой статье мы обратим внимание на истории центральных персонажей, способ существования в инокультурной среде, а также на любовные коллизии, проявляющие попытку персонажей преодолеть социальную травму и синдром оторванности от целого погружением в сферу телесно-эротической жизни.

В творческом становлении Г. Иванова и Г. Миллера эмиграция во Францию сыграла важную роль. В Париже, где в 1930-х гг. они «дышали» одним и тем же культурным «воздухом» в преддверии Второй мировой войны, Миллер создал роман «Тропик Рака» (1934), а Иванов написал «Распад атома» (1938), повесть, по определению А.М. Ранчина¹ [5], или «лирическую поэму в прозе», по определению В. Ходасевича [6. С. 414]. Это проза о существовании эмигранта, утратившего самоидентичность в пораженном «раком», «распадающемся» европейском мире. Для Миллера «Тропик Рака» – обретение индивидуального художественного голоса, этот роман открыл его «парижскую трилогию» («Черная весна», 1936; «Тропик Козерога», 1939); для Иванова «Распад атома» – «поэтический крик», после которого он замолчал как художник до 1943 г.

Близость двух произведений была замечена современниками Иванова: так, Р.Б. Гуль видел в «Распаде атома» подражание Миллеру:

¹ А.М. Ранчин указывает на эпическую доминанту произведения: «В ивановской книге есть пунктирно намеченная фабула и несомненная развязка, наличествует и по крайней мере один персонаж – повествователь» [5].

«В стремлении к “эпатажу” Иванов уснастил свою книгу нарочитой и грубой порнографией, соперничая в этом с “Тропиками Рака и Козерога”» [7. С. 10]. В переписке с Гулем Иванов отрицал влияние Миллера, настаивая, что в 1937 г., когда он работал над «Распадом атома», «Миллера и в помине не было»¹ [8. С. 148]. Последующие литературоведческие исследования усматривают не генетические связи, а типологические схождения Миллера и Иванова в апокалипсической семантике названий (А.В. Трушкина [9. С. 11]), в теме женщины как души и тела Парижа (М.О. Рубинс [10. С. 94]). Типологические схождения прозы Иванова и Миллера лишь намечены в литературоведении; важно более пристально сопоставить представления писателей о современном человеке, выразившиеся в их прозе.

Главное основание для сопоставления заключается в том, что центральные персонажи повести Иванова и романа Миллера предстают нарраторами, а «я»-повествование преимущественно выявляет не исповедь, а самопознание и инвективу миру, который привел нарраторов-персонажей к пониманию их личностной неосуществленности. Оба героя – эмигранты среднего возраста, психологически близкие, но не тождественные авторам (хотя у Миллера сюжет романа опирается на его реальную историю жизни, а герой наделен именем и фамилией самого писателя). Национальная и личностная идентичность героев сформировалась в родных странах (в США, в России), в которых они прожили большую часть жизни; эмиграция привела к кризису идентичности, т.е. к отказу от исконной национальной идентичности и неприятию гетерогенной среды.

Кризис национальной идентичности – не в центре повести Иванова и романа Миллера, но попытка понимания корней собственного сознания, гетерогенной среды, этнической детерминированности любовных отношений, а также проявление национальных черт поведения в разных бытовых (и не только) ситуациях, наконец, рефлексия персонажами национальной специфики культуры и искусства (литературы) образуют важный сюжетный контрапункт, позволяющий сделать вывод о национальной самоидентификации русского и американского эмигрантов как важной составляющей личностной самоидентификации индивида.

По Миллеру, национальная идентичность человека детерминирована биологическим фактором («кровью»), роль культуры в национальном самоопределении менее значима. Однако «кровь» в современном чело-

¹ Иванов, вероятно, имеет в виду, что в конце 1930-х гг. Миллер был неизвестен русскому литературному Парижу.

веке перемешана («кровь» американца – это смешение европейских «кровей»), и его национальная и культурная самоидентификация размыта, не привязана к территории проживания; человек существует на границе культур, сам выбирает отечество. Так, герой Генри Миллер – потомок немецких эмигрантов, американец во втором поколении, эмигрировавший в Париж как «двойной» эмигрант. В его имени и фамилии соединяются англо-американское (Генри – англоязычный вариант немецкого имени Генрих) и немецкое (Миллер), что проявляется сюжетно, но таковы и другие персонажи романа, не только американцы. Многих русских и американских эмигрантов Генри называет евреями, что подчеркивает их смешанную национальную принадлежность, смешанность «кровей»: «...весь Монпарнас – сплошные евреи. Или полуевреи, что даже хуже. И Карл, и Пола, и Кронстадт, и Борис, и Таня, и Сильвестр...» [11. С. 47] («евреи» для героя романа – это обозначение любых эмигрантов, утративших родное пространство и рассеянных по миру). Показателен диалог миллеровского героя с незнакомой девушкой, которая на вопрос о ее национальности отвечает, что она англичанка, уточняя: «То есть вообще-то я родилась в Польше, но мой отец был ирландец» [11. С. 224]. Однако сменить национальную идентичность (из американца «сделаться европейцем» [11. С. 304]) ни для самого себя, ни тем более для окружающих невозможно.

Важно, что Генри возвращается не на исконную родину, не в Германию: этой связи нет. Он меняет национальную среду – смешанную американскую – на не менее смешанную французскую, парижскую, значительную часть которой составляют мигранты со всего мира. Друг Миллера Альфред Перле объясняет привлекательность Парижа для художников-эмигрантов тем, что столица Франции обеспечивала «образ жизни, невысказанный ни в одной другой точке земного шара» [12. С. 24]: несмотря на экономический кризис, жизнь в Париже оставалась сравнительно недорогой, что позволяло заниматься искусством. На национальную терпимость французов повлияла Великая Французская революция: «В Декларации прав человека и гражданина прослеживается идея отказа от расовых, этнических и религиозных различий в определении понятия французского гражданства»; по заявлению революционеров, «любой иностранец, испытывающий притеснения по политическим или религиозным причинам, имеет право на французское гражданство» [13. С. 104].

«Рак» в романе, помимо метафоры кризисного состояния современной цивилизации, ее болезни, – это и зооморфная метафора эмигранта, который, подобно «раку» или «крабу», может «двигаться в любом

направлении»¹ [14. С. 317]. «Крабообразным» движением можно назвать физическое и ментальное движение миллеровских героев-эмигрантов: не только центрального, но и других, которые в поисках Дома то эмигрируют, то возвращаются на родину (так, любовница героя, русская эмигрантка Таня, возвращается из Парижа в Советскую Россию, а потом снова в Париж). По Миллеру, эмигрант – это добровольный изгнанник, живущий не жизнью, предложенной сообществом (родом, нацией), а самостоятельно ищущий свое ценностное пространство (Дом).

По Иванову, национальная идентичность человека, напротив, связана с родной почвой (территорией) и культурой, и отрыв от почвы создает состояние тотальной несвязанности со всякой другой материей. «Атом» – эмигрант, оторвавшийся от целого (России), обреченный на духовный распад вне родины, в любой чужой среде, поэтому он воспринимает ее как *чуждую*. Поколение русских эмигрантов называется «неприкаянными тенями» [15. С. 8], что можно интерпретировать как пограничное существование между жизнью и смертью, не покой, а неуспокоенность.

Миллер и Иванов сближаются в скептической оценке национального сознания – американского или русского. Рефлексия героем романа Миллера американского национального характера рассредоточена по всему роману, реконструируется из системы персонажей, поведения и аксиологии персонажей-американцев и их сопоставления с персонажами других национальностей (русские, французы, индийцы, немцы). Доминирующие черты американцев, которые герой Миллера отвергает в себе и других, – оптимизм и прагматизм как стремление к деятельности, которыми они, показывая ложный идеал буржуазного существования, «заражают» остальной мир (в частности, индийцев). Однако оптимизм Генри иного рода: не бытовой, а онтологический, связанный с его мироотношением – абсолютным принятием бытия и самого себя. Вместе с тем истинный американец (сам герой, не другие) обладает витальностью и стремлением к свободе.

Ивановская концепция русского национального характера сосредоточена в третьей главке повести, в рефлексии нарратора: «Ох, это русское, колеблющееся, зыблющееся, музыкальное, онанирующее сознание. Вечно кружащее вокруг невозможного, как мошкара вокруг свечки» [15. С. 8]. Доминирующие черты русского национального ха-

¹ Семантику названия романа Миллер расшифровывает в письме Анаис Нин в августе 1938 г.: «Рак (краб), как известно китайским мудрецам, может двигаться в любом направлении. В зодиаке это знак поэтов, своего рода полустанок на пути к реализации» [14. С. 317].

рактера – идеализм и устремленность к запредельному – воспринимаются как бесплодные, как «метафизический онанизм» (эпитет «онанирующее» завершает ряд других эпитетов). Русский в рефлексии героя Иванова на этическом уровне противопоставлен среднему европейцу – «обыкновенному человеку» [15. С. 8], который довольствуется существованием в пространстве ограниченного быта, хотя обостренное чувство справедливости русского человека подвергается иронической оценке.

Чтобы прояснить причины эмиграции героя романа Миллера, необходимо обратиться к его воспоминаниям о жизни в США. Генри вырос «в немецком районе Нью-Йорка, более немецком, чем сама Германия» [11. С. 66]. Характеристика немецкого района определяет способ существования немецких эмигрантов в гетерогенной среде: не ассимиляция, а обособленность, превращающая его в концентрат-симуляцию немецкой национальной культуры. Герой с детства связан с немецкой культурой, не только с духовной (музыка), но и с материальной (еда), оба компонента одинаково важны для него: «Мы выросли там на Шумане, на Гуго Вольфе, на кислой капусте, кюммеле и картофельных клецках» [11. С. 66]. Несмотря на связь с немецкой культурой, он не считает себя немцем. В Париже немецкая культура отвергается им как буржуазная и сентиментальная, поскольку ее гармоничность обманчива, за ней – недостаток витальности. Однако в Генри есть и черты типичного немца, если опереться на характеристику немецкого сознания Г.Д. Гачевым [16. С. 115]: аккуратность, но и бунтарство, нигилизм. Можно предположить, что эти качества сформировались в нем под влиянием немецкой культуры (упоминается чтение Ницше, Фрейда, Штекеля и др.).

Нью-Йорк в «Тропике Рака», по наблюдению А.А. Аствацатурова, для автора и его героя символизирует наступление цивилизации, смерть духа и культуры [17. С. 197]. Генри – с юности социальный неудачник, внутренний эмигрант, который не мог найти место в США и бродяжничал по Штатам и странам Северной Америки (Канада, Мексика), что показывает американца не скитальцем, но ищущим место удачи, самореализации. Поскольку писательское самоосуществление невозможно в мелкобуржуазных Штатах, где творчество, не приносящее прибыли, не ценится, рождается идея отправиться в революционную Францию, в Европу как центр авангардного искусства. Важна и невопианность в социальную систему американской цивилизации: нет успешной работы, не складывается семейная жизнь. Гармоничные отношения с женой Моной, любимой и будто бы не буржуазной женщиной, построить не удалось. Жизнь с властной, манипулирующей садисткой стали «пляской смерти», подавляла его самость, сделали мазохистом. Семейная и соци-

альная атмосфера в Америке осознается как «тюрьма», подавляющая человека и стирающая его «я».

По Г.Д. Гачеву, для первых европейских переселенцев в Америку пересечение Атлантики было актом «инициации в Америку и забвения прежней жизни» [16. С. 179]. В эмиграции героя романа Миллера из Нового Света обратно в Старый Свет переворачивается ситуация инициации первых американцев: это, напротив, *отрицание* американского образа жизни и *возвращение* в пространство современной мировой культуры. Эмиграция героя, с одной стороны, бунт против американского мелкобуржуазного общества и побег от жены, подавлявшей его. С другой стороны, в эмиграции проявляется его американская идентичность. Г. Миллера, стремящегося «на протяжении всего своего пути “просто жить”» [18. С. 8], А.А. Аствацатуров помещает в американскую традицию философии, неотделимой от практики (Р. Эмерсон, Г. Торо и У. Уитмен). В этом контексте «бегство Г. Миллера из Америки в Европу <...> было чисто американским проектом» [18. С. 8]. Думается, и эмиграцию *героя* романа «Тропик Рака» можно истолковать как попытку реализации «американской мечты» в ее изначальном понимании: стремление к свободе, самостоянию и самоосуществлению.

Для героя повести Иванова эмиграция – не самостоятельный выбор, а вынужденное решение. Причины эмиграции героя «Распада атома» не названы, но можно предположить, что он покинул родную страну, чтобы спастись от революционной катастрофы в России, от распада «атома» национального целого. В словах героя о «покаянной тоске» [15. С. 8] обнаруживается ирония над чувством вины русского интеллигента за гибель России (цитирование Некрасова: «“А как живо было дитятко...”» [15. С. 8]), что снимает личную ответственность «маленького человека», неспособного противостоять движению истории. Однако слова о «пропасти ностальгии» выдают невозможность существования вне родины. Подлинная Россия погибла вместе с последним императором («царем»), нет иллюзий о ее возрождении или возвращении на родину. Для Иванова и его героя Россия – не только культура, история или память, но и монархия, государство. Советский мир оценивается как пугающее и враждебное пространство, стирающее личное и национальное «я» (одно из немногих упоминаний в повести, касающееся Советской России, – «страшный интернационал» [15. С. 8]).

Герои обоих произведений называют себя счастливыми, несмотря на страдания и социальное падение. В «Тропике Рака»: «У меня ни работы, ни сбережений, ни надежд. Я – счастливейший человек в мире» [11. С. 45]; в «Распаде атома»: «В сущности, я счастливый человек. То есть человек,

расположенный быть счастливым» [15. С. 7]. Счастье героя Миллера связано с независимостью, с жизнью в настоящем без оглядки на прошлое и будущее, со свободой художника, чего он был лишен в США. В утверждении о счастье героя Иванова ирония: его счастье в частных и недостижимых для него человеческих ценностях: гармонии, душевном покое, любви. «Атом» отрицает бытие и совершает самоубийство, а для Генри невозможна даже мысль о самоубийстве, он принимает бытие, пораженное «раком».

Ивановский герой, в отличие от миллеровского, лишен имени или фамилии. Анонимность – это знак типичности (тип русского эмигранта и типичный человек 1930-х гг.), но и знак стирания индивидуального и национального «я». Номинации «обыкновенный человек, ноль», «атом» [15. С. 24] подчеркивают его близость типу русского «маленького человека». Национальная идентичность проявляется в устремленности к метафизическому, к Богу, в ностальгии по Петербургу как символу России, в неприятии гетерогенной культуры. Париж и парижане чужды герою несмотря на то, что он в эмиграции более десяти лет. Здесь он социальный маргинал, не имеющий работы и определенного места жительства, но главное – тотально одинокий и погруженный в себя индивид. Многолетняя жизнь в отрыве от родной почвы превращает его в массового человека, ведущего существование по стереотипу (в самонаблюдении и самооценке персонажа). Отстраненно констатируя свою неисключительность, «атом» сопоставляет себя не с русскими, а со знаменитыми европейцами или американцами: он не герой («не Линдберг», в одиночку совершивший беспосадочный перелет через Атлантический океан) и не успешный творец массовой культуры («не Чаплин, не Монтерлан» [15. С. 32]).

В романе Миллера герой индивидуализирован, близок в интенциях к нищенскому сверхчеловеку, отвергающему прежние ценности и этические нормы. Париж для него – символ культуры, проникнутой жизнью, хотя и охваченной болезнью и распадом [17. С. 197]; здесь можно заявить о себе, это город художников – «эстрада, вертящаяся сцена» [11. С. 70], где человек рождается заново, как бы проходя обряд инициации. Подобно любому американцу (вновь опираемся на выводы Г.Д. Гачева), герой Миллера относится к новому отечеству так же, как и к оставленному: не как к «матери», а как к «шлюхе» [16. С. 182], пытаясь в Париже присвоить себе новое пространство. Вместе с тем Париж для него – не конечная точка пути, а этап творческого и экзистенциального становления, как и для многих других художников, упоминающихся в романе (Данте, Бальзак, Золя, Стриндберг и др.). У него нет иллюзий о Париже

как об обретенном рае, в отличие от другого американца, Филмора, сниженного варианта героя романа, его двойника, избравшего иной путь существования американского эмигранта.

Иначе у Иванова, для героя которого эмиграция – экзистенциальный тупик, у него нет альтернатив существованию в Париже (Берлин, появляющийся в воспоминаниях, – такое же чужое пространство). Он хотел бы вернуться в Россию, в родной Петербург, «пить пиво и есть раков теплым вечером на качающемся поплавке над Невой» [15. С. 25], но понимает неосуществимость этого желания. В мечтах о возвращении в родную страну – то же существование по стереотипу («пить пиво», как и в Париже), что фиксирует ограниченность героя.

Герой романа Миллера заявляет о нейтральности своей национальной идентичности: «не американец», «но еще менее европеец» [11. С. 174]. Д.С. Петров пишет о «скользящей самоидентификации» героя [19. С. 154]: «...отказываясь от социокультурных парадигм американского образа мысли, он в то же время не может стать европейцем» [19. С. 190]. Однако сюжетная логика романа, поведение героя в тех или иных сюжетных ситуациях корректируют это наблюдение. Сюжет романа «Тропик Рака» прочитывается как сюжет становления героя, конструирования его личностной самоидентичности. Сюжет рождения художника и создания романа, на наш взгляд, не в центре повествования, дан пунктирно: в центре творческая личность, погруженная в эмпирический поток, но творчество – лишь способ приближения к реальности. Погруженность в реальность центрального персонажа создает кумулятивную сюжетную схему: «нанизывание» событий, состояний и включений персонажа, связанных с его попытками выжить в Париже.

В кумулятивном сюжете романа Миллера можно выделить две сюжетные ситуации, связанные с национальной самоидентификацией героя-эмигранта: 1) жизнь среди «чужих» в 1–7-й главах; 2) жизнь среди «своих» в 8–15-й главах¹. В первой трети романа показано преимущественно взаимодействие героя с *чужими*, не американцами: жизнь среди русских эмигрантов (у Бориса в 1–2-й главах, у Сильвестра и Тани и в общине русских в 5-й, у Сержа в 6-й главе), среди индусов (у Нанантати в 7-й главе), бродяжничество по парижским улицам среди французов

¹ Деление условно: в первой половине романа появляется большинство персонажей-американцев, играющих важную роль в дальнейшем (Карл, ван Норден), а 4-я глава посвящена общению с американцем Карлом. Одна из глав второй половины романа (12-я) посвящена жизни героя рядом с бывшей русской княгиней (но в квартире американца Филмора), а в другой (14-й) герой работает во франко-американском лицее с французскими учениками (но учит их английскому языку).

(3-я глава). Во второй половине романа – взаимодействие героя *со своими*, с американскими эмигрантами, в чем проявляется его национальная идентичность. Ситуации в 8–15-й главах показывают бессознательное следование Генри американскому образу жизни и тягу к соотечественникам: попытки работать, чтобы обрести независимость (корректором в 8–9-й главах, преподавателем английского в 14-й), попойка с американцами (богачом Филмором и моряком Коллинзом) и их ностальгия по Америке (10-я глава), жизнь с Филмором (12–13-я главы) и помощь ему в возвращении в США (15-я глава). Представляется, что в смене сюжетных ситуаций есть логика движения сюжета: так проверяются национальная идентичность героя, возможность возвращения в родной национальный мир.

Сюжет повести «Распад атома» прочитывается как сюжет самопознания: герой не развивается, а раскрывается в проявлениях устойчивых свойств. Его фантазии, наблюдение за окружающими, рефлексия мировой культуры и мировой истории направлены не столько на познание мира, сколько на познание самого себя, поскольку, в его представлении, «история моей души и история мира» «сплелись и проросли друг в друга» [15. С. 15]. От осознания тотального распада и рефлексии «мирового уродства» как искажения духовной сущности современного человека и от иллюзии собственной отделенности от окружающего герой приходит к пониманию того, что он «сам частица мирового уродства» [15. С. 34].

Наиболее важна в национальной самоидентификации героев Миллера и Иванова любовная линия, так как ностальгические переживания героев сводятся не к национальному пространству, а к потере возлюбленных, символизирующих утраченный родной мир: Мона – Америку, возлюбленная «атома» – Россию. Женщины исконного пространства недостижимы, существуют в памяти героев. Для Генри Мона – всегда «она», о ней говорится в 3-м лице, а для «атома» возлюбленная – всегда «ты», с ней ведется непрекращающийся до последних мгновений жизни диалог. То есть герой романа Миллера, в отличие от героя Иванова, преодолел психологическую травму брошенной любимой женщиной.

Д.С. Петров замечает, что Мона – вне событий реальной жизни героя в настоящем времени, образ ее идеализирован, она не встраивается в систему женских персонажей романа Миллера [19. С. 159]. С ней связаны тема ожидания, надежды, дающей силы, и тема Америки, «утраченного дома, “открытки”, которую лучше держать в отдалении, но которая дает надежду на возвращение» [19. С. 171]. Мона, в отличие от возлюбленной героя Иванова, реальна и телесна, но они с Генри разделены Атлантикой, и возвращение к ней в Америку означает возвраще-

ние к прежнему образу жизни: психологическую зависимость от жены, подавление и утрату «я». Отношения героя с Моной не завершены, они не развелись и не расстались, но измучили друг друга в любви-борьбе. Упоминается, что они вместе были в Париже, расставались «в феврале, в порту» [11. С. 61].

В «Распаде атома» возлюбленная нереальна и бестелесна, ее образ подчеркнута литературен, А.М. Ранчин видит в ней «гротескную пародию» на символистскую Прекрасную Даму [5]. Возвращение к ней невозможно, как и возвращение в Россию, так как возлюбленная, возможно, мертва («твоих погасших зрачков» [15. С. 15]). Воспоминание о расставании свернуто в рефрене: «Синее платье, размолвка, зимний туманный день» [15. С. 19]. Как и в «Тропике Рака», расставание происходит зимой, но у Миллера это февраль – преддверие весны, новой свободной жизни. У Иванова повторяющийся шесть раз рефрен выражает поглощенность на утрате, невозможность начать новую жизнь.

В обоих произведениях в любовной линии сюжета даны попытки героев преодолеть память о возлюбленных. Генри пытается отказаться от своей «американскости», чтобы стать художником, находящимся вне человечества, а значит, он должен забыть Мону, связывающую его с Америкой. «Атом» пытается забыть возлюбленную, чтобы избавиться от мучений, но не может отказаться от воспоминаний о ней, связывающих с утраченной родиной, в чем и проявляется его национальная и личностная идентификация, вопреки осознанию распада.

В Париже Генри зависим от Моной и психологически, и материально. Связывающий их локус – банк «Американ экспресс», куда Генри в первой половине романа периодически приходит в надежде получить деньги от жены из США. Несмотря на ощущение вины за невозможность быть ответственным за любимую, он не стремится восстановить ведущую роль в отношениях. Борьба с памятью как борьба за освобождение своего «я» проявляется в постоянных адресованных себе утверждениях, что он забыл Америку и Мону: «...у меня есть воспоминания, но образы утратили свою живость, стали мертвыми и ненужными» [11. С. 174]; «мысль об Америке никогда не приходит мне в голову. Она для меня дальше, чем потерянные континенты <...> Правда, порой я вспоминаю Мону, <...> как что-то отвлеченное» [11. С. 196]. Однако воспоминания о Моне и о жизни в Америке постоянны, поэтому утверждения героя воспринимаются попыткой самообмана и самовнушения об отрыве от жены и от США.

Воображаемый диалог героя с возлюбленной в «Распаде атома» напряжен, это объясняется желанием вернуть прошлое, но и желанием

забыть, освободиться, что сближает его с героем «Тропика Рака»: «Я хочу в последний раз вызвать из пустоты твое лицо, собрать перемешанное, истлевшее твое и мое, как горсточку праха на ладони, и с облегчением дунуть на нее» [15. С. 19]. Отказаться от воспоминаний не удастся из-за жалости к себе, вместе с тем их важно сохранить как воспоминания о лучшей жизни, о празднике молодости. Однако и уйти в воспоминания невозможно, неизбежно возвращение в реальность, в чуждый Париж. В «Распаде атома» распались не только любовные отношения, но и память о возлюбленной.

На фабульном уровне оба героя пытаются компенсировать неразделенное чувство в отношениях со сниженными замещениями возлюбленной: с любовницей, с проститутками. М.О. Рубинс считает, что проститутки у Миллера «связаны с изменчивой, неопределимой, бессознательной и иррациональной жизненной силой. Через половой акт герою дано преодолеть границы, поставленные физической природой и рациональностью, выйти за пределы своего субъективного и тесного “я”, освободиться от пут механистической цивилизации и слиться с безграничным универсумом» [10. С. 96]. Генри хочет не только эротического наслаждения, но и любви как духовного соединения, поэтому пытается заменить любимую жену в отношениях с русской эмигранткой Таней. Однако Таня, как и Мона, не принадлежит герою, несмотря на интимную близость, она зависима от мужа, более состоятельного, по сравнению с Генри, человека. Это показывает любовные отношения как борьбу за обладание другим человеком при материальной и духовной невозможности владеть.

Возможность для Генри быть вместе с Таней – отъезд в Советскую Россию. Таня исчезает из повествования в 5-й главе романа; влекомая ностальгией по родной стране, она едет в Советскую Россию, откуда возвращается в Париж в 9-й главе и пытается навязать Генри свой миф об обретении Дома и новой жизни в России. В сознании американского эмигранта этот миф отторгается пониманием, что современная Россия подобна Америке. По Миллеру, и в Америке, и в Советской России доминирует массовый человек с оптимистическим мироотношением, стереотипным мышлением и механическим существованием: «В России не нужны печальные лица, там хотят, чтобы все были бодры, полны энтузиазма, оптимизма и жизнерадостности. Для меня это звучало так, будто речь шла об Америке. Но от природы мне не дано такого энтузиазма» [11. С. 190]. В обеих странах, чтобы не оказаться «чужим», необходимо отказаться от индивидуальности. Генри отвергает возможность отъезда из Парижа, истончаются и связи с Таней.

В фантазиях герой Иванова бессознательно стремился компенсировать утрату молодой возлюбленной (мертвая девочка, «генеральная дочка»), и выбор проститутки в финальных главах повести – внешне юной, «хорошенькой девчонки» – это реализация фантазий. Попытка одухотворить воображением проститутку, поднять ее до уровня возлюбленной, до «Психеи» бесплодна. Половой акт – лишь физиология жизни, но не жизнь в многосложности ее переживания. Более того, разрушается миф о женщине как смысле существования: «легчайший, эфемерный и все-таки не уничтожимый <...> запах. Тот же, что от меня, голубка... <...> Значит, нет между нами ни в чем разницы» [15. С. 32].

В финальной, 15-й главе романа «Тропик Рака» в истории американца Филмора пародийно переворачивается ситуация, толкнувшая Генри к эмиграции. Генри бежал от американского мелкобуржуазного социума и от мучившей его любимой жены во Францию, но Филмор бежит в США от проститутки-француженки Жинетт, которая женит его на себе, манипулируя беременностью. Миф Филмора о свободной жизни в Париже разрушен, оказывается, «это не цирк, а просто арена, такая же, как и везде» [15. С. 305]. В побеге Филмора в США, которому помогает Генри, проявляется власть «крови» над человеком, невозможность окончательно разорвать с родным национальным миром: «Мы не можем себя переделать, как бы мы ни восхищались французами. Мы – американцы и должны оставаться американцами. <...> Мне нечего здесь делать» (слова Филмора [11. С. 304]).

Происходит акт самоидентификации героя романа Миллера: с деньгами Филмора, которые он обещал отдать Жинетт, но забирает себе, получена реальная возможность вернуться в Америку, но он остается в Париже. Крупная сумма дает иллюзию свободы и превосходства над другими, но остается осознание, что деньги будут потрачены, а положение в парижском социуме не изменится. Генри освобождается от воспоминаний и власти Моны, потому что приближается к обычным парижанам. Претензии героя на положение вне человечества снижаются: в финале он среди парижан, в пивной на берегу Сены, *внутри* цивилизации. Решение о возвращении в Америку не отвергнуто, но отложено, однако Генри не утрачивает американского сознания. В следующих романах Миллера его герой вернется в США сначала ментально («Черная весна», «Тропик Козерога»), а потом физически («Биг-Сур и апельсины Иеронима Босха», 1957), как и сам автор.

Герой повести «Распад атома» сохраняет русскую идентичность, но не может жить без любви и без духовной почвы. Он совершает самоубийство, не только отказываясь от существования в распадающемся

мире, но и реализуя интенцию русского сознания – пытается прорваться к запредельному, но безрезультатно: в вечности, в последние мгновения жизни не обнаруживается божественного присутствия, лишь воспоминание об утраченной любви: «Сквозь вращенье, трепет и блеск, понемногу проясняясь, проступали черты. Смысл жизни? Бог? Нет, все то же: дорогое, бессердечное, навсегда потерянное твое лицо» [15. С. 34]. Видение возлюбленной можно было бы воспринимать как утверждение любви, замещающей Бога и дающей последнюю надежду человеку в богооставленном мире, но за финальной сценой следует вставной текст – предсмертная записка героя, адресованная «многоуважаемому господину комиссару», по оценке А.М. Ранчина, «занимающему место Бога в мире “мирового уродства”» [5]. Записка объясняет причину самоубийства – осознание себя частицей «мирового уродства», а значит, самоубийство – не бунт против мироздания, а самосуд, экзистенциальный выбор.

Сопоставление повести Иванова «Распад атома» и романа Миллера «Тропик Рака» приводит к выводу о типологических сходениях прозы двух писателей, но решения проблемы национальной самоидентификации и проблемы существования человека в «распадающемся» мире у них различны. По представлению русского писателя, человек, оторвавшийся от «атома» родной страны и культуры, обречен на духовный распад, несвязанность с любой другой культурой. Миллер предчувствует современную ситуацию глобализации; территориальная идентичность современного человека, по представлению американского писателя, ослаблена: он самостоятельно выбирает отечество, хотя и не может сменить национальную идентичность, разорвать связь с родной страной.

Список источников

1. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М. : Флинта, МПСИ, Прогресс, 2006. 352 с.
2. Новая философская энциклопедия. М. : Мысль, 2010. Т. 2: Е–М. 640 с.
3. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М. : АСТ : Транзиткнига, 2004. 635 с.
4. Попова М.К. Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2004. 169 с.
5. Ранчин А.М. Экзистенциализм по-русски, или Самоубийство Серебряного века: «Распад атома» Георгия Иванова // Нева. 2009. № 9. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2009/9/ra15.html> (дата обращения: 06.09.2020).
6. Ходасевич В.Ф. Распад атома // Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Согласие, 1996. Т. 2. С. 414–418.
7. Гуль Р.Б. Георгий Иванов (вступительная статья) // Иванов Г.В. 1943–1958. Стихи. Нью-Йорк : Новый журнал, 1958. С. 5–16.

8. Г.В. Иванов, И.В. Одоевцева, Р.Б. Гуль. Тройственный союз. Переписка 1953–1958 годов / ред. Л.М. Сурис. М. : Петрополис, 2010. 277 с.
9. Трушкина А.В. Особенности поэтического мира Георгия Ивановна 1920–1950-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 20 с.
10. Рубин М.О. Русский Монпарнас. Парижская проза 1920–1930-х годов в контексте транснационального модернизма. М. : НЛЮ, 2017. 222 с. URL: www.litres.ru/mariya-rubins/russkiy-monparnas-parizhskaya-proza-1920-1930-h-godov-v-kont/ (дата обращения: 27.12.2020).
11. Миллер Г. Тропик Рака // Миллер Г. Тропик Рака ; Черная весна : романы / пер. с англ. Г. Егорова, В. Минушина, Н. Пальцева. М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. С. 43–316.
12. Перле А. Мой друг Генри Миллер. СПб. : Лимбус Пресс, 1999. 352 с.
13. Тория Ж.Н. Проблема формирования национальной идентичности французской молодежи: социологический анализ // Коммуникология. 2017. Т. 5, № 6. С. 103–110.
14. Житкова Л.Н. Примечания // Миллер Г. Тропик Рака ; Черная весна : романы / пер. с англ. Г. Егорова, В. Минушина, Н. Пальцева. М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. С. 316–346.
15. Иванов Г.В. Распад атома // Иванов Г.В. Собр. соч. : в 3 т. М. : Согласие, 1994. Т. 2: Проза. С. 5–35.
16. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. М. : Алгоритм, Эксмо, 2008. 544 с.
17. Аствацатуров А.А. Генри Миллер и его «парижская трилогия». М. : Новое литературное обозрение, 2010. 339 с.
18. Аствацатуров А.А. Генри Миллер и Уолт Уитмен // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2012. № 1. С. 3–6.
19. Петров Д.С. Роман Генри Миллера «Тропик рака» и европейский сюрреализм : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 219 с.

References

1. Erickson, E. (2006) *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. Translated from German. Moscow: Flinta, MPSI, Progress.
2. Stepin, V.S. (ed.) (2010) *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
3. Huntington, S. (2004) *Kto my? Vyzovy amerikanskoj natsional'noy identichnosti* [Who are we? Challenges to American National Identity]. Translated from English. Moscow: ACT: Tranzitkniga.
4. Popova, M.K. (2004) *Natsional'naya identichnost' i ee otrazhenie v khudozhestvennom soznanii* [National identity and its reflection in artistic consciousness]. Voronezh: Voronezh State University.
5. Ranchin, A.M. (2009) *Ekzistentsializm po-russki, ili Samoubiystvo Serebryanogo veka: "Raspad atoma" Georgiya Ivanova* [Existentialism in Russian, or the Suicide of the Silver Age: "The Decay of the Atom" by Georgy Ivanov]. *Neva*. 9. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/neva/2009/9/ra15.html> (Accessed: 6th September 2020).
6. Khodasevich, V.F. (1996) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works: in 4 vols]. Vol. 2. Moscow: Soglasie. pp. 414–418.

7. Gul, R.B. (1958) Georgiy Ivanov (vstupitel'naya stat'ya) [Georgy Ivanov (an introductory article)]. In: Ivanov, G.V. *1943–1958. Stikhi* [1943–1958 Poetry]. New York: Novyy zhurnal. pp. 5–16.

8. Suris, L.M. (ed.) (2010) *G.V. Ivanov, I.V. Odoevtseva, R.B. Gul'. Troystvennyy soyuz. Perepiska 1953–1958 godov* [G.V. Ivanov, I.V. Odoevtseva, R.B. Gul. Triple Alliance. Correspondence 1953–1958]. Moscow: Petropolis.

9. Trushkina, A.V. (2004) *Osobennosti poeticheskogo mira Georgiya Ivanovna 1920–1950-kh godov* [The poetic world of Georgiy Ivanov. 1920–1950s]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

10. Rubins, M.O. (2017) *Russkiy Monparnas. Parizhskaya proza 1920–1930-kh godov v kontekste transnatsional'nogo modernizma* [The Russian Montparnasse. The Parisian prose of the 1920s – 1930s in the context of transnational modernism]. Moscow: NLO. [Online] Available from: www.litres.ru/ma-riya-rubins/russkiy-monparnas-parizhskaya-proza-1920-1930-h-godov-v-kont/ (Accessed: 27th December 2020).

11. Miller, H. (2020) *Tropik Raka; Chernaya vesna: romany* [The Tropic of Cancer; Black Spring: novels]. Translated from English by G. Egorov, V. Minushin, N. Paltsev. Moscow: Inostranka, Azbuka-Attikus. pp. 43–316.

12. Perlès, A. (1999) *Moy drug Genri Miller* [My friend Henry Miller]. Translated from German. St. Petersburg: Limbus Press.

13. Toriya, Zh.N. (2017) Problema formirovaniya natsional'noy identichnosti frantsuzskoy molodezhi: sotsiologicheskii analiz [The problem of forming the national identity of the French youth: a sociological analysis]. *Kommunikologiya*. 5(6). pp. 103–110.

14. Zhitkova, L.N. (2020) Primechaniya [Notes]. In: Miller, H. *Tropik Raka; Chernaya vesna: romany* [The Tropic of Cancer; Black Spring: novels]. Translated from English by G. Egorov, V. Minushin, N. Paltsev. Moscow: Inostranka, Azbuka-Attikus. pp. 316–346.

15. Ivanov, G.V. (1994) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected Works: in 3 vols]. Vol. 2. Moscow: Soglasie. pp. 5–35.

16. Gachev, G.D. (2008) *Mental'nosti narodov mira* [Mentality of the Peoples of the World]. Moscow: Algoritm, Eksmo.

17. Astvatsaturov, A.A. (2010) *Genri Miller i ego "parizhskaya trilogiya"* [Henry Miller and his "Paris Trilogy"]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

18. Astvatsaturov, A.A. (2012) Genri Miller i Uolt Uitmen [Henry Miller and Walt Whitman]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika*. 1. pp. 3–6.

19. Petrov, D.S. (2006) *Roman Genri Millera "Tropik raka" i evropeyskiy syurrealizm* [Henry Miller's Novel "The Tropic of Cancer" and European Surrealism]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.

Информация об авторе:

Назаренко И.И. – ассистент кафедры истории русской литературы XX–XXI вв. и литературного творчества филологического факультета Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Nazarenko42@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.I. Nazarenko, postgraduate student, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Nazarenko42@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.05.2021;
одобрена после рецензирования 28.06.2021; принята к публикации 09.03.2022*

*The article was submitted 25.05.2021;
approved after reviewing 28.06.2021; accepted for publication 09.03.2022*

Научная статья

УДК 82-21

doi: 10.17223/23062061/31/3

ПУШКИНСКИЕ ТОРЖЕСТВА 1949 ГОДА И ПЬЕСА К.Г. ПАУСТОВСКОГО «НАШ СОВРЕМЕННОК»

Наталья Валерьевна Семенова¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
n.v.semenova@spbu.ru

Аннотация. Анализируется пьеса К.Г. Паустовского «Наш современник» в контексте юбилейного дискурса пушкинских торжеств 1949 г. Выделяются основные черты коммеморативной риторики конца 1940-х гг. (историческая аллюзивность, вызванная завершившейся Великой Отечественной войной, отзвуки кампании по борьбе с космополитизмом). Следуя за идеологическими тенденциями эпохи, Паустовский тем не менее воплощал в драме свой образ Пушкина, над которым работал с середины 1930-х гг. Показано, как выбор знаковых локусов (Одесса, Михайловское) в качестве места действия влияет на формирование смыслов пьесы. Рассмотрен мотив пушкинского слова как оружия. Высказана мысль о создании благодаря свидетельствам персонажей «народной биографии поэта».

Ключевые слова: К.Г. Паустовский, «Наш современник», 150-летие А.С. Пушкина, мемориальный дискурс, кампания по борьбе с космополитизмом

Для цитирования: Семенова Н.В. Пушкинские торжества 1949 года и пьеса К.Г. Паустовского «Наш современник» // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 33. С. 25–46. doi: 10.17223/23062061/31/3

Original article

THE PUSHKIN CELEBRATIONS OF 1949 AND KONSTANTIN PAUSTOVSKY'S "OUR CONTEMPORARY"

Natalia V. Semenova¹

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation,
n.v.semenova@spbu.ru

Abstract. The article tends to grasp the Pushkin Myth in Konstantin Paustovsky's works. The author explores the influence of the official commemorative discourse of the Pushkin celebrations of 1949 (the 150th anniversary of Pushkin's

birth) on the play “Our Contemporary”. She also examines Paustovsky’s essays which depict the writer’s visits to Pushkinskye Gory, where the poet’s estate was located. The article enlightens the historical and cultural context of “Our Contemporary”. The method of discourse analysis was applied to the speeches of Konstantin Simonov and Sergey Vavilov. The analysis is based on the conception of Pierre Nora’s *lieu de mémoire* as well. The first part of the article describes the key components of the commemorative discourse of the 1937 and 1949 anniversary celebrations. During the postwar period, a certain allusiveness emerges in the texts on Pushkin, which could be explained as a consequence of manipulation with linear time that resulted in definite historical parallels between the 1812 War and the Great Patriotic War. At that time, the Pushkin celebrations were focused on regional lieux de mémoire. Thus, Tsarskoye Selo and Pushkinskye Gory were quickly restored after the war to demonstrate the power and growth of the USSR. The second part of the article pinpoints on an inner opposition of Paustovsky’s works to the solemn anniversary rhetoric of Pushkin’s celebrations of the 1930s–1940s. In his essays, Paustovsky decreases ritual pathos that official speeches about Pushkin and Pushkin’s places contain. He emphasizes the metaphors of devastation and abandonment unusual in Pushkin commemorative discourse. The prevalent image of monumental Pushkin is replaced by a depiction of a real man who was transformed after his death into the genius loci of Mikhailovskoye estate. The third part of the article is the analysis of the architectonics of “Our Contemporary”. The opposition of two locations – Odessa and Mikhailovskoye – constitutes the composition of the play. However, scenes that occur in Odessa and Pskov Governorate include hidden parallels that materialize in common motifs, locations, and personage’s functions. The issue that is explored in the concluding part of the research is how Paustovsky’s play refers to a campaign against “cosmopolitanism”. The blending of Pushkin’s poems and ideological implications produces a complicated interaction between authenticity and artificiality. Paustovsky applies the rhetoric of the Cold War period in a broad context (e.g., use of the adjective “rootless”). He provides a different interpretation of the Pushkin myth as an object of people’s love and worship. Personages referred to the people are regarded as witnesses who give testimony on the poet’s life. They also positively appraise the poet’s “words”. The author concludes that “Our Contemporary” reflects the pivotal issues and motifs of Soviet commemorative discourse of the Pushkin celebrations. Nonetheless, Paustovsky describes the poet not as a monument but as a genius loci. Focus on everyday life and the incorporation of Pushkin’s poems reinforce the image of the poet as a private person. Other characters give testimonies that constitute Pushkin’s biography.

Keywords: Konstantin Paustovsky, “Our Contemporary”, 150th anniversary of Pushkin’s birth, commemorative discourse, campaign against “cosmopolitanism”

For citation: Semenova, N.V. (2023) The Pushkin celebrations of 1949 and Konstantin Paustovsky’s “Our Contemporary”. *Tekst. Kniga. Knigozhdanie – Text. Book. Publishing*. 31. pp. 25–46. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/31/3

Биографическая драма «Наш современник» К.Г. Паустовского опубликована в шестом номере журнала «Новый мир» за 1949 г., в сентябре того же года ее поставил Малый театр в Москве¹. Пьеса была приурочена к 150-летию со дня рождения А.С. Пушкина – первой крупной дате после 100-летней годовщины смерти поэта, которая отмечалась со столь широким размахом². В отличие от празднеств 1937 г. торжества 1949 г. изучены недостаточно³, как и пьеса Паустовского в их контексте. Подготовка к юбилею поэта велась в атмосфере холодной войны, сопровождалась идеологическими кампаниями по борьбе с космополитизмом и низкопоклонничеством перед Западом⁴. 1949 год завершился еще одним юбилеем – семидесятилетием Сталина⁵. Таким образом, текст Паустовского окружает сильный информационный фон, и вопрос, который нас занимает: как пьеса резонировала с ним? Насколько важен был этот фон для писателя, повлиял ли он на создание им своей версии Пушкина?

¹ В пьесе показан период жизни А.С. Пушкина между 1824 и 1825 гг. – от событий, которые привели к высылке поэта из Одессы в Михайловское до сцены в родовом имении после получения героем известия о поражении восстания декабристов. Премьера спектакля состоялась 11 сентября 1949 г. Постановка К.А. Зубова, режиссеры В.И. Цыганков и Е.И. Страдомская, художник Ю.И. Пименов. В ролях М. Царев (Пушкин), В. Рыжова (Арина Родионовна) и др. А.А. Грин справедливо отметил, что пьеса «Наш современник» по сравнению с другими драмами о поэте имела «далеко не столь шумный успех» [1. С. 486]. Она была поставлена в Москве, Горьком, Риге, Киеве, Смоленске и за пределами СССР – в Брно, однако собрала незначительное количество отзывов в центральной прессе (см.: [2–4]).

² Юбилею Пушкина 1937 г. посвящено несколько монографий и статей; см., напр.: [5–7]. А. Бринтлингер анализирует биографический нарратив о Пушкине в свете создания советского «полезного прошлого» [8]. Особенности коммеморации Пушкина исследуются в работах С. Сандлер [9] и Е. Добренко [10].

³ Готовится монография Х. Майера о пушкинском юбилее 1949 г. в контексте русского национализма в позднесталинской филологии [11]. Вышла статья О. Ворониной [12]. Рассматривались отдельные моменты юбилея, например присутствие на торжествах писателя афроамериканского происхождения Пола Робсона [13]. А.Ю. Самарин анализирует «пушкинские речи» С.И. Вавилова и вводит в научный оборот одну из них, ранее не публиковавшуюся [14, 15].

⁴ О. Воронина разделяет эти две кампании. Кампания по борьбе с низкопоклонничеством перед Западом развивалась медленно и «за закрытыми дверями», так что даже такие виртуозные идеологи, как Эренбург и Ермилов, не смогли заблаговременно уловить ее веяния. Для анализа риторики Пушкинского юбилея 1949 г. данная кампания важна темой влияния европейской культуры, защиты последней [12. С. 72].

⁵ По иронии судьбы идеологические кампании не воспрепятствовали тому, что подарки, присланные к юбилею Сталина, экспонировались в Пушкинском музее изящных искусств – крупнейшем собрании западного искусства в Москве (подробнее см.: [16]).

Юбилейная риторика, связанная с увековечиванием памяти Пушкина, включает в себя несколько постоянных компонентов, которые сформировались в 1930-е гг.

Первый тезис – о всеобщей популярности поэта – подавался в контексте поворота к русоцентризму и национальной политике этнического партикуляризма [17. С. 99–100]. При этом Дж.Б. Платт подчеркивает оборонительную интонацию в утверждении «русскости» Пушкина. Идея великого национального поэта была «аккуратно вписана в дискурс кампании дружбы народов» [6. С. 96].

Второй тезис касался современности Пушкина и изображения его «нашим товарищем» (А. Платонов). Фигура поэта находилась в центре героического нарратива 1930–1940-х гг. [10. Р. 208] и воспринималась в свете злобы дня, соседствуя «с ненавистью к внешним и внутренним врагам, <...> воспеванием разнообразия и богатства советской культуры» [6. С. 10]. В 1930 г. журнал «Красная нива» поместил очерк А. Топорова «Пушкин у крестьян-коммунаров», посвященный не фантазмагорической картине их встречи, а читкам сочинений писателя. Фиксируя реакции слушателей на творчество Пушкина, автор очерка рассказал о диспуте, который коммунары устроили после чток «Железного потока» А. Серафимовича и «Дубровского». В итоговой резолюции было отмечено, что «по художественной ценности роман Пушкина далеко выше “Железного потока”». Очерк завершался фразой – «поистине в наши дни “Пушкин вновь народился”» [18. С. 7]. Уже из заглавия пьесы Паустовского очевидно, что это представление о близости Пушкина новой эпохе являлось для драматурга основополагающим.

В 1949 г. мемориальный дискурс пополнился новыми темами. Шестого июня в Москве на торжественном заседании в Большом театре выступили с речами и докладами А.А. Фадеев, К.М. Симонов и другие писатели. На следующий день в Колонном зале Дома Союзов было проведено торжественное заседание Академии наук. В риторике выступлений писателей и ученых отразилось послевоенное восприятие Пушкина, осложненное отзвуками кампании по борьбе с космополитами, пафосом завершившейся войны и нового восстановления страны¹.

¹ См., напр.: [19. С. 189]. При этом А.И. Самарин отмечает, что речь С.И. Вавилова отличалась от других юбилейных выступлений: «...академик, используя свою огромную эрудицию, направлял в аудиторию совсем нетривиальные сигналы» [14. С. 169]. В частности, он завуалированно высказывал «мысль о несовершенстве окружающей его действительности, над которой возвышался гений Пушкина» [14. С. 171].

К.М. Симонов в своем докладе вписывал биографию Пушкина в историю России: «Пушкин родился в тот год, когда русские войска под водительством Суворова на равнинах Северной Италии и в горах Швейцарии впервые и победоносно встретились с войсками Наполеона...» [20. С. 4]. Рассказ о частной жизни в обрамлении более масштабных событий – довольно традиционное решение, однако Симонов использует фигуру Наполеона и факт Отечественной войны для разговора о послевоенной советской действительности. Мы не будем углубляться в полемику, вытеснил ли «миф о войне» дореволюционное прошлое или нет (Д. Бранденбергер), исчезла ли история в позднесталинской историографии, растворившись в «современности» (Х. Майер). Нам важна та особая аллюзивность, которая возникает в результате манипуляций с линейностью времени. Тема Отечественной войны, проходящая красной нитью в речи Симонова, заставляет по-новому звучать слова о национальном достоинстве страны, о народе и корнях в аудитории, пережившей недавно Вторую мировую войну. Поэтому, говоря об отношении советских людей к поэту, докладчик отмечает милитарную функцию последнего: «В руках победившего народа Пушкин – это оружие» [20. С. 39]¹.

Еще одна особенность текста Симонова и других выступлений заключается в сочетании представления о Пушкине как о наследнике народных традиций, славного прошлого, мировой и русской культуры с темой наследия поэта, включавшего также знаковые локусы. Биография Пушкина соотносится не только с историческими событиями, но и с конкретными географическими местами. Идея *genius loci* актуализировалась именно в связи с юбилеем 1949 г., который характеризовался региональной направленностью. Основное воплощение она получила в проекте «Русский Веймар» (Царское Село) президента Академии наук СССР академика С.И. Вавилова. Для увековечивания памяти Пушкина планировалось превратить целый город в единый мемориальный комплекс, создать там музейный и научно-исследовательский центр². Вы-

¹ О Пушкине как об идеологическом оружии писала также О. Воронина.

² Подробнее см.: [21]. Идея памятника поэту в виде целого города восходит к монументализму торжеств 1930-х гг. [6, 5], однако юбилей 1937 г. прошел и не оставил после себя масштабных проектов, продолжающих развиваться (кроме издания полного собрания сочинений Пушкина в 16 т.). Создание научно-музейного центра имело выход на международную арену, поскольку его моделью послужили заграничные научные центры вблизи крупных городов. После смерти Вавилова в 1951 г. Академия наук передала здание Александровского дворца и бывшего Царскоесельского лицея военному ведомству. Причины неуспеха создания «Русского Веймара» Л.М. Солдатов видит в начале «ленинградского дела», «чистке» партийного и руководящего аппарата управленческой системы Ленинграда и незаинтересованном отношении к юбилею со стороны правительства [21. С. 565].

сказывалась мысль, что «в разрушенной стране в столь короткие сроки восстановить места, связанные с памятью национального гения, значило еще раз продемонстрировать всему миру силу и могущество Советского Союза!» [21. С. 559–560].

Итак, после столичных мероприятий празднование переместилось в Ленинград и Царское Село, где был открыт музей Лицей, по поводу чего состоялось большое народное гуляние. Наконец, члены Всесоюзного юбилейного комитета и делегаты от Академии наук выехали в Псковскую область, которой, по словам Вавилова, придавалось большое значение в коммеморативной практике юбилея.

Образ Михайловского неоднократно возникает в творчестве Паустовского: в очерке 1936 г. «Михайловские рощи», в романе 1944 г. «Дым отечества», в статьях 1949 г. «Пушкин на театральных подмостках» и «Сказки Пушкина», а также начиная с пятой картины пьесы «Наш современник». Для анализа диалога, который писатель выстраивает с пушкинским топосом, необходимо подробнее остановиться на рецепции «малой родины» поэта в выступлениях 1949 г.

В юбилейной речи в Псковском драматическом театре Вавилов выделяет несколько этапов биографии Пушкина: Москва – беспечное детство, Лицей – студенчество и «вторая родина», Петербург – юность и первые проблемы («великолепный город был средоточием всех отрицательных черт царской, дворянской России» [22. С. 40]). Возникающее в следующем абзаце Михайловское ломает стройную схему соответствия возраста и места. Движение времени из линейного становится циклическим: поэт постоянно возвращается на псковскую землю предков и обретает там свой последний приют.

Посещение могилы поэта – одно из проявлений «юбилейного элегизма» [6], который вызывали поездки по пушкинским местам. Последним, по мнению С. Сандлер, была свойственна особая темпоральность, выражавшаяся в сопротивлении времени, попытке его остановить. Платт считает, что присутствие у надгробия и влияние на восприятие пасторального пейзажа способствовали «возникновению чувства принадлежности к коллективу и общности с ним» [6. С. 61]. Оплакиваемый Пушкин в итоге возрождался в виде монумента. Нахождение в заповеднике и других мемориальных местах способствовало тому, что каждый мог ощутить личную связь с поэтом.

П. Нора называет такого рода объекты «местами памяти» и относит к ним помимо кладбищ праздники, годовщины, храмы, архивы, музеи и т.д. [23. С. 26]. Места памяти, по мнению исследователя, возникают, когда память социальных групп, связанная «с вечным настоящим» и уко-

рененная «в пространстве, жесте, образе и объекте» [23. С. 20], исчезает. Воспоминания превращаются в реконструкцию и становятся частью истории. Трансформированная память лишена спонтанности, и, несмотря на ритуальность переживаемого совместно действия (общие читки, речи, массовые издания книг), она является психологической, субъективной и нуждается в документировании свидетельства¹.

Очерк Паустовского «Михайловские рощи» завершается посещением могилы поэта, однако этот эпизод отличается от юбилейных элегических описаний. Приближение к месту, где похоронен Пушкин, начинается с изображения расположенного около Святогорского монастыря поселка: «По громадным булыжникам день и ночь медленно грохочут телеги: свозят в Пушкинские Горы сухое сено. От лабазов и лавок несет рогожами, копченой рыбой и дешевым ситцем. Ситец пахнет, как столярный клей» [26. С. 168]. Далее показан путь к могиле Пушкина «через пустынные монастырские дворы», по лестнице к «обветшалым стенам собора», «пахнет бурьяном, корой, устоявшимся летом» [26. С. 168]. И наконец – итог путешествия – «простая могила, куда долетают хриплые крики петухов». Пушкин «похоронен в грубой песчаной земле, где растут лен и крапива, в глухой народной стороне» [26. С. 168].

Паустовский намеренно снижает фон вокруг места памяти – бытовые шумы и запахи, атмосфера запустения и заброшенности. Все это разрушает «юбилейность» и пафос, свойственные «туристическим» описаниям. С другой стороны, эпизод с посещением могилы представляет собой визуализацию пушкинского стихотворения «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» Образ «милого предела» из этого поэтического текста включен в очерк. Суэта в поселке является «младой... жизнью», бурьян, лен и крапива воплощают «равнодушную природу». Здесь важен выбор Паустовским претекста, вернее, его отказ от другого претекста – всюду цитируемого «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»² Тем самым

¹ Личная оценка появляется в письме Паустовского с могилы Пушкина, которое было адресовано Р. Фраерману. В то же время запись, сделанная писателем в Книге посетителей Михайловского за 1937 г., снова объективна и стилистически нейтральна. Обе цитаты приведены в [24. С. 124–125]. Воспоминание Паустовского о посещении Михайловского и могилы Пушкина в 1950-е гг. выполнено в традиционном элегическом ключе и включается в ряд эмоциональных свидетельств о духовной встрече с поэтом: «Неужели через несколько минут мы будем стоять около могилы поэта?» [25. С. 128].

² Симонов в своей речи в Большом театре сразу же объявлял: «Стихи Пушкина – это вечный памятник поэзии <...> величайший образец для всех художников, желающих служить народу» [20. С. 4]. Вавилов, как и Симонов, обыгрывает стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», но если Симонов ставит знак ра-

в «Михайловских рощах» утверждается не распространенное представление о монументальности поэта, а идея о нем как об обитателе этих мест – реальном человеке со своей частной жизнью, который после смерти превратился в *genius loci*. Данное восприятие позже найдет отражение в пьесе «Наш современник».

В связи с захоронением Пушкина в выступлениях 1949 г. возникает отдельный сюжет – препятствие попыткам уничтожить место памяти. «На пушкинские места налетела черная туча фашистских воронов. Три года эти враги культуры грабили и разрушали пушкинские памятники. Даже могила Пушкина была заминирована», «...но наши войска столь стремительно прогнали немцев, что они не успели совершить свое мрачное злодеяние. Наши саперы вынули мины из-под самого обелиска» [22. С. 41, 42]. Это был не единственный случай предотвращения порчи памятников, связанных с Пушкиным. Та же участь была уготована скульптуре Пушкина-лицеиста Р.Р. Баха (1899). Перед приходом неприятеля в Царское Село памятник «был глубоко зарыт в землю. Немцы искали его и не смогли найти» [22. С. 31]. После войны, к открытию музея, изваяние вновь установили. Так памятник обретает эмоциональную, моральную и символическую ценность – за него идет борьба, чтобы деморализовать противника, его важно (не дать) уничтожить. Е. Фарыно отмечает особую реакцию на вандализм памятников именно Пушкину – «возмущение перерастает в негодование и переименовывается если не в “святотатство / кощунство”, то в оскорбление национальной гордости» [27. С. 18].

Могила Пушкина как место памяти поэта распространяет свое влияние на псковскую землю, которая становится объектом поклонения, и далее – на территорию СССР и даже на весь мир. Поэт Н. Тихонов в речи на митинге у надгробия в Пушкинских горах произнес: «Это место сегодня видно всему миру. Это почетное любимое место всего советского народа и всего передового человечества» [22. С. 42]¹. Таким образом, можно говорить о своеобразной тотемизации и потребности непосредственного контакта с объектом сакрализации².

венства между «я» и «памятник», то Вавилов продолжает метафорический перенос: Пушкин – памятник – могила Пушкина – земля – псковская земля – и итог: «Никогда не зарастет народная тропа к этим местам» [22. С. 42].

¹ Аналогично в очерке Паустовского могила Пушкина обозначена как «известная всему человечеству» [26. С. 168].

² Фарыно приводит в пример два более поздних памятника, под один из которых в Зеленограде была заложена капсула с землей, привезенной с могилы Пушкина [27. С. 42–43].

Еще один характерный для послевоенной коммеморативной практики мотив – восстановление заповедника: «Воскресает ее (псковской земли. – *Н.С.*) историческая и культурная слава» [22. С. 41]. Идея восстановления плавно переходит в идею сохранения и консервации памятного места. Возникают оформляющие локус «декорации»: «На протяжении десятков километров у околицы каждой деревни их (потоки людей. – *Н.С.*) встречали праздничные арки, красочные панно на сюжеты пушкинских произведений, портреты поэта, увитые зеленью. Каждая изба-читальня, каждый клуб, райсовет, сельсовет и даже многие частные дома были украшены зеленью, портретами Пушкина и красными стягами с волнующими призывными словами поэта» [22. С. 42]. Аудитория, поклоняющаяся поэту, соответствующая – это советская «аристократия»: «стахановцы псковских фабрик и заводов, передовики сельского хозяйства области, городская интеллигенция» [22. С. 40].

Паустовский в своих статьях о Пушкине, Михайловском и работой над пьесой внутренне полемизирует с такого рода юбилейной декоративностью. Из очерка «Михайловские рощи» в более поздний текст «Пушкин на театральных подмостках» почти дословно перенесен фрагмент о совсем непарадном прибытии повествователя в бывшее поместье поэта, что подчеркивает важность данного эпизода для писателя.

«Телега въехала в сумрачный сосновый лес. В траве около дороги что-то белело. Я соскочил с телеги, нагнулся и увидел узкую дощечку, выкрашенную в белый цвет. Она была прибита к низкому столбику. На дощечке было написано:

...В разные годы

Под вашу сень, Михайловские рощи,

Являлся я...

Чтобы прочесть эту надпись, мне пришлось оборвать повилыку. Она крепко заплетала дощечку.

– Что это? – спросил я возницу.

– Это? – переспросил он. – Да это же метка. Отсюда начинается земля Александра Сергеича. Это его лес, михайловский» [28. С. 354].

Уже отмечавшееся обилие бытовых деталей у Паустовского – телега, заросшая дощечка со стихотворной цитатой – контрастирует с официальными красными стягами. Вместо восстановления – ностальгическое запустение и сохранение заповедника в заброшенном состоянии. Уже в «Михайловских рощах» задана иная система координат – иная аутентичность: «Я вспоминаю леса, озера, парки и небо. Это почти единственное, что уцелело здесь от пушкинских времен»; «главная прелесть Михайловского парка в обрыве над Соротью и в домике няни Арины

Родионовны – единственном домике, оставшемся от времен Пушкина» [26. С. 164, 165]. В статье 1949 г. ощущение присутствия поэта также передается через локус и природу: «...вот здесь, на этой песчаной псковской земле, под этим низким морозящим небом, жил когда-то Пушкин» [28. С. 353].

В пьесе «Наш современник» два локуса – Одесса и село Михайловское. Паустовский соотносит их по различным параметрам: по месту и времени действия (город–деревня, лето–зима). На уровне списка действующих лиц происходит разделение персонажей на две части. Один герой может частично перенимать на себя функции другого в ином пространстве: позицию Елизаветы Воронцовой, которая ворошит волосы героя, «как няня», в следующей картине занимает Арина Родионовна. Локусы в тексте, на первый взгляд, противопоставлены друг другу. «Отсюда, из захолустья, мне понятнее жизнь, чем было в Одессе, в Петербурге» [29. С. 152], – замечает Пушкин, находясь в родовом поместье. Однако в одесских и псковских сценах присутствует скрытый параллелизм. Так, например, пьеса открывается эпизодом в ресторации на пристани, где сам «воздух наполняется оранжевым блеском» [29. С. 105]. В предпоследней картине возникает дымный и шумный трактир в Святых Горах. Если в первой картине Пушкин знакомится с матросом, который присутствовал на похоронах Байрона, то в трактире он сталкивается с беглым раненым декабристом. Неслучайно святогорский исправник, услышав песнопение слепца «Вечная память», восклицает: «Что за панихида?» [29. С. 168] – реплика, которая отсылает к рассказу о прощании с английским поэтом. Обе эти встречи – с матросом и мятежником – внутренне меняют Пушкина и создают эмоциональную напряженность. Майер считает, что в Одессе происходит «“передача эстафеты” от погибшего Байрона как поэтического лидера прогрессивного человечества к Пушкину как новому гению, реализующему ту же миссию» [11]. Переход от надежд на будущее к фиаско и состоянию неопределенности демонстрируется сменой локуса и времени года. В финале Пушкин сжигает материалы, компрометирующие его друзей, и соглашается с няней: «И впрямь бесполезно скакать в Петербург» [29. С. 174].

Второй мотив пьесы, связанный с местами, которые позже станут восприниматься в качестве памятных, как ни странно, отсутствие там Пушкина¹. На протяжении действия его постоянно ищут, ощущают его нехватку:

¹ Таким же знаковым было отсутствие поэта в пьесе М.А. Булгакова «Александр Пушкин» (1939).

«Надежда Осиповна. <...> Он ускакал! В Тригорское. <...> Он к нам не вернется теперь!.. Никогда!» [29. С. 147].

«Я уехала из Одессы в Белую Церковь, к отцу. <...> Если бы вы могли быть здесь! Или в Одессе, куда я скоро возвращаюсь» [29. С. 151].

«Арина Родионовна. <...> А Александра-то Сергеевича нету. В Святые Горы поехал.

Иона. Ай-яй-яй! А я из Святых Гор. По надобности к нему. Разминуйтесь, значит» [29. С. 170].

Неуловимость Пушкина является обратной стороной ощущения его присутствия в месте памяти: поэт только что был здесь, вот-вот вернется. Его отсутствие осознается как потеря. Подобное «эсхатологическое» восприятие (Платт) было также характерно для юбилейного дискурса пушкинских торжеств начиная с 1930-х гг. Косвенным образом оно нашло отражение в идее «Пушкин – современник советской эпохи».

Наконец, еще один выход в современность реализуется через выбор локусов, значимых для драматурга. Одесса и Михайловское связаны не только с Пушкиным, но и с биографией автора пьесы, который вплетает свои личные впечатления от путешествий и встреч в действие. В статье «Пушкин на театральных подмостках» упоминается разговор повествователя со стариками из местечка Зимари и их спор с колхозниками из Тригорского о том, где поэт чаще бывал. Этот же топоним встречается в пьесе в сказке, которую Арина Родионовна рассказывает зимним вечером. Трактир, сцена в котором была так важна для Паустовского, еще раньше был описан в очерке «Михайловские рощи»: «Единственный трактир звенит жидким, но непрерывным звоном стаканов и чайников. Там до потолка стоит пар, и в этом пару неторопливо пьют чай с краюхами серого хлеба потные колхозники и черные старики времен Ивана Грозного» [26. С. 168]. Этот фрагмент затем трансформируется в ремарку, только чай в ней будут пить уже не колхозники, а ямщики, и место повествователя займет Пушкин. В результате грань между Михайловским Пушкина и Михайловским Паустовского размывается, создается эффект застывшего времени, который поддерживает консервация заповедника в настоящем.

Таким образом, писатель предпринимает попытку демонументализировать Пушкина путем трансформации места памяти в место, где обитает реальный человек. Подобное включение Пушкина в окружавшую его среду (городской ландшафт или сельский пейзаж) было концептуально значимо для Паустовского в работе над пьесой «Наш современник», как важна была «непарадность» поэта. Драматург отмечал, что «малейший оттенок пафоса, приподнятости мог убить образ Пушкина на сцене» [28. С. 356].

Пушкин был сверхзадачей Паустовского и труппы Малого театра. Делясь опытом создания пьесы, автор отмечал: «Если Пушкин действительно оживет под пером современного поэта, прозаика или драматурга, то он неизбежно раздвинет границы своей канонизированной биографии» [28. С. 357]. Изображение персонажа, который совершает поступки под действием эмоций, обусловленных частными обстоятельствами, уравнивалось добавлением дополнительных элементов, расширявших «границы» его биографии, – прежде всего поэзии. Возникало сложное внутреннее взаимодействие между аутентичностью и искусственностью.

Это почувствовал М. Царев, исполнитель главной роли в спектакле, рассказавший о технических трудностях перевоплощения: «Приглашали мы специального гримера. Сперва я делал точный грим по маске Пушкина, которой мы пользовались для воссоздания верного внешнего облика, вплоть до формы головы» [30. С. 219]. Грим мешал артисту, несмотря на то что был сделан виртуозно, и от детальной реконструкции лица решили отказаться.

Дихотомия подлинности и искусственности ощущалась и во время подготовки спектакля: «Сама обстановка репетиции – заглушенная музыка, вторящая двадцать раз одно и то же, стук молотков, сказанная внезапно и нараспев пушкинская строфа, перемена света – то лунного, то золотого, вопли художника и режиссеров, схватки на сцене из-за каждой мелочи (например, как зажигали при Пушкине свечи или какой формы были бутылки от шампанского Клико), путаница современных и пушкинских костюмов, шум морского прибоя, запах краски, – все это создает какое-то приподнятое состояние, как будто присутствуешь в комнате у великого сказочника, вроде Андерсена, когда он, соединяя реальность и фантазию, создает свои умные сказки» [28. С. 363].

В самом тексте пьесы выделяется ряд мотивов, представляющих собой искусственные наслоения иного рода – к ним относятся намеки на современность (кампания по борьбе с космополитизмом), концепция «народности» поэта и метафора «слово Пушкина – это оружие». Данные темы присутствовали, как указывалось выше, в юбилейном дискурсе 1949 г. Остановимся на них подробнее.

Отзвуки кампании по борьбе с космополитизмом так или иначе проникают в тексты о Пушкине 1949 г. [12]. Это одна из сквозных тем доклада Симонова, в котором писатель среди прочего касался конфликта поэта с графом Воронцовым, объясняя его англоманией последнего и приводя цитату из «Воображаемого разговора с Александром I». В пьесе «Наш современник» противостояние Пушкина иностранному влиянию

интерпретируется, как у Симонова, однако Паустовский использует риторiku периода холодной войны в более широком контексте.

Примером служит прилагательное «безродный», являющееся частью устойчивого выражения «безродный космополит» (А.А. Жданов, 1948). «Безродным космополитом», увлекшись, Симонов назвал в своем выступлении Дантеса. Данный анахронизм изменил темпоральность высказывания, превратив дуэль Пушкина в актуальное событие настоящего. У Паустовского прилагательное «безродный» произносит Арина Родионовна по отношению к Пушкину: «Все он не спит, все мается, как безродный какой...» [29. С. 143]. Значение слова меняется, из него исключается негативная идеологическая оценка. Герой позиционируется лишенным семьи, домашнего уюта и вызывает жалость. Неслучайно именно эта картина заканчивается ссорой поэта с отцом и отъездом Сергея Львовича с Надеждой Осиповной в Петербург.

Сергей Львович показан в пьесе участником «петербургских космополитических салонов» (Симонов): «Помнишь, Надин, как лакеи прыскают эти (дворцовые. – *Н.С.*) духи на жаровни? Ах, прелесть! Пахучий такой дымок, игра хрустальная под потолками, белые плечи красавиц, музыка на антресолях...» [29. С. 142]. Со светскими красавицами связан фантастический проект Пушкина-отца по продаже косметических средств из капустного сока, произведенных в Михайловском: «В Париже нет красавицы, которая не мылась бы капустным соком <...> Представь! В лучших куаферных заведениях Москвы и Петербурга. Его процеживают, сдабривают лавандой, разливают в хрустальные флаконы. И все! И название можно придумать какое-нибудь такое... грациозное: “Поцелуй Нереиды” или “Рдеющие ланиты”» [29. С. 142]. В итоге проект отвергается прагматичной женой («Ты просто глуп!»), а Сергей Львович становится в один ряд с высмеиваемыми в советской культуре героями-гедонистами, ведущими буржуазный образ жизни. В нарративе о Пушкине к ним относятся такие персонажи, как поклонник заморской кухни, дядя поэта Василий Львович из романа Ю. Тынянова «Пушкин» (1936), чиновник Варсонофьев, мечтающий о поездке в Париж («Ученик Лицея», 1947–1948, А. Платонова) и др. [31. С. 175–176].

В пьесе Сергей Львович – разорившийся дворянин, которого не уважают ни жена, ни дворня. Герой также нивелируется как отец. Шпиона за сыном, перлюстрируя его переписку, персонаж представлен ложной семьей «безродного» Александра, тогда как его подлинная семья – заботливая и понимающая Арина Родионовна. В ссоре поэта с отцом актуализируется еще один мотив драмы – «слово Пушкина – оружие». Пер-

вый раз этот мотив появляется в диалоге с Туманским в картине на пристани в Одесском порту:

«Пушкин. Что поэзия? Слова! А эти руки хотят держать оружие...

Туманский. <...> Ваши стихи разят, как пули...» [29. С. 108].

Размышляя о своем предназначении и протестуя против отъезда в Псковскую губернию, Пушкин восклицает: «Я знаю могущество слов. И я знаю, что способен дать русскому слову полную меру этого могущества. Полную меру! Я хочу жечь словами сердца» [29. С. 120], и «если пистолет дает осечку, то слово – никогда!» [29. С. 136]. Однако до приезда в Михайловское это лишь декларативные заявления. В ссоре с отцом слово поэта перформативизируется. После жесткой отповеди Пушкина его отец ощущает себя избитым:

«Сергей Львович. <...> Люди! <...> На помощь! <...> Как ты посмел! Люди! Он ударил меня!

Надежда Осиповна. Замолчи! Сейчас же!

Сергей Львович (*плачет, потрясает пухлыми кулачками*). Он поднял руку на родного отца! <...> О Боже! Он хотел меня ударить, а ты смолчала.

Надежда Осиповна. Не лги!

Сергей Львович. Он тут размахивал руками, как безумный. Это при родном-то отце. Он убил меня своими словами! (*Плачет.*)» [29. С. 146–147].

Ближе к концу пьесы Пушкин вновь возвращается в диалоге с Пушиным к своему желанию вложить стихи, «как кинжал, в руки мстителей» [29. С. 156], и вновь поэта убеждают, что его голос и призвание «превыше всего». В последней картине приводятся подтверждения опасной ценности слова Пушкина: герой сжигает рукописи, которые могут выступить оружием против невинных людей, читает няне послание «К Чаадаеву» и выслушивает ее «пророчество»: «Взойдет, ангел мой. Утренняя звезда – чистая, прелестная. От твоих слов будто солнышко прогрело душу» [29. С. 177–178].

Таким образом, слово поэта воспринимается другими персонажами как идеологическое оружие, которое может быть использовано против недоброжелателей. Паустовский показывает традиционное в культуре 1930–1940-х гг. сочетание любви народа к поэту и ненависти к врагам [6], превращая высказывания и стихи Пушкина в перформатив. Когда в ответ на строку «Товарищ, верь: взойдет она, / Звезда пленительного счастья...» няня говорит: «Взойдет, ангел мой», – эти реплики приравниваются к действию, успешность которого могут подтвердить представители будущих поколений, сидящие в зрительном зале.

Очевидно, что принцип деления персонажей на положительных и отрицательных достаточно прост и находится в прямой зависимости от реакции действующих лиц на «слова» Пушкина. «Наш современник» содержит множество упоминаний о впечатлении, которое производят стихи поэта на представителей народа. Крепостной крестьянин Кузьма, забросивший хозяйство, неотрывно следует за Пушкиным: «Я около Александра Сергеевича не зря околачиваюсь. Слова хорошие я люблю» [29. С. 174]. Театральный капельдинер, став свидетелем того, как Пушкин читает элегию «Погасло дневное светило...», «останавливается, слушает, потом тихо удаляется» [29. С. 115], а в конце картины угощает поэта чаем. Наконец, слава Пушкина достигает и солдатского гарнизона.

«Седой офицер (*обращаясь к солдатам, радостно*). Ребята, это Пушкин! Небось слышали?

Солдаты. Ну, как не слышали, ваше высокородие! Ихние песни известные.

Седой офицер. А что вы знаете?

Пожилой солдат. Нам больше всего приглянулась одна песня, ваше высокородие. <...> Про Наташу. “Вянет, вянет лето красно, улетают ясны дни” [29. С. 126].

Безусловно, «всенародная популярность» поэта – это часть юбилейной риторики¹. Б.С. Мейлах, утверждая, что «мы живем в такое время, когда Пушкина изучают не только специалисты или “любители”, но и весь народ» [33. С. 51], привел в пример письмо 1936 г. В.М. Молотову от двух шахтеров, которых встревожили текстологические разночтения в послании «К Чаадаеву». Подобных свидетельств много. Майер считает, что «в конце сталинской эпохи начинает размываться граница между наукой и фикцией», и мы имеем дело с непрофессиональной «филологией в широком смысле» [11]. С одной стороны, это так. Отношение к письменным источникам в пьесе Паустовского неуважительное: корреспонденцию вскрывают и сжигают, листы вырывают из тетради, бумагу швыряют на пол. Слово «автограф», которое произносит Раевский, употребляется иронически. Вместе с тем количество персонажей «из народа» последовательно возрастает в «Нашем современнике», и по мере развития действия они доминируют над элитарными героями – в финале

¹ Более того, как отмечает Е. Добренко, «созданный после войны образ Народа был единственным в публичном пространстве сконструированным властью субъектом, обладавшим высшей легитимирующей силой» [32. С. 60]. Вот почему симпатии к Пушкину персонажей, принадлежащих к низшим социальным классам, получают дополнительную смысловую нагрузку в культуре позднего сталинизма.

Пушкин находится в окружении только крепостных. Из второй части пьесы был также исключен эпизод с Анной Керн. Для сравнения, в очерке «Михайловские рощи» наравне с колхозниками фигурируют внучка Керн, ленинградский художник Н. Альтман, не названный по имени учитель географии, в центре романа «Дым отечества» – художники, актриса и пушкиноведа – советская интеллигенция. Однако, на наш взгляд, в пьесе Паустовского важна не столько экспертная роль крепостных крестьян и солдат в оценке и легитимации текстов Пушкина, сколько сопричастность гению, которая достигается в формате личного общения с поэтом.

Одна из основных функций представителей народа у Паустовского, помимо преклонения перед Пушкиным, – выступать свидетелями жизни поэта. Арина Родионовна, Кузьма, Лекс и другие, безымянные персонажи являются «живыми документами»¹. Их микроистории служат опосредованному утверждению достоинств главного героя. Так, чиновник при Воронцове Михайло Лекс рассказывает жене графа о своем чтении стихотворения «Редеет облаков летучая гряда...» автору, которое тот не узнал: «“Да! Великолепно сказано!” Я, конечно, пришел в некоторое замешательство. “Позвольте, говорю, так это же вы сами сочинили, Александр Сергеевич”. А он посмотрел на меня и отвечает как бы с сомнением: “Как будто я”. Удивительный человек-с!» [29. С. 130]. Есть и намеренно ложные свидетельства: Кузьма и другие крестьяне, защищая Пушкина, оговаривают его, характеризуя злым и грубым барином, говорящим исключительно по-французски, лояльным императору и бьющим крепостных дубинкой. О своей лжи Кузьма сообщает Пушкину, дискредитируя эти сведения в глазах зрителя. В результате выстраивается «народная биография» поэта. Она дополняется высказываниями самого Пушкина («Я состою при России!», «Я предан своему народу» [29. С. 113, 134]) и проявлениями его демократического вкуса («Страсть как люблю печеную картошку» [29. С. 126]).

Пушкин в пьесе становится центром внимания, где бы он ни оказался: в одесской портовой ресторации, на батарее у солдат и офицеров, у себя дома, угощая дворовых людей наливкой и пирогами по случаю

¹ В качестве такого «живого документа» выступают итальянский матрос и шкипер, рассказывающие о смерти лорда Байрона. Шкипер сообщает о 37 пушечных выстрелах по числу лет английского поэта. В Михайловских сценах уже крепостной Кузьма будет рассказывать родителям Пушкина о 24 залпах, которые были даны в честь их сына в Одессе. Как правило, обращают внимание на то, что Пушкина и Байрона чувствуют одинаково, не упоминая, что передача информации также осуществляется одним способом – через постороннего свидетеля.

приезда друга. В сцене визита Пушкина создается атмосфера импровизированного народного праздника: девушки водят хоровод вокруг поэта, сопровождая его пением. Описание танца коррелирует с изображением летнего праздника в Михайловском из более раннего очерка: «На лугах жгут костры, водят хороводы. Поют старые песни и новые частушки...» [26. С. 163].

Мотиву народной популярности Пушкина противостоит мотив изоляции поэта. В пьесе каждый раз, когда герой ощущает свою неприкаянность, бесполезность или одиночество, он получает моральную поддержку со стороны других персонажей – офицеров, театрального капельдинера, няни, Пушкина. Любопытно, что одна из утешительных фраз повторяется в тексте дважды («Страшен сон, да милостив Бог!» [29. С. 122, 176]), ее произносят капельдинер и Арина Родионовна. Последняя дарит поэту самую отрадную надежду на вечную славу среди потомков:

«Арина Родионовна. Один ты у меня, сердечный мой. Тяжко тебе. Я знаю.

Пушкин. Как ты думаешь, нянюшка, вспомнят их (декабристов. – *Н.С.*) через сто, через двести лет?

Арина Родионовна. Вспомнят, милый.

Пушкин. И меня вспомнят?

Арина Родионовна. Господи! Да тебя и забывать никогда не будут» [29. С. 177].

Таким образом, протягивается ниточка в будущее, в котором все говорят о Пушкине «как о человеке близко знакомом, как о своем современнике и сверстнике» [28. С. 354].

Итак, в пьесе «Наш современник» нашли отражение основные темы и мотивы коммеморативного пушкинского юбилейного дискурса: всенародная популярность поэта, борьба с космополитами, восстановление культурных памятников, ощущение личной духовной связи с Пушкиным благодаря приобщению к месту памяти, восприятие поэта как современника и товарища. Однако некоторые проблемы не были затронуты Паустовским: так, он не касался темы Отечественной войны, которая поднималась в выступлениях Симонова, Фадеева и др.

Торжества 1949 г. отличала тенденция к децентрализации – многие мероприятия проходили вне Москвы и Ленинграда, в местах памяти поэта. Причем последний превращался в *genius loci*. Аналогично действие драмы «Наш современник» разворачивается в Одессе и Михайловском. В паратекстах, описывающих эти локусы, и в репликах персонажей встречается большое количество сниженных бытовых деталей. Благода-

ря такому «оживлению» пространства образ Пушкина теряет юбилейную парадность. Драматург стремится к аутентичности.

В статьях о Пушкине Паустовский отмечает, что ощущение присутствия поэта сохраняется благодаря природе и подлинным постройкам (домик няни). В пьесе эффект подлинности достигается за счет включения в текст стихов поэта. Столкновение быта и поэтических строк, визуализация знаковых топосов препятствуют монументализации образа поэта.

Отказ от излишней декоративности и статуарности в изображении протагониста не исключает влияния юбилейной риторики. В пьесе центральное место занимает традиционная тема близости Пушкина к народу. Представители последнего выполняют роль «живых документов». Вместе их свидетельства составляют народную биографию поэта. Утверждению популярности Пушкина в пьесе противостоит мотив одиночества и изоляции поэта. В финале оказывается, что изоляция – ложная, ему обещана вечная память грядущих поколений.

Список источников

1. Грин А.А. Образ Пушкина в драматургии и на сцене // Пушкин на Юге : труды Пушкинской конференции Одессы и Кишинева : в 2 т. Кишинев : Штиинца, 1961. Т. 2. С. 465–501.
2. Чеботаревская Т. Наш современник (о пьесе К. Паустовского) // Советское искусство. 1949. 4 июня, № 23 (1163). С. 3.
3. Бортко В. Наш современник // Советское искусство. 1949. 24 сент., № 39 (1179). С. 3.
4. Жданов В. Историко-биографическая пьеса // Театр. 1950. № 9. С. 70–77.
5. Молок Ю.А. Пушкин в 1937 году : материалы и исследования по иконографии. М. : Новое литературное обозрение, 2000. 266 с.
6. Платт Д.Б. Здравствуй Пушкин! : сталинская культурная политика и русский национальный поэт. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. 352 с.
7. Brandenberger D. «The People's Poet»: Russocentric Populism during the USSR's Official 1937 Pushkin Commemoration // Russian History. 1999. Vol. 26, № 1. P. 65–73.
8. Бринтлингер А. В поисках «полезного прошлого» : биография как жанр в 1917–1937 гг. СПб. : Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2020. 336 с.
9. Sandler S. Commemorating Pushkin : Russia's Myth of a National Poet. Stanford : Stanford University Press, 2004. 416 p.
10. Dobrenko E. Pushkin in Soviet and post-Soviet culture // The Cambridge Companion to Pushkin. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. P. 202–220.
11. Пушкин в 1949 году: профессор Хольт Майер о русском национализме в позд-несталинской филологии. URL: <https://syg.ma/@sasha-sierbina/pushkin-v-1949-ghodu-professor-kholt-maiier-o-russkom-natsionalizmie-v-pozdniestalinской-filologii> (дата обращения: 01.02.2021).
12. Voronina O. «The Sun of World Poetry»: Pushkin As a Cold War Writer // Pushkin Review. 2011. Vol. 14. P. 63–95.

13. Mihailovic A. «Sometimes I Feel Like a Motherless Child»: Paul Robeson and the 1949 Pushkin Jubilee // Under the Sky of My Afrika. Alexander Pushkin and Blackness. Evanston IL : Northwestern University Press, 2006. P. 302–331.

14. Самарин А.Ю. «Друг свободы, неповинный в лжи и злобе наших дней»: пушкинская речь С.И. Вавилова в Колонном зале Дома Союзов // Новое литературное обозрение. 2021. № 1 (167). С. 165–178.

15. Самарин А.Ю. «На фоне Пушкина»: речь С.И. Вавилова на митинге у памятника поэту в июне 1949 года // Обсерватория культуры. 2020. Т. 17, № 5. С. 550–559.

16. Ssorin-Chaikov N. On Heterochrony: Birthday Gifts to Stalin, 1949 // The Journal of the Royal Anthropological Institute. 2006. Vol. 12, № 2. P. 355–375.

17. Брандендергер Д. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб. : Академический проект ; ДНК, 2009. 415 с.

18. Топоров А. Пушкин у крестьян-коммунаров // Красная нива. 1930. № V. С. 6–7.

19. Дурьлин С.Н. Пушкин на сцене. М. : Изд-во АН СССР, 1951. 285 с.

20. Симонов К. Александр Сергеевич Пушкин : доклад на торжественном заседании в Большом театре Союза ССР 6 июня 1949 года. М. : Сов. писатель, 1949. 52 с.

21. Солдатова Л.М. Пушкинский юбилей 1949 года. Судьба проекта С.И. Вавилова по созданию в городе Пушкине «Русского Веймара» // Университетский пушкинский сборник / отв. ред. В.Б. Катаев. М. : Изд-во МГУ, 1999. С. 558–569.

22. Пушкинские торжества (июнь 1949 года) // Вестник Академии наук СССР. 1949. № 7. С. 8–48.

23. Нора П. Между памятью и историей // Нора П. Франция-память. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1999. С. 17–50.

24. Парчевская И. Писатель и музей. К.Г. Паустовский в Михайловском // Материалы Михайловских Пушкинских чтений «Описывай не мудрствуя лукаво... Войну и мир...» (20–24 августа 2014 г.) : сб. ст. / ред. Л.А. Токарева. Сельцо Михайловское : Пушкинский заповедник, 2015. С. 120–130. (Серия «Михайловская пушкиниана»; вып. 66).

25. Паустовский К.Г. Ветер скорости (из путевого дневника) // Паустовский К.Г. Собр. соч. : в 9 т. М. : Худож. лит., 1983. Т. VII. С. 119–148.

26. Паустовский К.Г. Михайловские рощи // Паустовский К.Г. Собр. соч. : в 9 т. М. : Худож. лит., 1983. Т. VI. С. 161–168.

27. Фарыно Е. Памятники Пушкину с пичьего полета // Культура и текст. 2014. № 2 (17). С. 5–92.

28. Паустовский К.Г. Пушкин на театральных подмостках (работа над пьесой о Пушкине «Наш современник») // Паустовский К.Г. Собр. соч. : в 9 т. М. : Худож. лит., 1984. Т. VIII. С. 353–364.

29. Паустовский К.Г. Наш современник (Пушкин) // Паустовский К.Г. Собр. соч. : в 9 т. М. : Худож. лит., 1984. Т. VIII. С. 102–178.

30. Царев М. О любимых писать трудно // Воспоминания о Константине Паустовском / сост. Л.А. Левицкий. М. : Сов. писатель, 1983. С. 217–220.

31. Семенова Н.В. «Ученик Лицея» А. Платонова и биографический нарратив о Пушкине // Avtobiografija. 2015. № 4. С. 165–186.

32. Добренко Е.А. Поздний сталинизм : эстетика политики. М. : Новое литературное обозрение, 2020. Т. 1. 712 с.

33. Мейлах Б.М. Проблемы советского пушкиноведения // Труды Первой и Второй Всесоюзных пушкинских конференций. 25–27 апреля 1949 г. и 6–8 июня 1950 г. / ред. Б.И. Бурсов. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. С. 49–86.

References

1. Grin, A.A. (1961) *Obraz Pushkina v dramaturgii i na stsene* [The image of Pushkin in dramaturgy and on the stage]. In: Borshchm A.T. (ed.) *Pushkin na Yuge: trudy Pushkinskoy konferentsii Odessy i Kishineva* [Pushkin in the South: Proceedings of the Pushkin Conference of Odessa and Chisinau]. Vol. 2. Chisinau: Shtiintsa. pp. 465–501.

2. Chebotarevskaya, T. (1949) *Nash sovremennik (o p'ese K. Paustovskogo)* [Our contemporary (about K. Paustovsky's play)]. *Sovetskoe iskusstvo*. 4th June. 23(1163). p. 3.

3. Bortko, V. (1949) *Nash sovremennik* [Our contemporary]. *Sovetskoe iskusstvo*. 24th September. 39(1179). p. 3.

4. Zhdanov, V. (1950) *Istoriko-biograficheskaya p'esa* [A historical and biographical play]. *Teatr*. 9. pp. 70–77.

5. Molok, Yu.A. (2000) *Pushkin v 1937 godu: materialy i issledovaniya po ikonografii* [Pushkin in 1937: Materials and studies on iconography]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

6. Platt, D.B. (2017) *Zdravstvuy Pushkin!: stalinskaya kul'turnaya politika i russkiy natsional'nyy poet* [Hello Pushkin!: Stalin's cultural policy and the Russian national poet]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.

7. Brandenberger, D. (1999) "The People's Poet": Russocentric Populism during the USSR's Official 1937 Pushkin Commemoration. *Russian History*. 26(1). pp. 65–73.

8. Brintlinger, A. (2020) *V poiskakh "poleznogo proshlogo": biografiya kak zhanr v 1917–1937 gg.* [In search of a "useful past": The biography as a genre in 1917–1937]. St. Petersburg: Academic Studies Press / BiblioRossika.

9. Sandler, S. (2004) *Commemorating Pushkin: Russia's Myth of a National Poet*. Stanford: Stanford University Press.

10. Dobrenko, E. (2006) *Pushkin in Soviet and post-Soviet culture. The Cambridge Companion to Pushkin*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 202–220.

11. Servina, A. et al. (n.d.) *Pushkin v 1949 godu: professor Khol't Mayer o rusском natsionalizme v pozdnestalinskoy filologii* [Pushkin in 1949: Prof. Holt Mayer on Russian Nationalism in Late Stalinist Philology]. [Online] Available from: <https://syg.ma/@sasha-sierbina/pushkin-v-1949-ghodu-profiessor-kholt-maiier-o-rusском-natsionalizmie-v-pozdnestalinskoi-filologii> (Accessed: 1st February 2021).

12. Voronina, O. (2011) "The Sun of World Poetry": Pushkin As a Cold War Writer. *Pushkin Review*. 14. pp. 63–95.

13. Mihailovic, A. (2006) "Sometimes I Feel Like a Motherless Child": Paul Robeson and the 1949 Pushkin Jubilee. In: Theimer Nepomnyashchy, K., Svobodny, N. & Trigos, L.A. (eds) *Under the Sky of My Afrika. Alexander Pushkin and Blackness*. Evanston, IL: Northwestern University Press. pp. 302–331.

14. Samarina, A.Yu. (2021) "Drug svobody, nepovinnyy v lzhi i zlobe nashikh dney": pushkinskaya rech' S.I. Vavilova v Kolonnom zale Doma Soyuzov ["A friend of freedom, innocent of the lies and malice of our days": Pushkin's speech by S.I. Vavilov in the Column Hall of the House of the Unions]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1(167). pp. 165–178.

15. Samarin, A.Yu. (2020) “Na fone Pushkina”: rech’ S.I. Vavilova na mitinge u pamyatnika poetu v iyune 1949 goda [“Against the background of Pushkin”: The speech by S.I. Vavilov at a rally near the monument to the poet in June 1949]. *Observatoriya kul’tury*. 17(5). pp. 550–559.

16. Ssorin-Chaikov, N. (2006) On Heterochrony: Birthday Gifts to Stalin, 1949. *The Journal of the Royal Anthropological Institute*. 12(2). pp. 355–375.

17. Brandenderger, D. (2009) *Natsional-bol’shevizm. Stalinskaya massovaya kul’tura i formirovanie russkogo natsional’nogo samosoznaniya (1931–1956)* [National Bolshevism. Stalinist mass culture and the formation of Russian national identity (1931–1956)]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt; DNK.

18. Toporov, A. (1930) Pushkin u krest’yan-kommunarov [Pushkin among the peasants-communards]. *Krasnaya niva*. V. pp. 6–7.

19. Durylin, S.N. (1951) *Pushkin na stsene* [Pushkin on stage]. Moscow: USSR AS.

20. Simonov, K. (1949) *Aleksandr Sergeevich Pushkin: doklad na torzhestvennom zasedanii v Bol’shom teatre Soyuzo SSR 6 iyunya 1949 goda* [Alexander Sergeevich Pushkin: report at a solemn meeting at the Bolshoi Theater of the USSR on June 6, 1949]. Moscow: Sov. pisatel’.

21. Soldatova, L.M. (1999) Pushkinskiy yubiley 1949 goda. Sud’ba proekta S.I. Vavilova po sozdaniyu v gorode Pushkine “Russkogo Veymara” [Pushkin’s anniversary in 1949. The fate of S.I. Vavilov’s project on the “Russian Weimar” in the city of Pushkin]. In: Kataev, V.B. (ed.) *Universitetskiy pushkinskiy sbornik* [The Pushkin University Collection]. Moscow: Moscow State University. pp. 558–569.

22. Anon. (1949) Pushkinskie torzhestva (iyun’ 1949 goda) [The Pushkin celebrations (June 1949)]. *Vestnik Akademii nauk SSSR*. 7. pp. 8–48.

23. Nora, P. (1999) Mezhdru pamyat’yu i istoriey [Between memory and history]. In: Nora, P. et al. *Frantsiya-pamyat’* [France-memory]. Translated from French. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 17–50.

24. Parchevskaya, I. (2015) Pisatel’ i muzey. K.G. Paustovskiy v Mikhaylovskom [Writer and Museum. K.G. Paustovsky in Mikhailovsky]. In: Tokareva, L.A. (ed.) *Materialy Mikhaylovskikh Pushkinskikh chteniy “Opisyvay ne mudrstvuya lukavo... Voynu i mir...” (20–24 avgusta 2014 g.)* [Materials of the Mikhailovsky Pushkin Readings “Describe without further ado ... War and Peace ...” (August 20–24, 2014)]. Mikhaylovskoe: Pushkinskiy zapovednik. pp. 120–130.

25. Paustovskiy, K.G. (1983a) *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected Works: in 9 vols]. Vol. 7. Moscow: Khudozh. lit. pp. 119–148.

26. Paustovskiy, K.G. (1983b) *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected Works: in 9 vols]. Vol. 6. Moscow: Khudozh. lit. pp. 161–168.

27. Faryno, E. (2014) Pamyatniki Pushkinu s ptich’ego poleta [Monuments to Pushkin from a bird’s eye view]. *Kul’tura i tekst*. 2(17). pp. 5–92.

28. Paustovskiy, K.G. (1984a) *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected Works: in 9 vols]. Vol. 8. Moscow: Khudozh. lit. pp. 353–364.

29. Paustovskiy, K.G. (1984b) *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected Works: in 9 vols]. Vol. 8. Moscow: Khudozh. lit. pp. 102–178.

30. Tsarev, M. (1983) O lyubimykh pisat’ trudno [It is difficult to write about loved ones]. In: Levitskiy, L.A. (ed.) *Vospominaniya o Konstantine Paustovskom* [Memories of Konstantin Paustovsky]. Moscow: Sov. pisatel’. pp. 217–220.

31. Semenova, N.V. (2015) “Uchenik Litseyа” A. Platonova i biograficheskiy narrativ o Pushkine [“The Student of the Lyceum” by A. Platonov and biographical narrative about Pushkin]. *Avtobiografiya*. 4. pp. 165–186.

32. Dobrenko, E.A. (2020) *Pozdniy stalinizm: estetika politiki* [Late Stalinism: The Aesthetics of Politics]. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

33. Meylakh, B.M. (1952) Problemy sovetskogo pushkinovedeniya [Problems of Soviet Pushkin Studies]. In: Bursov, B.I. (ed.) *Trudy Pervoy i Vtoroy Vsesoyuznykh pushkinskikh konferentsiy. 25–27 aprelya 1949 g. i 6–8 iyunya 1950 g.* [Proceedings of the First and Second All-Union Pushkin Conferences. April 25–27, 1949 and June 6–8, 1950]. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 49–86.

Информация об авторе:

Семенова Н.В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: n.v.semenova@spbu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.V. Semenova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: n.v.semenova@spbu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.04.2021;
одобрена после рецензирования 16.12.2021; принята к публикации 09.03.2023*

*The article was submitted 19.04.2021;
approved after reviewing 16.12.2021; accepted for publication 09.03.2023*

Научная статья

УДК 82.091

doi: 10.17223/23062061/31/4

ПТИЧЬИ МЕТАФОРЫ В ПОВЕСТИ М. МЕСЁЯ «ВЫСОКАЯ ШКОЛА»

Ангелика Молнар¹

¹ Дебреценский университет, Венгрия, Дебрецен, mandzsi@gmail.com

Аннотация. Рассматривается, как меняется презентация птиц в тексте повести Миклоша Месёя «Высокая школа» и как разворачивается в нем изначальное значение заглавия. В произведении также приводятся разные виды птиц, образующих природную иерархию, на вершине которой расположены хищные соколы. По инновативной метафоризации, однако, выстраивается и совершенно другой ряд. Птичьи метафоры как переосмысливают культурную традицию, связанную с пернатыми, так и создают новое поэтическое слово, в силу которого повесть Месёя заслуженно стала выдающимся произведением венгерской литературы.

Ключевые слова: Миклош Месёй, «Высокая школа», птичьи метафоры, культурная традиция

Благодарности: Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 19-512-23004 «Метафорическая картина мира современной русской и венгерской прозы конца XX – начала XXI в. (сопоставительный анализ)».

Для цитирования: Молнар А. Птичьи метафоры в повести М. Месёя «Высокая школа» // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 31. С. 47–63. doi: 10.17223/23062061/31/4

Original article

THE MAIN METAPHORS OF MIKLÓS MÉSZÖLY'S SHORT NOVEL “HIGH SCHOOL”

Angelika Molnar¹

¹ University of Debrecen, Debrecen, Hungary, mandzsi@gmail.com

Abstract. The article examines how the presentation of birds in the text of Miklós Mészöly's short novel “High School” changes and how the original meaning of the title is deployed in it. The author of the article also briefly points out to the specific literature on the Hungarian writer's books. “High School” contains different species of birds, which form a natural hierarchy with predatory falcons

on its top. The author addresses this issue from a different angle analysing the images of birds both by their own bird characteristics and by their similarity with the human world. She emphasizes that this short novel is not a realistic or ornithological description of natural birds, but the rethinking of traditional cultural connotations. Mészöly's innovative metaphorization builds a completely unique hierarchy. Much of the article presents the new interpretation of such images as different types of falcons, which play an important role in Hungarian mythology, culture and life, as well as other birds, primarily, herons, pigeons, crows, etc. This question cannot be referred only to the national or cultural aspect, as Mészöly examines universal human problems both ethically and philosophically. However, the focus of the author's observations in the article is the metaphorical level of Mészöly's text. As a result of the poetic analysis, the author reveals that the text of the short novel, contrary to the original task of writing a report on the "high school" of falcons, has become completely metaphorical, representing a "high school of writing" rather than "survival". The conclusion is that Mészöly, through the narrative image of the writer, emphasizes not only the problem of "murder and slavery", but says that with the help of one's own poetic language all sorts of ideological languages (including those of authorities and falconers) leading to a cut-off both in life and discourse can be overcome. The author notes that so the "high school" gets a completely new meaning: the experience of acquiring this word by the subject of the text. She also notes that the searching for this word becomes a real act in the short novel, which expresses the history of self-understanding through language. The discursive perspective of the analysis reveals that the metaphorization of bird images contributes to this process of getting existential experience by criticizing "the others' word". Bird metaphors create a new poetic word, by which Mészöly's short novel deservedly became a masterpiece of 20th century Hungarian literature. The author of the article in the analysis demonstrates this contribution and innovation of the writer.

Keywords: Miklós Mészöly, "High School", bird metaphors, act of writing, cultural traditions

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-512-23004.

For citation: Molnar, A. (2023) The main metaphors of Miklós Mészöly's short novel "High School". *Tekst. Kniga. Knigoznanie – Text. Book. Publishing.* 31. pp. 47–63. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/31/4

Об особенностях повествовательного стиля Миклоша Месёя [1–3] и аллегоризации власти или экзистенциальной тоски [4, 5] много пишут в венгерской научной литературе. Одиночество и безысходность человека в степи действительно позволяют прочитывать повесть «Высокая школа» на философском уровне. Неслучайно Месёй назвал Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова среди своих «учителей» [6. С. 16]. На наш взгляд, однако, текст произведения стал не только двойственным или притче-

вым, но полностью метафорическим, причем представляющим и «школу» письма.

Повесть была написана на основании жизненного опыта Месёя, приобретенного на соколиной ферме, а также прочтений разнородных материалов о соколоводстве. Вопреки изначальной задаче написать репортаж получилось художественное произведение, которое можно толковать на разных уровнях. Месёй посредством нарративного образа Писателя не только акцентирует проблему «убийства-рабства» в любой диктатуре, но и говорит о том, что при помощи собственного поэтического языка преодолеваются всякие идеологические языки (см.: язык сокольничих), приводящие только к всеобщему кризису.

В настоящей статье рассматриваются образы птиц, которые в повести метафоризируются как по своим птичьим признакам, так и по сходству с человеческим миром. При анализе акцентируется переосмысление традиционных культурных коннотаций основных птичьих образов.

Лилик. Заведующего опытной фермой «высокой школы» по обучению соколов истреблять других птиц в целях защиты рыбного хозяйства принято называть Лиликом. Его настоящее имя не произносится даже Писателем, героем / рассказчиком повести, который приезжает на ферму написать репортаж о ее жизни.

Лилик – это наименование вида диких гусей, наиболее распространенного в Венгрии. Они получили название по своему громкому крику (не похожему на гоготание домашних гусей), с помощью которого они сообщают друг другу свое местонахождение, дают сигналы и поддерживают связь. Эти птицы очень сильно сплочены и боятся отстать от стаи, потому что таким образом легко могут стать добычей соколов. По этой причине и любопытно, почему сокольничий стал называть себя именно так. Рассмотрим, позволяет ли мифопоэтическая или культурная традиция прояснить противоречивую фигуру Лилика, одновременно любящего гусей и подвергающего их верной смерти. Дикий гусь – также двойственный символ, потому что он следует и за солнцем, и за луной, будучи посредником между небом и землей, сушей и водой. Он воплощает как мужественность, так и бдительность. Однако крик гусей может и раздражать: согласно легенде, именно это выдало Святого Мартина и стало причиной того, что гусиное жаркое является традиционным блюдом для венгров в День святого.

Что же связывает птицу с героем повести? Это, безусловно, мужественность, гордость и особая бдительность. Лилик всегда насторожен и следит за окружающим. Вместе с тем он бесстрашен, и его голос не имеет особой приметы, в отличие от гусей. Добавим, что редкие, но полные

любви к соколам рассказы Лилика сначала развлекают Писателя, словно на него так же, как и на соколов, надевается кожаный колпак, символ рабства. Писателю интересно раскрыть фигуру заведующего, разговоры с которым становятся, однако, для него утомительными, и он уже не выдерживает кровавой жизни на ферме и решает уехать обратно домой, на свободу. Параллельно этому возникает поэтическое переосмысление слова «Лилик», которым называют заведующего. Таким образом, «снятие колпака» раскрывает и желание автора освободиться от власти идеологического слова. Именно в силу акта письма получается проследить изменение отношения субъекта к описываемому миру и его предшественникам.

Орел. Первым в повести привлекает к себе внимание «одиноким орел», традиционный образ, поэтически представляющий степь. Об этой птице упоминает и предшественник Месёя Шандор Петёфи, певец венгерской степи («пусты»). Поскольку образ орла, кроме пролога, больше не встречается в повести, мы полагаем, что в прологе он потребовался для введения развертываемой темы сильной хищной птицы, символизирующей бога солнца или грозы и воплощающей силу, власть, торжество и могущество. Так, образ орла соединяет основные образы повести Месёя (жгучее солнце, разрушающая гроза, хищные птицы-победители) и сближается по своей семантике с образами соколов.

Вместе с тем орел в повести предстает птицей, будто лишенной признаков жизни. Во всяком случае, его неподвижные глаза (ср.: «стеклянные бусины») свидетельствуют об этом (когда в тексте встречаются указания на смерть птиц, то их глаза подчеркнута маркируются образом «бусинок»). Крылья орла представлены признаками остроты («заостренные концы длинных крыльев резко отведены назад» [7. С. 5]), так же как и в описании когтей птицы, способных наносить смертельный удар, подобно опасному человеческому оружию. Это соотношение повторяется в тексте более развернуто в сценах, когда люди, в том числе и Писатель-рассказчик, потрошат птиц-жертв ножом или топором. Согласно поверьям, лишь орел может смотреть на солнце, и он считается воплощением птицы Феникс. Прожигание перьев на костре и промывание останков птиц-жертв соколов грозовым дождем являются в повести ключевыми моментами сюжета трансформации рассказчика.

В описании полета орла акцентируется геометрическая правильность его движений. Разумеется, в русском переводе отсутствует метафорический глагол «плавает» в связи с птицей; вместо него употребляется «скользит», однако в венгерском оригинале указание на «прямое плавание в небе, подобно движению лука» поэтически определяет вектор

и форму полета и маркирует слитность двух видов пространства – неба и озера (и, соответственно, птиц и рыб), что также получает развитие в тексте повести Месёя. Орлы летают высоко и смотрят на человеческий мир сверху и свысока. Заглавие повести («Высокая школа») содержит отсылку и на это свойство хищных птиц, помимо того что обозначает школу дрессировки соколов на ферме.

Чибис – Лошадь. Петёфи воспел чибиса в своем стихотворении «Кишкуншаг». Венгерское название чибиса – «плачущий бибик» – выявляет свойство его крика, который в повести Месёя сравнивается с «тамтамом в джунглях». Крик птицы «отчаянный», далеко несущийся, однако он никогда не сопоставляется с ритмичным ударом по барабану; именно Месёй вводит это новое соотношение в литературу.

Чибиса используют на пастбищах, так как эта певчая птица издает плачевные вопли с целью предостережения других птиц об опасности (например, при появлении вороны или ястреба). Однако в повести Месёя поблизости с рассказчиком, прибывшим на ферму, нет хищных птиц. Рядом с ним только Лилик и два коня из знаменитой, легко обучаемой и послушной породы Липицанер. Липицанерская лошадь объявлена национальным достоянием Венгрии. В повести же коней на ферме так же «порабощают», как и соколов. И даже когда заведующий фермой отправляет своего коня на свободу, «куда-то во тьму», тот все равно не ускорит далеко от своего хозяина.

Голубь. Наряду с хищными птицами на ферме проживают и птицы-жертвы. К примеру, голубь прикармливается лишь для того, чтобы стать пищей – «наградой» для соколов. Соколиных птенцов уже с малого возраста приучают к такой еде. Шум, издаваемый голубями, воссоздается и в русском переводе посредством звукового повтора «р»: «Пусть привыкают к живой плоти. Но время для этого еще не пришло, так что голуби сами пока требуют по утрам свою порцию кукурузы и соревнуются, кто быстрее всех вспорхнет на знакомые плечи». У Месёя эти птицы сначала представлены как громкие, агрессивные и ненасытные. Позже, однако, возникает другой взгляд на них – когда они растерзаны и становятся настоящими «жертвами».

В этой связи стоит напомнить, что голубь играет важную роль в человеческой культуре, и не только благодаря вкусному мясу некоторых его видов. Голубь, прежде всего, символизирует чистоту, мир, любовь, терпение и благую весть. В христианской вере третье лицо Троицы, Святой Дух, изображается в виде белого голубя. Согласно поверьям, души умерших покидают тело в виде голубя и возносятся на небеса; в китайской же живописи бессмертные летят в небо на белом журавле.

Танец журавлей может символизировать и весенний или свадебный танец, представляя цикл жизни. Птица журавль также была важна для венгров: ее можно увидеть и на гербах рядом с деревом жизни.

Итак, очевидно, что образ птиц, предназначенных для кормления соколов, носит положительную символику, поэтому их истребление описывается особенно жестоко. В повести Месёя кроме голубей ожидают свою смерть и домашние цапли (венгерское народное имя которых «бакчо» – «слепая ворона»), а также и лысухи, принадлежащие к журавлевым птицам. Эти птицы словно смирились со своей участью: их поведение и метафорическое определение подтверждают это: они – «приговорены».

Детализуя распорядок обычного дня на ферме, Писатель обращает внимание на то, как утреннее кормление животных и птиц нарушает степную тишину. Не только вещная метафора (нож для разделки птиц или клюв, когти соколов «режут» добычу), но и звук, издаваемый ими, тоже «пронзительный», режущий. Таким образом, «резание» становится общим актом действия хищных птиц и сокольников. Писатель-рассказчик в этой среде быстро трансформируется, сбрасывая с себя городские привычки и приобщаясь к жизни степных людей. Он будто становится таким же хищником, лакомящимся кровью ворон. При этом с предельным натурализмом в повести описывается процесс, «порядок» (это и метафора нейтрального дискурса) рассекания – убийства птиц-жертв, однако и эта детализация пронизана новыми метафорами и сравнениями, в частности в определении частей тела «тотемами»: «Одну за другой мы выносим к разделочному пню предназначенных в жертву птиц» [7. С. 24]; «Возле пня копится груда голов и лапок – словно груда тотемных символов» [7. С. 25]. В наименовании разрезанных птиц затем появляется семантика, отражающая «точку зрения» соколов – это для них «питательные» и «непитательные» куски мяса. Герою-рассказчику же все чаще кажется, что жертвы еще могут ожить. Это свидетельствует о том, что для него наступает момент восприятия данного акта как убийства.

Певчие птицы. На фоне таких боен кажется несуразной другая сторона фигуры Лилика. Заведующий фермой рассказывает Писателю, как одна городская дама настолько не разбиралась в птицах, что пыталась услышать пение соколов, тыкая их палкой. В повествовании подчеркивается мотив пронзительного крика хищных птиц. Лилик же относится к певчим птицам с особенной любовью, и при образном представлении их пения он сам будто превращается в ребенка-птицу: смеется «совсем по-детски». Такое отношение героя к мелким птицам объясняется, ви-

димо, тем, что ежедневно видя на ферме смерть, он особо ценит жизнь: пение и размножение птиц.

Цапля. В отличие от певчих птиц, голос цапель, собравшихся в одну кучу, характеризуется как «гадкий», некрасивый. Писатель-рассказчик при этом умолкает, а Лилик принимает позу властителя и опытного охотника. Наслаждаться голосом является общим действием человека и птицы. Именно это делает цапель беззаботными и неосторожными, т.е. потенциальными жертвами. Известно, что цапли создают большие колонии, вероятно, потому, что если хищник встречает множество потенциальных добыч, то шансы на спасение одной значительно увеличиваются.

Цапли считаются вредными птицами, так как кроме водных животных в их рацион входят также яйца и птенцы других птиц. В повести Месёя, однако, совсем не показывается, как цапли уничтожают рыб из прудов. Лилик же постоянно говорит о том, что цапель надо истреблять, потому что они наносят вред народному хозяйству. Усиленная соколиная и другая охота на цапель даже в недавнем прошлом могла быть причиной того, что в настоящее время большая цапля является символом охраны природы в Венгрии.

В «Высокой школе» цапли используются не только в качестве корма и добычи, но и для обучения соколов бою, т.е. в школе. И согласно военной лексике заведующего фермой (дрессировщика) они называются «ветеранами». В восприятии Писателя эти птицы, борющиеся за свою жизнь, постепенно превращаются в жертв.

Ласточка – ястреб – бой. Лилик «с легкой насмешкой» и ссылкой на почитаемого им перса – («учителя») Теймура – объясняет Писателю, неопытному горожанину, как надо охотиться на цапель («вырезать» их). Он с гордостью объясняет правила, порядок и тайны дрессировки соколов, акцентируя свое знание природы и опыт, обретенный во время учений. Лилик отличает прирученных соколов от диких хищников на основании их дисциплинированного поведения и «кондиции». Свободные птицы, именуемые им «дикими бродягами», залетают в беспорядочные, вольные заповедники за добычей, а прирученные соколы (его «воздушные жандармы») не только прикармливаются, но и обучаются более агрессивной охоте. Военной дисциплине соколов на ферме, определяемой соответствующей лексикой («авторитет»), противопоставляется «анархия» в заповеднике, случающаяся в отсутствие человека. На самом деле образ заповедника мало чем отличается от образа фермы в степи. Кажущаяся свобода в нем также отмечена признаками смерти.

Писатель-рассказчик поднимает вопрос о жизни диких птиц, противоположной охотническому порядку фермы, однако Лилик сначала оставляет это без ответа, ибо его внимание привлекает происходящее в небе. Он все время следит за птицами, изображается всегда смотрящим вверх или вдаль. Герой-рассказчик (Писатель) не обладает таким зорким взглядом, как Лилик, более того, солнце его ослепляет. Этот мотив, возможно, знаменует и нежелание Писателя видеть смерть живых существ, в то время как заведующему опытной фермой не важно, например, что цапли гнездятся в заповеднике, так как он преследует цель защиты рыбного хозяйства.

Параллельно словам заведующего фермой читателю представлен «воздушный бой» между ястребом и ласточкой. В венгерском тексте бой называется «увлекательным», а в его русском переводе – «отчаянным», так как в оригинале принимается точка зрения наблюдателя Лилика, а в переводе – «точка зрения» птиц. Лилик, заранее знающий исход боя, вдруг сообщает своему собеседнику, рассуждающему о жизни диких птиц, что он похищает птенцов цапель в заповедниках. Итак, границы локусов анархии и дисциплины размываются. Предмет речи и акт действия ставятся в параллель, сближая человека с хищной птицей, для которой все остальные – это убойные птицы.

Писатель-рассказчик образы бьющихся в небе птиц передает образами точек, пятнышек в небе. Сначала он называет обеих птиц (хищника и жертву) «несущимися пятнышками», маркируя их большую скорость. В степной борьбе побеждает сильный ястреб, преследовавший и схвативший слабую ласточку. «Невероятную» тишину наступившей смерти маленькой птицы Писатель метафорически обозначает светом солнца, в венгерском оригинале «освещающим тишину». Красный цвет крыльев кузнечиков и сами кузнечики, разлетающиеся под копытами лошадей, также отражают гибель птички. Напомним, что ласточка в культуре – символ добра и предвестник восхода солнца и весны, а в христианстве – воскресения, ее убийство считается дурной приметой. Ласточки также предвещают грозу, которая в повести и наступает, словно символическое наказание соколиной фермы за убой птиц.

Чеглок. Во время грозы погибает и чеглок. Заведующий фермой не замечает его труп несколько дней. Дело в том, что эту птицу использовать в целях «школы» нельзя, так как чеглок – ненадежный, охотится лишь «на кузнечиков и стрекоз», просто играет, как «дитя». Он не представляет для Лилика никакой ценности, это недостойная его внимания птица. Интересно, однако, что Лилик относится к маленькому соколу, «как к ребенку» (как и к певчим птицам). Угадав характер птицы, заве-

дующий дает ему «заурядное» имя – Жукоед. Именно такая двойственность отношений Лилика к птицам, в том числе к соколам, и озадачивает Писателя, старающегося подражать ему в начале их знакомства, а затем все более дистанцирующего себя от него.

Чеглок, охотящийся, помимо певчих птиц, на насекомых и отличающийся своим умением летать быстро и мощно, привлекает внимание и Писателя. Он наблюдает за чеглоком, описывает красоту движений птицы, поднимающейся в небо, с помощью сравнений и метафор, маркирующих, с одной стороны, «пришпиленность», приколотость птицы к небу, с другой – аналогию с движением рыб в воде (ныряет, купается в ветре). Это воспринимается писателем как «искусство полета», однако, с точки зрения Лилика, такая эстетичность, красота («богоподобие») – бесполезны. Охотничьи птицы так же, как и Лилик, смотрят на чеглока свысока: в прагматично-жестокое мире фермы нет уважения к «искусству ради искусства», что связано с общей темой повести – роли искусства жизни, всегда балансирующей на грани со смертью.

Соколы. Соколов для школы-фермы Лилик либо ловит, либо похищает из гнезд. Он выстраивает особую иерархию среди своих птиц. Его отношение во многом соответствует венгерской традиции культуры соководства и культуры в целом, но в то же время в некоторых существенных моментах отличается от нее.

Соколиная охота, как известно, существовала задолго до нашей эры и была одним из методов охоты степных народов, которым нравились скорость и грация полета, а также зоркость этой величественной птицы. Венгры считали сокола птицей бога солнца (ср.: орел). Глаз сокола – это глаз солнца, освещающий каждую вещь и позволяющий видеть далеко. Белый Сокол был светлой птицей – тотемом королей, воплощающей их дух и помогающей им в беде. В более древние времена священная птица-сокол Турул стала основным символом национальной идентичности венгров.

Как гласит легенда о завоевании родины, отца Арпада, предводителя семи венгерских племен, звали Алмош (Сонный), потому что во сне его беременной матери явилось божественное видение в образе сокола, который, взлетев на нее, зачал ей ребенка, или же, по другой версии, он появился, чтобы охранять ее ребенка. Кроме того, вождю приснилось, что огромные орлы напали на скот венгров и разорвали его на части. Однако вдруг с высоты молнией упала быстрая и храбрая птица Турул и убила одного из орлов. После этого сна венгры решили отправиться по степям на Запад. Они следовали за соколом и так добрались до Паннонии. Вот тогда птица навсегда исчезла, а они остались на этом месте по сей день.

По археологическим находкам, легендарной птицей Турул был, скорее всего, балобан, птица из отряда соколообразных, семейства соколиных. Возможно, название «турул» восходит к столбам турецких народов, содержащим изображения охотничьих птиц и называемым «турку» (ср.: столб с изображением сокола, поставленный Лиликом перед фермой). С такой же вероятностью слово *turul* может происходить от тюркского *tograul*, *tugraul* «распасться, разрывать», что указывает на действия соколов: они разрывают свою добычу. Характерно, что на старовенгерском языке праздник посвящения балобанов («керечень») назывался, как позже Рождество, – «карачунь».

В описании степи Месёем подчеркивается, что в ней нигде нет тени, кроме места обитания соколов. Только для них находится укрытие от солнца, ибо они – самые главные, почитаемые жильцы фермы. Эти птицы, сидящие на насестах в акациевой роще, в русском переводе уподобляются «живым статуям» (в венгерском оригинале – «готовые к оживлению»). В этом плане их образы можно включить в метафорически выраженную в повести тему искусства (игра – искусство: жизнь – смерть). Однако презентабельность соколов только кажущаяся, ибо они привязаны к веткам нарядными и блестящими, но все равно ремешками.

Соколы называются в тексте повести «крылатыми охотниками». От соколов акациевую рощу, в которой они обитают, прикрывает слой пуха, что сравнивается рассказчиком «с облезшей эмалью». Признак хрупкости сближает пух птиц с эмалью, однако его блеск наделяется непривычным определением: он сонный, как человек. Перья, аналогично определению утреннего неба, пепельно-серые. Таким образом в результате развертывания тропов в повести связываются различные элементы пейзажа и животного мира.

На ферме все устроено с учетом потребностей соколов, в частности их чувствительности. По этой причине здесь соблюдается тишина, которая определяется в тексте характеристиками самих птиц: мрачная, величественная, а птицы представлены «дисциплинированной дикостью», которая издает свой неповторимый, «пронзительный крик, крик сдержанного ликования... лишь в ответ на команду зова» [7. С. 9]. Настоящее послушание – «школа» сокола не только в таком звуковом воплощении порядка и подчинения хозяину, но и в поведении птицы: после успешной охоты она обучена возвращалась к своему хозяину на руку, под кожаный колпак – в безопасную темноту и рабство. Так в повести заостряется вопрос свободного выбора.

Балобан – школа – парная охота. Прирученные, «порабощенные» соколы называются в повести «благородными хищниками». Так, «бла-

городное» имя Дильяхан присваивает Лилик одному недавно пойманному молодому балобану, чьи сильные лапы он высоко ценит. Заведующий фермой планирует обучить его охотиться на крупных птиц – диких гусей. Как было отмечено выше, хозяин носит кличку «Лилик», словно он сам является жертвой соколов. Лилик усердно кормит Дильяхана отдельно от других птиц, чтобы успокоить и приручить его. Однако Дильяхан тоже погибает во время грозы, не успев окончить «Высокую школу», являющуюся даже для хищных птиц «школой выживания».

«Высокой школой» в повести обозначается приучение соколов к охоте по приказу человека путем их «натаскивания», дрессировки на цаплях. Это дается и Лилику, и соколам нелегко. Например, в тот день, когда Писатель помогает заведующему на учебном лугу, солнце палит особенно жарко, воздух душный, трудный для дыхания. В центре внимания Писателя процесс обучения двух молодых балобанов парной охоте, которую Лилик считает «самым надежным и самым гуманным видом охоты» в силу того, что при такой охоте «борьба будет недолгой, жертва выдохнется очень скоро» [7. С. 28]. Слова Лилика звучат без лишних эмоций – контрастно описанию «гуманной охоты». Герой акцентирует лишь техническую сторону дела: как сливаются птицы в едином действии. В этот миг Писатель видит другого, «хищного» Лилика.

Цель дрессировки Лилика – перебороть дикие инстинкты птиц – подготовительный этап обучения птиц парной охоте «преследовать жертву вместе». Лилик подражает крику цапли, чтобы соколы совместно напали на тренировочную куклу, сделанную из крыльев птицы. Следуя советам Теймура, заведующий фермой учит хищных птиц делиться добычей поровну: «как хорошие братья». Обучение соколов действовать в согласии друг с другом означает, однако, и двойное истязание жертв.

Парный полет дрессируемых молодых балобанов изображается в повести не как красота (вспомним описание полета чеглока), а как движущаяся опасность: «тени их призраками скользили по траве» [7. С. 9]. Они напоминают военные «торпеды», издающие свистящий звук «рассекания воздуха». Полет-падение птиц аналогичен действию ножа, которым люди рассекают птиц-жертв. Тишину степи прерывает (рассекает, как нож) и «нервный, пронзительный крик» охотников. Так, в тексте вновь сопоставляются образы ножа и птицы. После того как соколы, словно в бою, «атакуют по очереди» цаплю, служащую им «учебной мишенью» (в венгерском оригинале «добычей»), Лилик громким голосом подает соколам команду, услышав которую, «они замерли и, вспрыгнув на спину цапли, гордо посмотрели на нас» [7. С. 30]. Оппозиция «тишина–крик» обозначает основной конфликт повести (жизни

и смерти, свободы и рабства и т.п.). Балобаны чувствуют важность выполняемого им дела, гордятся своим умением побеждать и убивать других птиц.

Лилик заставляет соколов тренироваться именно на живой птице (не на чучеле). С этой целью он подстрекает цаплю бегать по траве. В венгерском тексте эта птица названа «опытным ветераном». Однако она не только участник «школьных боев», она – «жертва»-мученик, ибо привязана так, что не может ни улететь, ни по-настоящему защищаться. Птица, конечно, не смиряется со своим предназначением (в отличие от других в вольере) и противится своей участи (ее голос напоминает «треск барабана»). Цапля достойно борется за свою жизнь, пока в конце концов бессильно не сдается. Лилик жалеет цаплю только по той причине, что на ней хорошо было обучать балобанов, а ее кончина потребует другую мишень. По мнению Писателя, цапля заслуживает только похвалы, и только он проявляет к ней сочувствие.

Кроме голосов Лилика и Писателя в повести обозначена позиция еще одного героя – Беранека. Если Лилик обозначает птиц лишь военными терминами: для него и балобаны – «рядовые солдаты», то Беранек видит в них механизмы, которые должны выполнять все задания согласно «инструкции», т.е. «механически», «слепо», словно «под колпаком».

Сапсан. Балобанам Лилик предпочитает самостоятельных сапсанов, которые от природы имеют выдающиеся способности, однако служат и повинуются ему, как «машины». Сапсаны оцениваются выше балобанов и по венгерской культурной традиции, восходящей к древней легенде. Сапсан – самая популярная охотничья птица среди опытных сокольников. Предписанные для них правила соблюдаются ими при участии и в демонстрациях, и на охоте – эти правила и цитирует Лилик из книги Теймура. В позднем Средневековье соколы как «благородные птицы» были символами дворянства, указывая на то, где их владельцы находятся на социальной лестнице. Сапсаны стояли на вершине птичьей «лестницы».

Особи этого вида птиц часто мигрируют, отсюда и венгерский перевод его названия – «мигрирующий сокол». Владея особенным методом охоты, в силу которого они успешно охотятся даже на взлетевшую стаю цапель, сапсаны во многих культурах считаются символом небесной силы, агрессии и ловкости. Эта хищная птица известна своей немислимой скоростью падения вниз. Верные друг другу особи часто охотятся парами. Обычно самец, находясь выше, сопровождает самку и первым нападает на встревоженную добычу. Этому Лилик старается научить своих балобанов. Сапсан всегда вырывает перья жертвы перед тем, как съесть ее, поэтому многим людям он кажется особенно жестоким. Пары

гнездятся один раз в год, и птенцов кормят и воспитывают оба родителя. Птица всегда издает громкие крики, когда приближается к гнезду.

Как видно из повести, размножение сапсанов еще в недавнем прошлом было поставлено под серьезную угрозу в силу разорения гнезд людьми, похищающими птенцов в целях воспитания их для соколиной охоты. Незаконные расстрелы птиц происходят и сегодня, несмотря на то что сапсан – особо охраняемая птица в Венгрии. Ко всем этим вопросам мы еще вернемся в ходе анализа повести Месёя.

Сапсан (Виктория) – цапля – охота. Любимый прирученный сокол Лилика – это сапсан Виктория, всегда одерживающий победу над добычей. Охота требует совместных усилий от обоих: Лилик на коне следует за птицей. На ней нет колпака – она будто свободна, однако не улетает от Лилика. Это результат дрессировки и взаимозависимости. При этом подчеркиваются и специальные полетные и хищнические способности птицы, которые представлены в повести с помощью метафор, сближающих сокола с молнией: «молнией взмыла вверх». Высокий полет позволяет птице самой выбрать свою жертву. Вместе с тем в повести приводится одна из историй торжества Виктории над цаплями, разрушающая миф об этом. Опытная цапля, вожак стаи, сама отдает себя в жертву сапсану, чтобы спасти остальных членов своего «семейства». Противники отчаянно бьются как в небе, так и на земле. Лилик, высоко оценив уловку цапли-самца, намерен даже поймать птицу для натаскивания молодых соколов.

История заканчивается трагедией для сапсана. Опасность подстерегла его вне территории школы. Виктория была жестоко избита чужими людьми. Лилик находит ее бессильно упавшей на землю: «глаза у нее заволочло белесой пленкой» [7. С. 20]. Однако Виктория встает на ноги спустя три недели, так как соколы – «железные» птицы. Отметим, что в венгерском оригинале это выражено посредством сравнения птицы со сталью. Таким образом, сокол побеждает и действие человека, пытающегося убить ее с помощью «железяки». Здесь снова можно наблюдать взаимосвязь образов ножа, топора и птичьих клюва, когтей по признаку материала (металла), олицетворяющих идею силы человека и природы.

Писатель-рассказчик должен написать отчет о работе фермы, поэтому он старается быть как можно более внимательным и объективным. По этой причине он подчеркивает правдивость пересказа сообщений Лилика, в том числе и рассказа о Виктории и его разговоре с ее обидчиками. В русском переводе отсутствует указание на «достоверность» рассказа Лилика о случившемся разговоре с чужаками. Заведующий опытной фермой оскорбляет людей, добывающих птицу насосом, сравнивая

их со «зверьями». Они же считают такое наказание жестокого сокола заслуженным, утверждая, что в их школе их учили истреблению хищников. Лилик не подает жалобу на этих людей в надежде на то, что они поймут, что он вместе со своими соколами действует в их интересах, воспитывая «полезных» птиц, способных жить под кожаным колпаком. И его школа для соколов – «не институт благородных девиц». В этом плане характерна еще одна история, увиденная писателем и описанная им.

Сапсан – сорока – бой. В демонстрации охотничьих умений сапсана разоблачается то, что дрессированная птица часто даже не охотится, а просто тренируется, играя. Однако даже такие игры, не требующие много усилий со стороны Виктории, заканчиваются смертью другой птицы, которая «изо всех сил» старается спасти свою жизнь. Так в повести вновь пересекаются мотивы жизни и смерти, жизни и игры.

В рассматриваемой сцене подробно описывается, как от Виктории безуспешно старается спрятаться в стаде свиней сорока (ср.: бесы в Библии). Полет нападающего на птицу сокола передается здесь словами «свечка», «стрела», в то время как прячущаяся сорока уподобляется другому животному – «ящерице», которая зарывается в копну сена. Потом она скрывается в «густоте веток» акаций. Птица надеется на то, что она «хитрее» сокола, однако внезапно и будто невольно она вылетает на простор, «падает в пустоту», попадает в «открытое пространство» степи и неба, пространства ее смерти.

Виктория «прикрепляет» сороку к земле, убивая ее ударом клюва. И только Писатель продолжает смотреть на погибшее существо, которое больше не интересуется ни сапсана, ни Лилика. Трупик птицы описывается только цветовой гаммой (зеленая трава, смешанная с красной кровью на черной спине птицы) и мертвых глаз, которые снова обозначены, как «черные бусинки».

При этом черный цвет – это природный, родной цвет сороки, как и вороны. Сорока, как известно, в народной культуре – символ воровства, так как она с удовольствием ворует все виды сверкающих предметов; христиане верят, что она крадет души верующих. Считается, что сорока – особенно злая птица, так как не приняла полного траура в связи с распятием Христа, но поспешила разнести эту весть повсюду (сорока – воплощение сплетней). Ворона в европейской традиции считается птицей, связанной с дьяволом и ведьмами, она – символ нечисти, разрушения и смерти. Интересно, однако, что у персов (см.: образ перса Теймура в повести) она – птица бога солнца. В венгерской истории ворон, держащий кольцо, стал гербом короля Матьяша как носитель книжной мудрости. Венгерское название ворона «холло» происходит от обозначения его

уникального падающего полета (hull) либо от падали (hulla), которая является его пищей. Его голос, карканье всегда отождествлялось с тьмой, предвестием беды. Слово «кара», означающее «черный», было перенято предками венгров от тюркских народов. Слово korom (сажа) сохранило это значение в словосочетаниях, обозначающих черноту.

В повести Месёя в результате сочувствия Писателя к убитой птице эти привычные коннотации, прикрепленные к образу сороки, переосмысляются. Подобное же приращение положительной семантики наблюдается в повести и в отношении к образу вороны, которая также входит в рацион соколов, т.е. становится их жертвой.

Похищение птенцов – актерство. Окончательному прощанию Писателя с миром «Высокой школы», однако, не осуществиться без его участия в разорении гнезд в целях похищения птенцов для школы. В описании этого эпизода наряду с позицией Лилика, выполняющего приказ, приводится и точка зрения соколов-родителей, которые разными маневрами, хитростью стараются защитить свое гнездо. Позиции Лилика и соколов сопоставляются как параллельные стратегии. Солнце при этом являетсядвигающимся существом, которое скрывает птиц от людей. Сокол-самец в тексте отождествлен с «бдительным взглядом», «точкой в пустоте неба», а также метафорически называется птицей-грозой, молнией. Писатель обозначается образом ока, которое все вбирает в себя.

Действия самца и самки свидетельствуют об их абсолютной согласованности. Они устраивают хитрые сцены лжекормления птенцов, чтобы отвлечь внимание людей от местонахождения гнезда. Самец показывает самке, что все в порядке, а она оставляет добычу в другой пещерке. После долго ожидания, «охоты» он снова разыгрывает «спектакль», доказывая умелое актерство, «подражая писку птенцов». Однако исполняемая самцом роль («он явно переигрывает: это уже чистое скоморошество» [7. С. 68]) в конце концов выдает их вместе с самкой: больше они не могут оттягивать кормление малышей.

Хитрость родителей воодушевляет и Лилика, он входит «в азарт», что в венгерском оригинале определяется как «немая дуэль» между человеком и птицей, не отличающаяся от охоты. Вспомним актерство и хитрость сороки, которая пыталась обыграть сапсана Викторию. В тексте повести новый подобный эпизод представляется аналогично. Здесь человек быстрее сапсана догадывается, где расположено гнездо на скале. Лилик надеется на то, что птенцы «унаследовали хорошую кровь», так как их родители – очень умные и хитрые соколы. Писатель на словах не выражает ни сочувствия к птицам, ни критического отношения к Лилику. Однако эта кажущаяся отстраненность скрывает другое: он с не-

терпением ждет расставания со школой. Разные позиции наблюдателей этой сцены проявляются и у птиц: за похитителями наблюдает красный коршун – без сочувствия, и соколы – с вполне понятным беспокойством.

Сам акт похищения представляется как «воздушный бой». Птицы издают «пронзительный визг», а Лилик – крик, «чтобы тянули вверх» по скале. Соколы улетают только тогда, когда люди начинают их отпугивать. Однако самка еще успеет испражниться на Лилика: правда, она попадает не в глаза заведующему, отчего «можно ослепнуть», а лишь на рубаху. В бою побеждает человек-похититель: он оставляет только одного птенца в гнезде и забирает двух. Птенцы принимают пальцы человека за куски мяса – свой корм. Люди разоряют «еще шесть гнезд», затем отправляются обратно: Лилик на ферму, а Писатель домой. По дороге последний впервые чувствует освобождение от груза смертей, свидетелем которых он был на соколиной ферме, и начинает писать после того, как прошел эту школу.

В конце повести понятие «высокая школа» прирастает совершенно новым смыслом: идеей опыта обретения слова субъектом текста. Поиск Писателем этого слова и становится его настоящим поступком, превращается в историю его самопознания, в том числе и посредством языковой презентации своего опыта. Метафоризация птиц в рассказе Писателя служит демонстрации этого процесса обработки экзистенциального опыта путем «критики» и даже отрицания «военного слова» соколиной фермы.

Список источников

1. Agárdi P. *Korok, arcok, irányok*. Budapest : Szépirodalmi Könyvkiadó, 1985. С. 366–378.
2. Bodnár G. *Törvénykeresők*. Budapest : Szépirodalmi Könyvkiadó, 1974. 625 ol.
3. *Magasiskola*. In *memoriam Mészöly Miklós / szerk.: M. Fogarassy*. Budapest : Nap Kiadó, 2004. 435 ol.
4. Thomka B. *Mészöly Miklós*. Pozsony : Kalligram, 1995. 222 ol.
5. Szolláth D. *A Magasiskola öt olvasata // Jelenkor*. 2010. № 41. 1169. Ol. 253–261.
6. Mészöly M., Szigeti L. *Párbeszédkísérlet*. Pozsony : Kalligram, 1999. 242 ol.
7. Месея М. *Высокая школа // Месея М. Венгерская новелла : повести / пер. Ю. Гусева*. Budapest : Pont Kiadó, 1997. С. 5–75.

References

1. Agárdi, P. (1985) *Korok, arcok, irányok*. Budapest: Szépirodalmi Könyvkiadó. pp. 366–378.
2. Bodnár, G. (1974) *Törvénykeresők*. Budapest: Szépirodalmi Könyvkiadó.
3. Fogarassy, M. (ed.) (2004) *Magasiskola*. In *memoriam Mészöly Miklós*. Budapest: Nap Kiadó.
4. Thomka, B. (1995) *Mészöly Miklós*. Pozsony: Kalligram.

5. Szolláth, D. (2010) A Magasiskola öt olvasata. *Jelenkor*. 41. 1169. pp. 253–261.

6. Mészöly, M. & Szigeti, L. (1999) *Párbeszédkiismerlet*. Pozsony: Kalligram.

7. Mesey, M. (1997) *Vengerskaya novella: povesti* [Hungarian Short Stories]. Translated from Hungarian by Yu. Gusev. Budapest: Pont Kiadó. pp. 5–75.

Информация об авторе:

Молнар А. – PhD, доцент Института славистики Дебреценского университета (Дебрецен, Венгрия). E-mail: mandzsi@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A. Molnar, PhD, associate professor, Institute of Slavic Studies, University of Debrecen (Debrecen, Hungary). E-mail: mandzsi@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.02.2021;
одобрена после рецензирования 17.01.2022; принята к публикации 09.03.2023*

*The article was submitted 12.02.2021;
approved after reviewing 17.01.2022; accepted for publication 09.03.2023*

КНИГА И ЧТЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Научная статья
УДК 271.2-1:783.6+27-285+2-256:783.2
doi: 10.17223/23062061/31/5

ВОПРОС О БОГОСЛУЖЕБНОМ ПЕНИИ В ФЕДОСЕЕВСКОМ СБОРНИКЕ «ОТЕЧЕСКИЕ ЗАВЕЩАНИЯ». СТАТЬЯ ВТОРАЯ

Анна Антоновна Михеева¹

¹ Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, aniutamihheeva@gmail.com

Аннотация. Впервые публикуется глава «О церковном пении» из сборника староверов-федосеевцев «Отеческие завещания» – по сохранившейся от протографа фотокопии с разночтениями по всем известным на данный момент спискам. Публикацию предваряет комментарий. Настоящая публикация является продолжением статьи «Вопрос о богослужебном пении в федосеевском сборнике “Отеческие завещания”» (Статья первая), в которой оценивается место памятника в полемике о церковном пении во второй половине XVIII – начале XIX в. и анализируется текст сочинения, рассматриваются вопросы о его создании и круге привлеченной автором литературы.

Ключевые слова: церковное пение, знаменное пение, демественное пение, старообрядчество, беспоповцы, федосеевцы, Преображенское кладбище

Благодарности: Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания Министерства науки и образования по теме «Взаимодействие культурно-языковых традиций: Урал в контексте динамики исторических процессов» № FEUZ-2023-0018.

Для цитирования: Михеева А.А. Вопрос о богослужебном пении в федосеевском сборнике «Отеческие завещания». Статья вторая // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 31. С. 64–89. doi: 10.17223/23062061/31/5

BOOK AND READING IN CULTURE

Original article

ON CHURCH SINGING IN THE FEDOSEEVTSY COLLECTION *PATERNAL TESTAMENTS*. ARTICLE II

Anna A. Mikheeva¹

¹ Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation, aniutamikheeva@gmail.com

Abstract. For the first time, the article publishes the chapter “On Church Singing” from the *Paternal Testaments* collection of Fedoseevtsy Old Believers, which was compiled in their ideological center, Moscow Preobrazhenskoe cemetery, to approve the rules that determined the life of Fedoseevtsy communities in the 19th century. The text of the work is being published according to the surviving photocopy of the protograph with discrepancies according to the copies known to date. All copies date back to the second half of the 19th century, the protograph was created at the beginning of the century. The publication is preceded by a commentary on the textological differences in the original and copies, and hypothetical relationships between them are built. In order to properly analyze the discrepancies and determine the correlation of the copies, it is necessary to compare the entire collection, since the versions of the work known to us have come down as its parts. However, the author of the article aims to consider only the chapter “On Church Singing”, so she is limited to the reasoning above. In the commentary preceding the publication of the monument, the rules by which it is published are described regarding spelling and punctuation, indicating numbers and dates, numbering sheets, etc. This publication is a continuation of the article “On church singing in the Fedoseevtsy collection *Paternal Testaments*. Article I”, which views the place of the monument in the controversy about church singing in the second half of the 18th – early 19th centuries and analyzes the text of the chapter. It contains answers to questions about the creation of the monument and an analysis of the circle of literature drawn by the author of the chapter, as well as explanations for most of the terms and names found in the text.

Keywords: church singing, Znamenny chant, Demestvenny chant, Old Believers, Bespopovtsy, Fedoseevtsy, Preobrazhenskoe cemetery

Acknowledgments: The article was prepared under the state assignment of the RF Ministry of Science and Higher Education, Project No. FEUZ-2023-0018.

For citation: Mikheeva, A.A. (2023) On church singing in the Fedoseevtsy collection *Paternal Testaments*. Article II. *Tekst. Kniga. Knigozhdanie – Text. Book Publishing*. 31. pp. 64–89. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/31/5

Глава «О церковном пении» входит в состав сборника уставных сочинений «Отеческие завещания», определявшего жизнь староверов-федосеевцев в XIX в. Памятник, отражающий недостаточно изученный процесс кодификации богослужебно-певческой традиции старообрядцев, заслуживает публикации.

Текст публикуется по фотокопии протографа «Отеческих завещаний» из Библиотеки Академии наук [1] (обозначен как ркп А). Разночтения приводятся по более поздним спискам из Российской государственной библиотеки. Три из них относятся ко второй половине XIX в.: ркп Б [2], ркп В [3], ркп Г [4]; две – к концу того же столетия: ркп Д [5], ркп Е [6]. Глава «О церковном пении» в ркп А написана скорописью двух рук, списки изложены полууставом, в ркп Д присутствуют две руки. Списки в написании целого ряда слов ближе между собой, чем к ркп А (например, в ркп А пишется «демественное», во всех списках – «демественное», аналогично: «протчии» – «прочиин», «цареградская» – «цареградский» и др.). Возможно, между учтенными списками и подлинником «Отеческих завещаний» была копия, от которой произошли известные списки. Помимо отмеченной особенности встречается одинаковый для всех пяти списков пропуск союза «и» в ряде предложений.

Можно заметить сходство списков Г, Д и Е, в которых есть и разночтения между собой. Здесь встречаются характерные и распространенные только на эти рукописи ошибки, связанные с заменой и пропуском слов. Так, в последней статье в списках Г, Д и Е словосочетание «греческих патриарх» заменено на «еретических патриарх», в завершающем текст указании на дату пропущено слово «лета», а вместо «1755 года» написано «1785 года». Возможно, рукописи Г, Д и Е восходят к какому-то одному списку, который произошел от той же рукописи, что и списки Б и В. Также возможно, что списки Д и Е восходят к ркп Г, которая относится ко второй половине XIX в., тогда как списки Д и Е датируются более конкретно концом XIX в.

Наибольшее количество разночтений в ркп Б. Ее переписчик был не очень грамотен и допустил ошибки: обозначение Степенной книги как «Книга Степей рукописная» (далее он по-разному пишет название этой книги); пропуск целых фраз; множество описок, неправильных склонений, орфографических ошибок («во славу Сотворшаго Бога» – «во славу Сотворшему Бога», «трезвонным»¹ – «трезводным» и т.д.); замена слова иным по смыслу (вместо «в роспеве» – «в Ростове», «со иным разумом» –

¹ Трезвонны – певческая книга, содержащая, прежде всего, стихирь святым и различным праздникам, кроме главнейших двенадцатых, на весь год.

«сонным разумом», «Павел митрополит сарсски и подонски» – «Павел митрополит и Арсении подонски», «новонаречном» – «греческом» (с этим словом ошибки встречаются несколько раз, в том числе «новонаречном» – «новореченном»)). Термин «новонаречное пение» не очень понятен и переписчику ркп Е, где более 150 разночтений, по количеству которых ркп Е уступает только ркп Б. Это понятие стабильно заменяется словосочетанием «новонареченное пение» с вариациями «нареченное», «истиннореченное».

Чтобы в должной степени проанализировать разночтения и установить взаимоотношения списков, необходимо сравнить весь сборник, поскольку известные нам версии произведения дошли до нас в его составе. Однако в наши задачи входит рассмотрение только сочинения «О церковном пении», поэтому ограничимся приведенными рассуждениями.

Для публикации текст приведен в соответствие с современными нормами пунктуации, вышедшие из употребления буквы заменены актуальными, в остальном оригинальная орфография сохранена. Раскрытие сокращений приводится в круглых скобках. Цифры переведены в арабскую цифирь, даты, указанные в тексте от Сотворения мира, – на летоисчисление от Рождества Христова и указаны тут же в квадратных скобках. Нумерация листов – в треугольных скобках и выделена жирным шрифтом. В колонтитулах протографа на каждом листе стабильно указываются фолиация и надпись «Глав(а) 49», которые в данной публикации не приводятся, как и регулярно встречающиеся черточки (=) на месте букв, затертых писцом. Слова, отсутствующие в протографе, но имеющиеся в других списках, вставлены в публикуемый текст курсивом, ссылка на список, по которому добавлено слово, приводится в сноске. Если в каком-то из списков слово или фрагмент текста пропущены, это выделяется жирным курсивом, а в сноске указывается, в какой рукописи допущен пропуск. Жирным шрифтом выделен фрагмент, который в одном из списков написан иначе. Все указания на разночтения в списках, исправления в тексте, смену почерка приводятся в сносках. Авторские примечания и ссылки на литературу даны так, как указаны в тексте (если в квадратных скобках – то в квадратных скобках в тексте, если на полях, то в сноске). Все периодически встречающиеся в тексте авторские скобки сохранены в оригинальном виде. Комментарии к тексту приводятся в сносках.

<Л. 309 об.> Глава 49. Сентября 16 дня 1778¹ году². О ц(е)рковном³ пении.

¹ В ркп Б: 1718 (арабскими цифрами).

² В ркп Е: года.

³ В ркп Б: ц(е)рковных.

Статья первая.

В начале прос(ве)щения российския земли, в¹ лета 6496 [988] *года*² великии кн(я)зь Владимир³ веру от Ц(а)ря града прият и крестися во имя О(т)ца, и С(ы)на, и С(вя)таго Д(у)ха. Тогда с верою правою и ц(е)рковныя обряды, и⁴ книги, и образы, и ц(е)рковное пение со всею полностью от Ц(а)рствующаго⁵ града прият, яко же о том пишет и⁶ книга Кормчая, лист 1 и 9. И с⁷ ц(а)ри греческими⁸ мир укрепив, взят от грек учителей *веры*⁹, Михаила митрополита, епис(ко)пы, и попы, и весь чин ц(е)рковный и яко¹⁰ с¹¹ добытием сп(а)сеным¹² возвратися к Киеву. До зде Кормчая. <Л. 310>. Зри, откуда начало приемлет, *но*¹³ от восточныя старогреческия Ц(е)ркве в Россию¹⁴ великим князем Владимиром приятно бысть. Послежде *же*¹⁵ при с(ы)не его Ярославе¹⁶ о¹⁷ того же Ц(а)ря града гречестии¹⁸ певцы строением Б(о)жиим¹⁹ в Россию приидоша, от них же начатся²⁰ пение ц(е)рковное и во вся грады российския произыде, о чесом ниже покажутся²¹.

Статья вторая.

Староц(е)рковное с(вя)тоотческо²² пение²³ начало прият от грек, яко же свидетельствует и²⁴ книга ц(а)р(с)ких степеней в степени *и грани*²⁵ 2,

¹ В *рпк Б, Г*: от (вместо «в»).

² Отсутствует в *рпк А*, добавлено по *рпк Б*.

³ В *рпк В*: Владимир.

⁴ Во *всех списках* союз в этом месте отсутствует.

⁵ В *рпк Е*: ц(а)рствующаго.

⁶ Во *всех списках* союз в этом месте отсутствует.

⁷ В *рпк Б* этот предлог отсутствует.

⁸ В *рпк Б*: гречестиими.

⁹ В *рпк Б* данное слово отсутствует.

¹⁰ В *рпк Б*: я (вместо «яко»).

¹¹ В *рпк Б*: з.

¹² В *рпк Б, Е*: спасенным.

¹³ В *рпк Г, Д, Е* союз в этом месте отсутствует.

¹⁴ В *рпк Б*: Росию.

¹⁵ В *рпк Б* частица в этом месте отсутствует.

¹⁶ В *рпк Б*: Ярославе; в *рпк Д, Е*: Ярославле.

¹⁷ В *рпк В, Г, Д, Е*: от (вместо «о»).

¹⁸ В *рпк Б*: греческия.

¹⁹ В *рпк Б*: Б(о)жиим.

²⁰ В *рпк Б*: начаша.

²¹ В *рпк Б*: покажет.

²² В *рпк Д, Е*: с(вя)тоотческое.

²³ В *рпк Б*: пения.

²⁴ Во *всех списках* союз в этом месте отсутствует.

²⁵ В *рпк Б* выделенные слова отсутствуют.

во главе 6 сие¹: «Во время хр(и)столюбиваго князя Ярослава Владимировича приидоша к нему от Ц(а)ря града три певцы, от них же начатся в России анг(е)лоподобное пение², изрядное осмогласие, наипаче же и тристрочное сладкое гласование, и самое прекрасное демественное³ пение». До зде от книги Степенныя⁴. Вонмя⁵, от коего времени и откуду происходит старознаменнаго <Л. 310 об.> песнопения⁶ начало прият, яве, яко от кн(я)жения б(о)голюбиваго кн(я)зя Ярослава Самем Б(о)гом подвигаемии⁷, си есть собным неким Б(о)жиим откровением извещени бывше, трие⁸ выше помянутые грецы, приидоша в Россию⁹. От них же начало прият староц(е)рковное пение, яко же Степенная¹⁰ книга изъясляет.

Статья третья.

Древлеправославныя¹¹ грекороссиискя¹² кафолическия¹³ Ц(е)ркве¹⁴ песнопение¹⁵, не точию старознаменное, сиречь столповое и тристрочное, б(о)гоугодно и достоверно есть, понеже от древлеправославныя восточныя Ц(е)ркве¹⁶ учителя вышепомянутых греков¹⁷ начало возиме¹⁸, о чесом выше неложно известихом, но и демественное¹⁹. А²⁰ по свидетельству пр(е)подобнаго Максима Грека, яко же описует во главе 43

¹ В *рпк А* на полях напротив последних слов частично сохранилась надпись (край листа был обрезан): «Кн[ига] Ст[епенная] рук[опи]сна[я]». В *рпк Г, Д* аналогичным образом: «Книга Степенна рукописна». В *рпк Е*: «Книга Степенная рукописная». В *рпк Б*: «Книга Степей рукописная». В *рпк В*: «Рукописна». Во всех случаях примечание сделано рукой писца.

² В *рпк Б*: пении.

³ Во всех списках: демественное.

⁴ В *рпк Б*: Степенныя.

⁵ В *рпк Б, Г, Д, Е*: вонми. В *рпк В*: воньми.

⁶ В *рпк Е*: пеня.

⁷ В *рпк Б*: подвигаеми.

⁸ В *рпк Б*: тре тие.

⁹ В *рпк Б, Г*: Росию.

¹⁰ В *рпк Б*: Степенныя.

¹¹ В *рпк Б*: древлеправославая.

¹² В *рпк Г, Д*: грекороссиискя. В *рпк В*: грекороссииска.

¹³ В *рпк Б, Г*: кафолическая.

¹⁴ В *рпк Б*: Ц(е)рковь.

¹⁵ В *рпк Е*: песнопения.

¹⁶ В *рпк Е*: Ц(е)ркви.

¹⁷ В *рпк Д*: грегов.

¹⁸ В *рпк Б, В, Г, Е*: возиме.

¹⁹ Во всех списках: демественное.

²⁰ В *рпк Б* этот союз отсутствует.

книги¹ своя, яко во с(вя)тей горе Афонстей **в чине**² ос(вя)щения воды³ бываемое песнопение демественное⁴ в честь Пре <Л. 311> ч(и)стеи Б(о)гоматери⁵ афонскими⁶ отцы употребляемо бе. И гл(агол)ет сице: «В конец, – рече, – чина с(вя)щенныя воды кропят всю братию и всяко место⁷. Потом же⁸, вшедше в ц(е)рковь, поставляют посреде с(вя)тую⁹ икону и, обстоюще¹⁰ ю оба лика, поют «Достоино есть» большее¹¹ демественное¹². По сем отпуст». До зде Максим. Отсюду известно показуется, яко демественное¹³ песнопение **ѿ**¹⁴ восточной сторогреческой¹⁵ Ц(е)ркве искони¹⁶ поемо бе, которое послежде **и**¹⁷ в древлеправославную грекороссийскую Ц(е)рковь в княжение великаго князя Ярослава чрез выше помятуя¹⁸ греки бл(а)гополучно привниде, о чесом выше явствовахом¹⁹. Тем же едина и тоежде²⁰ есть песнопение и сторогреческия²¹, и древлеправославныя грекороссииския Ц(е)ркве – всеобщее преполезное украшение и безсумнительное²² с(вя)тоотеческое утешение, тем славу Б(огоро)д(и)це Марии, из Нея нетленно прошедшему Г(о)с(по)ду Иисусу Хр(и)сту <Л. 311 об.> всеговеино²³ и вечно приносим.

¹ В *ркп Б*: гниги.

² В *ркп Б* эти слова были пропущены в тексте, но писец в этом месте поставил крестик и приписал пропущенное на полях.

³ В *ркп Б*: води.

⁴ В *ркп В, Г, Д, Е*: демественное.

⁵ В *ркп Б*: Б(о)гоматере.

⁶ В *ркп Б, Г, Е*: афонскими.

⁷ В *ркп Е* данное слово написано дважды, повтор взят в скобки.

⁸ Частица отсутствует в *ркп А*, добавлено по *ркп Д*.

⁹ В *ркп А* данное слово пропущено в тексте, но написано между строк сверху рукой писца.

¹⁰ В *ркп Б, Д, В*: обстоюще. В *ркп Е*: бстояще.

¹¹ В *ркп Б, В, Д, Е*: большее.

¹² В *ркп В, Г, Д, Е*: демественное.

¹³ В *ркп В, Г, Д, Е*: демественное.

¹⁴ В *ркп Б* этот предлог отсутствует.

¹⁵ В *ркп Б, В, Г, Е*: старогреческой.

¹⁶ В *ркп Б* перед этим словом в тексте написано «испо», но отчеркнуто писцом сверху и снизу – видимо, таким образом он вычеркнул ошибочное написание.

¹⁷ В *ркп Б* этот союз отсутствует.

¹⁸ В *ркп Б, В, Г, Е*: вышепомянутыя. В *ркп Д*: вышепомянутые.

¹⁹ Во *всех списках*: явствовахом.

²⁰ В *ркп Б*: тояжде.

²¹ Во *всех списках*: старогреческия.

²² В *ркп Б, Г, Д, Е*: безсумнительное.

²³ В *ркп Д*: всего говейно.

Статья четвертая.

К сим неложно достоверствуется всех россииских м(о)н(а)ст(ы)реи и пустынь и до настоящих времен книгохранительныя¹ дома неповестную² многость старознаменных³ с(вя)тоотеческих книг певчих⁴, имущия по вам самоизмышленное⁵ хомонное⁶ новонарицаемая⁷, а по нам б(о)гонаученное⁸ с(вя)тоотеческое свойство, в роспеве⁹ заключающия. Тако бо изволися бл(а)годати Б(о)жиеи, от начала в таковом свойстве, по приличеству тогдашних времен, пословиц таковыи¹⁰ положить роспев и новопросвещенную¹¹ великороссийскую¹² Ц(е)рковь украсити. Аще и¹³ не имеши¹⁴ веры – прииди в лавру¹⁵ великословущаго о(т)ца и чудотворца Сергия – и удивилиши¹⁶ немногости книжной, но и б(о)гонаученному и согласному в них песнопению древнему. Явно бо¹⁷ оная древность книжная с¹⁸ дает¹⁹ разумети, яко тако пр(е)подобная²⁰ она о(т)ца²¹ Сергии²² и Никон²³ с прочим²⁴ <Л. 312> собором черноризец во славу Божию пеша и сомнительными²⁵ помыслы гласы²⁶ о тако-

¹ В *ркп Б, Д, Е*: книгохранительныя.

² В *ркп Б*: неповестую.

³ В *ркп Б*: старонаменных.

⁴ В *ркп Д*: певших.

⁵ В *ркп Б, В, Г, Д*: самоизмышленное. В *ркп Е* изначально было написано «самоизмышленныя», а окончание «-ое» надписано рукой писца сверху.

⁶ В *ркп Б*: хомонное.

⁷ В *ркп Г, Д, Е*: новорицаемая.

⁸ В *ркп Е*: б(о)гонаученое.

⁹ В *ркп Б*: ростове.

¹⁰ В *ркп Е*: таковых.

¹¹ В *ркп Б*: новопросвещеную.

¹² В *ркп Е*: великороссийскую.

¹³ В *ркп А* отсутствует этот союз, добавлено по *ркп Б*.

¹⁴ В *ркп Е*: имаши.

¹⁵ В *ркп Б*: лавлу.

¹⁶ В *ркп Г*: удивилася.

¹⁷ В *ркп Б*: яко бы (вместо «явно бо»).

¹⁸ В *ркп Б, Г, Д* «с» отсутствует, а в *ркп А* смазано.

¹⁹ В *ркп Б*: даст.

²⁰ В *ркп Б*: пр(е)п(о)д(о)бныя.

²¹ В *ркп Б*: о(т)цы.

²² В *ркп Д, Е*: Сергия. В *ркп Б*: Сергеи.

²³ Имеется в виду ученик Сергия Радонежского, ставший после него игуменом Троицкого монастыря, преподобный Никон Радонежский (1352–1428).

²⁴ Во всех списках: прочим.

²⁵ В *ркп Б*: сомнительными.

²⁶ В *ркп А* слово отсутствует, добавлено по *ркп Д*.

вом песнопении шататися¹ не изволиша. Аще ложно ти мнится, вниди в словущую обитель древняго о(т)ца и чудотворца Кирила², яже белоозерский³ зовом есть. И⁴ узриши паче чаяния⁵ богатство⁶ книжное яко наследие с(вя)тоотеческое и многость неложную и вид художества хитрыи, песнопение же едино и тожде ста(ро)древнее⁷, пр(е)подобным Кирилом и прочею⁸ четою⁹ иноческою просто и¹⁰ неоплазиво¹¹ поемо по заповеданию правилному¹², простое и непестрое¹³ пение лобызати повелевающему. Матфеи, состав 5¹⁴, глава 36¹⁵. К сим, ежели бл(а)гоохотно ти есть, яко рачитель¹⁶ истинны, притецы во обитель новаго Варлаама и б(о)говидца, пр(е)по(до)бнаго о(т)ца Александра, свирскаго чудотворца. И тамо самими¹⁷ дела известиши¹⁸ о стародревнем¹⁹ с(вя)тоотеческом песнопении, многия убо ту <Л. 312 об.> старознаменныя²⁰ находятся, и книга писма²¹ честнаго, старознаменныи²² Ирмолои²³ в полдесть. На нем же и надпись сиеца: «Лета 7158 [1650]²⁴ года сентября в 21 д(е)нь положил сию книгу, а в ней ирмосы да Октай²⁵, Оби-

¹ В *ркп А* перед этим словом написано «шатати» и зачеркнуто писцом тремя горизонтальными линиями.

² В *ркп Д, Е*: Кирилла.

³ В *ркп В, Г*: белоозерский.

⁴ В *ркп В*: но (вместо «и»).

⁵ В *ркп Б*: учения (вместо «чаяния»).

⁶ В *ркп Б, В, Е*: богатство.

⁷ В *ркп А* слог «-ро-» изначально был пропущен, но в слове в этом месте стоит крестик, и слог рукой писца вынесен на поля.

⁸ В *ркп Б*: прочею.

⁹ В *ркп Б*: чечую (вместо «четою»).

¹⁰ В *ркп Г, Е* этот союз отсутствует.

¹¹ В *ркп Б*: неоплазиво. В *ркп Д*: неоползливо.

¹² В *ркп Б, В, Д, Е*: правилному.

¹³ В *ркп Д*: непестрое.

¹⁴ В *ркп Б*: 5й.

¹⁵ В *ркп Б* перед этим числом стоит «5», едва заметно перечеркнутое писцом.

¹⁶ В *ркп Б, Г, Д, Е*: рачителю.

¹⁷ В *ркп Б*: самими.

¹⁸ В *ркп Г, Е*: известишася.

¹⁹ В *ркп Д, Е*: стародневном.

²⁰ В *ркп Б*: старознаменныя.

²¹ В *ркп Е*: письма.

²² В *ркп Б*: старознаменныи.

²³ В *ркп Д*: Ермолой.

²⁴ В *ркп Б*: 7118 (1610).

²⁵ Октай, или Октоих, – богослужебная певческая книга, содержащая песнопения суточного богослужебного круга на каждый день недели (или только на субботу–

ход большой¹, и Праздники², и Триоди³ полныя, славники⁴⁵ и⁶ с(вя)тым трезвонным⁷ во весь год». **И**⁸ другая книга – Ирмолои, Октай **и**⁹ Праздники и протчии¹⁰ Обиход – писма¹¹ мастерскаго. На нем и надпись: «Сия книга, гл(агол)емая Ирмолои, знаменной, золотыя и серебряныя¹² полаты г(о)с(уд)а(р)е(ва) знаменьщика Гомулина¹³». До зде надпись сицевы с(вя)тоотеческия¹⁴ старознаменныя книги. Аще не имаши¹⁵ веры, прииди и до обители соловецких о(т)ец, не менши¹⁶ известишися, колики книги сторознаменныя находятся и таяжде¹⁷ свойства в себе заключающии. По ним же поюще бяху¹⁸ пр(е)под(о)бнии о(т)цы Зосима¹⁹ и Саватии²⁰ и Филипп, **игумен**²¹ колычевский, <Л. 313> послезде

воскресенье) и на каждый из восьми гласов (песнопения распределены на разделы в соответствии с гласами).

¹ В *ркп В, Д, Е*: большой.

² Праздники – богослужебная певческая книга, содержащая песнопения двенадцатых праздников.

³ Триодь – богослужебная книга, в которой изложены изменяемые (исполняющиеся только в конкретный день или период года) песнопения великопостного и пасхального цикла. Соответственно выделяют Триодь постную и цветную.

⁴ В *ркп Б*: славники.

⁵ Славник – заключительная стихира в группе других песнопений того же жанра, исполняющаяся после слов «Слава Отцу, и Сыну...». Могли исполняться более торжественным роспевом, чем предшествующие стихиры.

⁶ В *ркп А* этот союз отсутствует, добавлено по *ркп Е*.

⁷ В *ркп Б*: трезводным.

⁸ В *ркп Б* этот союз отсутствует.

⁹ В *ркп Б* этот союз отсутствует.

¹⁰ Во *всех списках*: прочии.

¹¹ В *ркп Е*: письма.

¹² В *ркп Е*: серебряныя.

¹³ Золотая и Серебряная палаты – кремлевские дворцовые мастерские XVII в. Знаменщик – мастер-иконописец, создающий рисунок будущей иконы, фактически же не только иконы, но, например, шитья, печатей и т.п., где нужен качественный рисунок или надпись. Известны два мастера Золотой и Серебряной палат с фамилией Гомулин – Иван (ум. 1643 г.) и Андрей (ум. до 1676 г.).

¹⁴ В *ркп Б*: с(вя)тоо(те)ческия.

¹⁵ В *ркп Б*: имеша.

¹⁶ В *ркп Б*: не менши.

¹⁷ В *ркп Д*: таяжда.

¹⁸ В *ркп Е* это слово отсутствует.

¹⁹ В *ркп Е*: Созима.

²⁰ Имеются в виду преподобные Савватий и Зосима – основатели Соловецкого монастыря (XV в.).

²¹ В *ркп Б* это слово отсутствует.

бывш¹ митрополит всероссийский, со всем собором иноческим. И сия видев, негли сомнительны² помысл, яко мрачный облак, себе прогониши³, молитвами с(вя)тых, без⁴ омышления последующе⁵ и⁶ веряще⁷, яко же старопечатным, *такое и певчим рукописным*⁸ с(вя)тоотеческим⁹ кни(га)м¹⁰.

Статья пятая.

Еще доказывается староц(е)рковное пение быта¹¹ несумнительно¹². Есть книга певчая с(вя)т(ите)ля Филиппа вполдесть¹³, и надпись сицева¹⁴: «Ирмолои старои игумена Филиппа¹⁵ Колычева». По всему согласна нашим ирмолоем¹⁶, по ним же о(т)цы наши и мы последний уже лет 70¹⁷ поем в¹⁸ славу Сотворшаго¹⁹ Б(о)га. От сея²⁰ книги достоверствуется²¹ в книзе ответов, о сугубом²² аллилуии²³ во ответе²⁴ 16²⁵.

¹ В *ркп Б*: бывше. В *ркп Д*: быв.

² В *ркп Б*: сомнительный.

³ В *ркп Б*: прогониша.

⁴ В *ркп А* изначально было написано «безо», но «-о» зачеркнуто в слове рукой писца.

⁵ В *ркп Б*: последующа.

⁶ В *ркп А* этот союз отсутствует, добавлено по *ркп В, Г, Е*.

⁷ В *ркп Е*: верящи.

⁸ В *ркп Б, Е*: рукописанным. В *ркп Г* выделенный фрагмент в тексте пропущен, но на его месте стоит киноварная звездочка, а пропущенное написано рукой писца на полях.

⁹ В *ркп А* изначально было написано «с(вя)тоотеческим», но одна «ч» в слове слегка затерта. В *ркп Д, Е*: отеческим.

¹⁰ В *ркп А* слог «-га-» изначально был пропущен в слове, но подписан рукой писца сверху.

¹¹ В *ркп Б*: быша. В *ркп В*: были.

¹² В *ркп Б*: несомнительное. В *ркп Е*: несумнительно.

¹³ В *ркп Б*: впольдесть.

¹⁴ В *ркп Б*: сицевая.

¹⁵ В *ркп Б*: Филиппа.

¹⁶ В *ркп Д*: ермолоем.

¹⁷ В *ркп Е*: 70ть.

¹⁸ В *ркп Е* этот предлог отсутствует.

¹⁹ В *ркп Б*: Сотворшему.

²⁰ В *ркп Б*: всяя (вместо «сея»).

²¹ В *ркп А* буква «р» в слове изначально пропущена, но написана рукой писца сверху.

²² В *ркп А* слог «-гу-» пропущен в слове, но написан рукой писца сверху.

²³ В *ркп Б, Д*: аллилуи.

²⁴ В *ркп Г*: ответ.

²⁵ В *ркп Д*: 16м.

Статья 6.

Староц(е)рковное песнопение не тобою яв <Л. 313 об.>¹ ствуется, яко с(вя)тыма² угодники Божиими³ исконо⁴ вечно⁵ поемо бысть⁶, но и великих⁷ князей и ц(а)рей российских⁸ содержимо. О сем⁹ являют староц(е)рковная¹⁰ ирмолой и в них лежащая¹¹ стихи, си есть тропари и кондаки за боголюбивое¹² их княжское¹³ и ц(а)рьское¹⁴ величество поемья¹⁵, идеже и имяна¹⁶ их собстенныя¹⁷ прописаны и доселе зрятся¹⁸ по всем градом¹⁹, и селом²⁰, и мон(а)стырем²¹, и пустыням в неисчетных певчих книгах во всей России находятся и суть роспевы не тобою²² старознаменным и троестрочным²³, но и демественным пением в славу Б(о)жию и в честь их величества и во многолетное здравие, яко же самыя книги показывают.

Статья 7.

Староц(е)рковное песнопение²⁴ отвсюду достоверно познавается. Егда с(вя)тейшии восточныя¹ патриархи: Иеремия цареградския², руко-

¹ Отсюда, с самого начала оборотного листа и с середины слова, далее другим почерком.

² В *ркп Б, В, Г*: с(вя)тыми.

³ В *ркп В, Г, Д, Е*: Божиими.

⁴ В *ркп А* изначально было написано «исконо», вторая «н» подписана писцом сверху над словом.

⁵ В *ркп Д* это слово написано в тексте дважды подряд.

⁶ В *ркп Д*: есть (вместо «бысть»).

⁷ В *ркп А* изначально было написано «велких», пропущенная «и» подписана писцом сверху над словом.

⁸ В *ркп Б, В, Г*: российских. В *ркп Е*: российских.

⁹ В *ркп Б*: чем (вместо «сем»).

¹⁰ В *ркп В, Г, Е*: староц(е)рковныя.

¹¹ В *ркп Б, Г, Д*: лежащая. В *ркп Е*: лежащи.

¹² В *ркп Б*: боголюбное.

¹³ В *ркп Б*: княжеское. В *ркп Е*: княжеско.

¹⁴ В *ркп Д*: царское.

¹⁵ В *ркп Б*: поемьи.

¹⁶ В *ркп Б*: имена.

¹⁷ В *ркп Б, В, Г*: собстенныя.

¹⁸ В *ркп Б*: зрится.

¹⁹ В *ркп Б*: градам.

²⁰ В *ркп Б*: селам.

²¹ В *ркп Б*: монастырям.

²² В *ркп Б*: нечно (вместо «не тобою»).

²³ В *ркп А* изначально было написано «троестрочное», затем рукой писца окончание «-ое» исправлено в слове на букву «ы», и рядом над словом надписано «м». В *ркп Б*: тристрочным.

²⁴ В *ркп Б*: песновение.

положивыя³ на Москве перваго⁴ патриарха Иова в лето 7097⁵ [1589], Феофан, патриарх иер(о)с(а)лимский⁶, рукоположивыя⁷ на Москве патриарха Филарета в лето 7127⁸ [1619], – оная вселенская⁹ патриарха¹⁰ слышаста и видеста¹¹ <Л. 314> чин, и пение¹², и чтения в древлеправославней россиистей Ц(е)ркви, вняста всему последованию ц(е)рковному, но паче высокими похвалами древлеправославную российскую¹³ Ц(е)рковь ублажиста¹⁴, прославити, возвеличити изволиста. [Книга Кормчая, лист 15 и 25¹⁵ и прочия]¹⁶.

Статья 8.

Вышеписанное староц(е)рковное песнопение¹⁷ во многих наподобие древлегречаскаго пения устроено¹⁸ есть и многим древлегречаскаго языка стихи и реченми¹⁹ во славу Б(о)жию украшено²⁰ и²¹ пемо²² видится, яко же староц(е)рковные²³ певчия¹ обиходники показывают, еже есть сие:

¹ В *ркп Е*: восточный.

² Во *всех списках*: цареградский.

³ Во *всех списках*: рукоположивый.

⁴ В *ркп В* это слово написано в тексте дважды, во втором случае в конце слова писцом поставлена круглая скобка.

⁵ В *ркп Е*: 7097е.

⁶ В *ркп А, Б, В, Е* буква «о» в этом слове сокращена (стоит титло), расшифрована по *ркп Г, Д*.

⁷ Во *всех списках*: рукоположивый.

⁸ В *ркп Е*: 7127е.

⁹ В *ркп Г, Д, Е*: вселенская. В *ркп Б*: вселенския.

¹⁰ В *ркп Б, В*: патриархи.

¹¹ В *ркп А* изначально было написано «видес», «-та» подписано писцом сверху над словом. В *ркп Б, Е*: видеста.

¹² В *ркп Е*: пения.

¹³ В *ркп Б, В, Г*: российскую. В *ркп Е*: древлероссийскую православную (вместо «древлеправославную российскую»).

¹⁴ В *ркп В*: и бл(а)жиста (вместо «ублажиста»). В *ркп Е* изначально было написано «ублажиша», но писцом здесь поставлена скобка, которая на полях расшифровывается как «ста».

¹⁵ В *ркп Е*: 25й.

¹⁶ Такие квадратные скобки одинаково поставлены переписчиками в *ркп А, Г, Д, Е*. В *ркп Б, В* стоит только одна открывающая скобка, причем в *ркп В* круглая.

¹⁷ В *ркп Е*: пение.

¹⁸ В *ркп Б*: устройно.

¹⁹ В *ркп В, Е*: реченьми.

²⁰ Во *всех списках*: украшенное.

²¹ В *ркп Б* этот союз в данном месте отсутствует.

²² Во *всех списках*: поемо.

²³ В *ркп Б*: староц(е)рковныя.

«Агиос Офеос, Агиос² Исхирос³, Агиос Афанимос⁴, елей сон имас»⁵ – «С(вя)тыи Б(о)же⁶, С(вя)тыи Крепкии, С(вя)тыи Безсмертныи, помилиуи нас»⁷. И паки: «Кирие, елей сон»⁸, – иже⁹ есть «Г(о)с(по)ди, помилуй». И паки: «Евлоги сон, патери»¹⁰ вместо рещи «Бла <Л. 314 об.> гослови, о(т)че». И подобная¹¹ сим во обиходниках староц(е)рковных находится, роспевом¹² положенная в славу Б(о)жию в ростовстей же епископии¹³ у древних архиереов, не¹⁴ точною пословиц греческаго языка в ц(е)рковном пении¹⁵ употребляхуся, еже есть «Кири¹⁶, елей сон» и прочая, но и¹⁷ целыи¹⁸ лик, си есть левыи¹⁹ крылос, греческим языком поем бе, о чесом в житии²⁰ с(вя)тых страстотерпец²¹, кн(я)зей²² руских²³ Бориса и Хлеба²⁴, неложно свидетельствуется²⁵. Июля 24 числа²⁶.

¹ В *рпк Г, Д*: певчие. В *рпк Е*: певчии.

² В *рпк В*: Агеос.

³ В *рпк Б*: Искирос.

⁴ В *рпк Д, Е*: Аданимос. В *рпк Б*: Афинимос.

⁵ В *рпк А, В, Г, Д, Е* напротив этой грекоязычной строчки на полях рукой писца указано: «гречес(ки)» (в круглых скобках расшифровывается по указанным спискам не вошедшее на фотокопию *рпк А* окончание слова). В *рпк Б* на полях нет примечаний, но сам грекоязычный текст взят писцом в квадратные скобки.

⁶ В *рпк Б*: Б(о)жи.

⁷ В *рпк А, В, Г, Д, Е* на полях напротив церковнославянского перевода Трисвятого рукой писца указано: «руски».

⁸ В *рпк Б* этот грекоязычный текст так же взят писцом в квадратные скобки.

⁹ В *рпк Д*: еже (вместо «иже»).

¹⁰ В *рпк Б* этот грекоязычный текст так же взят писцом в квадратные скобки.

¹¹ В *рпк Д*: подобна.

¹² В *рпк А* окончание «-ом» надписано писцом сверху над словом, в котором первоначальное окончание замазано.

¹³ В *рпк А* изначально было написано «епископия», исправлено в слове рукой писца.

¹⁴ В *рпк А* «е» здесь было пропущено, надписано писцом сверху над словом.

¹⁵ В *рпк А* изначально было написано «пения», исправлено писцом в слове.

¹⁶ В *рпк Е*: Кире.

¹⁷ В *рпк Б* этот союз в данном месте отсутствует.

¹⁸ В *рпк А* изначально было написано «целыя», исправлено писцом в слове.

¹⁹ В *рпк А* изначально было написано «левыя», исправлено писцом в слове.

²⁰ В *рпк А* изначально было написано «жития», исправлено писцом в слове.

²¹ В *рпк Б*: страстотерпиц.

²² В *рпк Б*: кн(я)зя.

²³ В *рпк А* отсутствует, добавлено в *рпк Д*.

²⁴ Во всех списках: Глеба.

²⁵ В *рпк Б*: свидетельствуется.

²⁶ Имеется в виду день памяти святых Бориса и Глеба (6 августа по григорианскому календарю).

Статья 9.

Староц(е)рковное во ирмолоех¹ песнопение обдержит² в себе припево вмещения³ или слоги⁴ некия⁵ во многих местех, а наипаче в начале всеношнаго бдения, на псалом б103⁶ «Благослови, д(у)ше моя, Г(о)с(по)да». Яже суть сия: «А⁷ не не⁸ на ани», о чесом докажет⁹ неложно не точию¹⁰ старознаменныя ирмолюи¹¹, но и Устав великии¹² печатный¹³ показывает пети. О сем¹⁴ и творец Пращицы во ответе 183 на листе 306 сице <Л. 315> гл(агол)ют¹⁵: понеже де у греков¹⁶ в пении издревле суть приложения¹⁷ сицевая «ана нес тем», «те ре ре» и прочая. Но не новое у них, но издревле¹⁸ от¹⁹ творцев²⁰ ѿ²¹ пение то употребляется. До zde творец Пращицы.

Статья 10.

В присно поминаемых ирмолоех²² староцерковных и во обиходницах древних певчих на мнозе обносится писано, яко пр(е)п(о)д(о)бный²³ Нил Сорский²⁴, *староскитский*²⁵ пустынножителный¹ о(т)ец, ходивший²

¹ В *рпк Б*: ермологах. В *рпк В*: ирмолоех. В *рпк Е*: ирмоляях.

² В *рпк Б*: одержит.

³ В *рпк Е*: вмещение.

⁴ В *рпк А* между слогами этого слова затерты какие-то буквы.

⁵ В *рпк Б*: пеня (вместо «некия»).

⁶ Во всех списках: 103.

⁷ В *рпк Б* эта буква в данном месте отсутствует.

⁸ В *рпк Г* после этого слога добавлено в тексте еще одно «не».

⁹ В *рпк Б*: да показывает (вместо «доказует»). В *рпк В*: доказывается.

¹⁰ В *рпк Б*: ноchoно (вместо «не точию»).

¹¹ В *рпк Б* изначально в тексте было написано «ирмосы», затем писцом над словом было надписано: «лои».

¹² В *рпк А* изначально было написано «великия», исправлено писцом в слове.

¹³ В *рпк А* изначально было написано «печатныя», исправлено писцом в слове.

¹⁴ В *рпк Б*: чем (вместо «сем»).

¹⁵ В *рпк Б, Д*: гл(агол)ет.

¹⁶ В *рпк Д*: креков.

¹⁷ В *рпк Б*: приложенныя.

¹⁸ В *рпк Б*: издре.

¹⁹ В *рпк Г, Д, Е*: о (вместо «от»).

²⁰ В *рпк А* в этом слове в тексте «-цев» написано отдельно через пробел, причем «в» в окончании надписано писцом над словом. В *рпк Б, Г, Д, Е*: Творце.

²¹ В *рпк В* этот предлог в данном месте отсутствует.

²² В *рпк Е*: ирмоляях.

²³ В *рпк А* изначально было написано «пр(е)п(о)д(о)бныя», исправлено писцом в слове.

²⁴ В *рпк А* изначально было написано «Сорския», исправлено писцом в слове.

²⁵ В *рпк Е* это слово в данном месте отсутствует.

во с(вя)тую Афонскую³ гору и там, аки пчела трудолюбная⁴, собирающ⁵ себе от различных добродетельных⁶ цветов о(т)цев афонских, спасительную⁷ сота⁸ сладость, и оттуду⁹ возвращающа¹⁰ в Россию, пренес¹¹ перевод с(вя)тогорский¹² из обители Ватопеди, роспев старознаменным подобием в честь и хвалу Пречистой Б(огоро)д(и)це, сиречь «Достойно есть», и прочие¹³, и Трис(вя)тое знаменем¹⁴ болшим¹⁵. И таковыи стих во обители Кирила¹⁶ Белозерскаго¹⁷ по его преданию поем¹⁸ бысть <Л. 315 об.> в похвалу М(а)тери Г(о)с(по)дней. От сего познавается, яко¹⁹ староц(е)рковное древлеправославныя российския Ц(е)ркве песнопение не противно есть старогреческому²⁰ песнопению, но и союзно, еже есть согласно, поемо и содружно зело²¹.

Статья 11.

Еще верно доказывается старознаменно пение книгою Ирмоломем²² б(о)голюбиваго Аффония²³, митрополита новгородскаго²⁴. Якова находится, в ней же видевши сказуют, имущи ц(е)рковныя²⁵ Обиход, ирмосы,

¹ В *ркп Б, Д, Е*: пустынножительныи.

² В *ркп Б*: ходивши.

³ В *ркп В*: Афонскую.

⁴ В *ркп Д, Е*: трудолюбивая.

⁵ В *ркп В, Г*: собирающ. В *ркп Б*: собирающе.

⁶ В *ркп Б*: добродетельных. В *ркп Д*: добродительных. В *ркп Е*: добродетелей.

⁷ В *ркп Г*: спасительную.

⁸ В *ркп Д*: соту.

⁹ В *ркп В*: оттудуа.

¹⁰ В *ркп А* изначально было написано «возвращаюша», но писцом добавлено «-щя» над словом. В *ркп Б, В, Г*: возвращающя. В *ркп Д, Е*: возвращающяся.

¹¹ В *ркп Б, Д*: принес.

¹² В *ркп Б*: старогорский (вместо «с(вя)тогорский»).

¹³ В *ркп Б, В, Д*: прочее.

¹⁴ В *ркп Б*: знаменем.

¹⁵ В *ркп Б, В, Д, Е*: большим.

¹⁶ В *ркп Д*: Кирилла.

¹⁷ В *ркп Д*: Белозерскаго.

¹⁸ В *ркп Д, Е*: поемо.

¹⁹ В *ркп Б*: ясно (вместо «яко»).

²⁰ В *ркп Б*: староц(е)рковному.

²¹ В *ркп Е* вместо этого слова написано с использованием буквы «зело» («s») церковнославянского алфавита «seso».

²² В *ркп Д*: Ермоломем.

²³ В *ркп Б*: Афония.

²⁴ В *ркп Б, Д*: новгородскаго.

²⁵ Во *всех списках*: ц(е)рковныи.

Октай, Праздники¹ и прочая. А той архиерей бывш жития с(вя)тоа(н)г-гельскаго² и нрава престолоподрожательнаго³. О нем же скажут, яко и прозрителнаго⁴ дарования исполнену⁵ *нетленну*⁶ ему сушу, яко второму о(т)цу Пафнутию, иже в Боровске⁷. И в старость дошедшу, живушу⁸ на Хутыне, уже и не видевшу, но душевнии его очи светлейши *и прозрачнейши*⁹ внешних *очи*¹⁰ бяху. Егда бо прииде на Хутыне¹¹ новопоставленнии¹² митрополит Никон благословения <Л. 316> ради, гл(агол)ющим служителем¹³, яко Никон митрополит требует бл(а)гословения¹⁴ от тебе¹⁵, о(т)че, оному же с¹⁶ воздохновением¹⁷ прослезившуся и рекшу: «Уже прииде время¹⁸, что *и*¹⁹ Никон митрополитом, но воля Г(о)с(по)дня да будет при сем архиереи Б(о)жиим». Яко же собная его книга достоверствует, яко старознаменное песнопение²⁰, не точию во граде и в епархии его бе, но и во всей словущей²¹ России обдержашеся. А наречное пение последи от Никона новоначинатися²² начат, о чесом ниже покаже(т)ся²³.

¹ В *рпк Б*: Праздники.

² В *рпк Б*: анг(е)льскаго.

³ В *рпк В, Г, Д, Е*: престолоподрожательнаго.

⁴ В *рпк Б, Д, Е*: прозрительнаго. В *рпк В* после этого слова писец снова написал «о нем же», но заключил это в скобки.

⁵ В *рпк Е*: исполнену.

⁶ В *рпк А* это слово отсутствует, добавлено в *рпк Б*.

⁷ Имеется в виду преподобный Пафнутий Боровский (1394–1477), основатель монастыря у Боровска.

⁸ В *рпк Б*: живуши.

⁹ В *рпк Е* выделенные слова отсутствуют.

¹⁰ В *рпк А* это слово отсутствует, добавлено в *рпк Б*.

¹¹ В *рпк Б, Г, Д, Е*: Хутыню.

¹² В *рпк А* изначально было написано «новопоставленныя», исправлено писцом в слове. В *рпк Б, Г*: новопоставленныи.

¹³ В *рпк Е*: служителям.

¹⁴ В *рпк Б, Д, Е*: благословение.

¹⁵ В *рпк В*: тебя.

¹⁶ В *рпк В*: со (вместо «с»).

¹⁷ В *рпк Б, В, Д, Е*: воздыханием.

¹⁸ В *рпк Б* здесь на полях рукой писца добавлено: «Зри zde (о Никон)» (скобки также поставлены писцом).

¹⁹ В *рпк Б* этот союз в данном месте отсутствует.

²⁰ В *рпк Б*: песнование.

²¹ В *рпк Б*: слывущей.

²² В *рпк А* изначально было написано «новонатися», «-начи-» приписано писцом над словом. В *рпк Б*: начинатися. В *рпк Д*: новочинатися.

²³ В *рпк А* часть слова утрачена из-за обреза листа, восстановлена по *рпк В, Г, Д, Е*. В *рпк Б*: покажет.

Статья 12.

К вышепоказанному уясняется старое(е)рковное песнопение книгою полным¹ Ермолом², который находится в четверть листа, огня теплейшею³ ревностию дышущаго с(вя)щенноепископа Павла Коломенскаго. Его же апостолоподражательная⁴ о древлец(е)рковном благочестий⁵ ревность всем известна есть. Егда Никону патриарху извет <Л. 316 об.> сотворшу, яко бы книги старопечатныя⁶ справити противу старохаратейных⁷ греческих, и всем архиереом подписавшимся, с ними же и б(о)голюбивыя⁸ епископ Павел подписався⁹, да согласны будут со старогреческими¹⁰ книгами. Но егда уведано бысть, яко не предложению **и**¹¹ обету¹² своему правит Никон книги, испросив бл(а)женныи¹³ Павел рукоподписанныи¹⁴ Соборныи¹⁵ свиток и, своя¹⁶ руки подписание загладив, **отдаде, за что Никон того жестоко¹⁷ истязав¹⁸**, яко же сказуют, мучив **и**¹⁹ в заточение посла в Палеостровский²⁰ монастырь, который имеется во Олонецком уезде. И ту два лета держим, отвозится в страну далнюю²¹, во град, нарицаемый Астрахань²². И по летех неких приводятся²³ бл(а)женныи¹ страдалец в Великий² Нов³ град, и ту сожжен

¹ В *рпк Б*: помним.

² В *рпк Д*: Ермолом.

³ В *рпк В*: пеплейшею. В *рпк Е*: теплейшии.

⁴ В *рпк Б, Д, Е*: апостолоподражательная. В *рпк Б* изначально было написано апостолоподражательская, но писец над словом подписал «ная».

⁵ Во *всех списках*: благочестии.

⁶ В *рпк Е*: старопечатанья.

⁷ В *рпк Б*: старохаратейных.

⁸ В *рпк В, Д, Е*: б(о)голюбивыи. В *рпк Б*: б(о)голюбививыи.

⁹ В *рпк В*: подписался.

¹⁰ В *рпк Б*: стагреческими.

¹¹ В *рпк Е* этот союз в данном месте отсутствует.

¹² В *рпк Б*: победу (вместо «и обету»).

¹³ В *рпк А* изначально было написано «бл(а)женныя», исправлено писцом в слове.

В *рпк Б*: б(о)ж(е)ственныи (вместо «бл(а)женныи»).

¹⁴ В *рпк Б*: рукоподписанныи.

¹⁵ В *рпк А* изначально было написано «Соборныя», исправлено писцом в слове.

¹⁶ В *рпк Б*: своя.

¹⁷ В *рпк А* изначально было написано «жесто», «-ко» надписано писцом сверху над словом.

¹⁸ В *рпк Б* выделенный фрагмент текста пропущен.

¹⁹ В *рпк Б* этот союз в данном месте отсутствует.

²⁰ Во *всех списках*: Палеостровский.

²¹ В *рпк Д, Е*: дальнюю.

²² В *рпк Б*: Астрань.

²³ Во *всех списках*: приводится.

бысть. Сицева мужа с(вя)та писанныи <Л. 317> Ирмолой⁴ находится мастерства⁵ честнаго, а в нем тоежде⁶ свойство, **и пословицы⁷ древняя, и попевки, яковы же в наших⁸** книгах состоятся и поемы суть, юже до-вольно⁹ видети¹⁰ случися, и нам руками недостойными осязати. Тако бо с(вя)тныи он, архиерей Павел, пение содержа, во славу С(вя)тыя Несозданныя Троицы петь согласно прежде бывшим¹¹ его с(вя)тым архиереом российским и таковым с(вя)тоотеческим¹² песнопением, яко же и прочим благочестием душу свою пос(вя)тив к ликующей горе Ц(е)ркви, краситель восхищен бысть в некончаемую¹³ радость Господа своего.

Статья 13.

Новолюбительныи¹⁴ Никон митрополит, едва почювствова своєю паствы града престол, и о новинах уже люборачительствовати¹⁵ начинает. Неоднократно доклад чинит в начале <Л. 317 об.> его царьскому величеству, государю ц(а)рю Алексею¹⁶ Михайловичю¹⁷, и¹⁸ с(вя)тейшему¹⁹ патриарху Иосифу, **дабы²⁰** древлец(е)рковная песнопения отоменити²¹ в наречное²². Но святейшии²³ кир патриарх Иосиф, яко же гл(агол)ют,

¹ В *ркп Б*: б(о)ж(е)ственныи (вместо «бл(а)женныи»).

² В *ркп Б* это слово в данном месте отсутствует.

³ В *ркп Б* изначально было написано «Вов», исправлено писцом в слове.

⁴ В *ркп Б*: Ирморей.

⁵ В *ркп А* в этом слове буквосочетание «-рст-» написано дважды подряд, но одно лишнее написание зачеркнуто писцом.

⁶ В *ркп Д*: такожде.

⁷ В *ркп Б*: поговорка.

⁸ В *ркп А* выделенный фрагмент текста изначально был пропущен, но в тексте на этом месте писец поставил крестик, вынеся пропущенное на поля. В *ркп Б* выделенный фрагмент текста взят писцом в фигурные скобки.

⁹ В *ркп Е*: довольно.

¹⁰ В *ркп Е*: видити.

¹¹ В *ркп Б*: бывшем.

¹² В *ркп Д*: с(вя)тоотеческим.

¹³ В *ркп Г, Е*: некончаемую. В *ркп Б*: кончаемую. В *ркп Д*: нескончаемую.

¹⁴ В *ркп Б, Г, Д, Е*: новолюбительныи.

¹⁵ В *ркп Б*: любительствовати.

¹⁶ В *ркп Б*: Алексею.

¹⁷ В *ркп Е*: Михайловичу.

¹⁸ В *ркп Б* этот союз написан два раза подряд.

¹⁹ В *ркп Б*: светлейшему.

²⁰ В *ркп Б* этот союз в данном месте отсутствует.

²¹ В *ркп В, Г, Д, Е*: отменити. В *ркп Б*: отменити. В *ркп Е* после этого слова в тексте написано «но», которое тут же зачеркнуто писцом.

²² В *ркп Е*: наречное.

²³ В *ркп Б*: с(вя)тей.

тому никонову¹ предложению не соизволяше, но сопротивляшеся. Согласно о сем послежде творец и² жития и дел никоновых Афанасии, епископ холмогорский, описует, аще и со иным³ разумом, яко де⁴ Никон, митрополит новгородский⁵, **велии обрешашася**⁶ поборник⁷ ко отмене староцерковнаго⁸ песнопения, во еже претворити оно в наречное⁹. А святейшии патриарх Иосиф московский тому делу прекословие¹⁰ творяше¹¹ и никакоже хотя оное древнее пременити¹². До зде епископ Афанасии¹³. Отсюду довольно¹⁴ познавается, яко древлеправославныя греко-российския <Л. 318> Ц(е)ркве пастырь святейшии, патриарх Иосиф, твердо помняшь¹⁵ писаное¹⁶, не прелагай предел вечных, яже положиша о(т)цы твоя¹⁷. И правильную¹⁸ силу о церковных преданиих¹⁹, яко закона силу имущих, во уме содержаще²⁰, простое и непростое²¹ пение лобызати, яко же древнии обычай²² и б(о)голюбезныи имеша²³. Любящ сицевых ради важных вин новонаречному²⁴ пению в российстей Церкви быти не попускаше²⁵, но¹ на древнем² с(вя)тоотеческим³ песнопении утвержа-

¹ В *ркп В*: никоному.

² В *ркп А* этот союз в данном месте отсутствует, добавлен в *ркп Б*.

³ В *ркп Б*: сонным (вместо «со иным»).

⁴ В *ркп Б*: же (вместо «де»).

⁵ Во *всех списках*: новгородский.

⁶ В *ркп Д* выделенный фрагмент текста отсутствует.

⁷ В *ркп Г*: поборник.

⁸ В *ркп Б*: староц(е)рковна.

⁹ В *ркп Е*: нареченное.

¹⁰ В *ркп А* в этом слове слог «-ко-» изначально был пропущен, но надписан писцом над словом.

¹¹ В *ркп Б*: творяще.

¹² В *ркп Б*: пременить. В *ркп Д*: переменити.

¹³ В *ркп Б*: Афанасии.

¹⁴ В *ркп В, Д, Е*: довольно.

¹⁵ В *ркп Б*: помняще.

¹⁶ В *ркп В, Д, Е*: писанное.

¹⁷ В *ркп В*: твои.

¹⁸ В *ркп Б*: правеликую, хотя изначально было написано «провеликую», но писец написал «а» над буквой «о» в этом слове. В *ркп Г*: правильную.

¹⁹ В *ркп Б*: и древних (вместо «преданиих»).

²⁰ В *ркп Б, Г, Е*: содержащ. В *ркп Д*: содержащ.

²¹ В *ркп Б*: нестрое.

²² В *ркп Б*: обычию.

²³ В *ркп Б*: имеша.

²⁴ В *ркп Б, Е*: новонареченному. В *ркп Г*: новонаречному.

²⁵ В *ркп Б*: не попускающ.

шеся, да не поколеблются исконная кафолическия⁴ Ц(е)ркве⁵ предания и непретворни⁶ и по нем будущим родом препустятся.

Статья 14.

К вышеписаным⁷ известуем о новонаречном⁸ пении от Соборнаго свитка, составленнаго во общем изречении *от*⁹ вселенских патриарх <Л. 318 об.> любителей новшеств: Паисии, папы александрийскаго¹⁰, и Макария¹¹, папы антиохийскаго, вкупе со Иоасафом¹², патриархом московским, и с¹³ прочими прилучившимися греческими и российскими¹⁴ архиереи в лето от сотворения мира 7175 [1667], а от рождества по плоти Б(о)га Слова 1667¹⁵, в нем же триперстное¹⁶ благословение и двочастны¹⁷ крест с прочими новшества и¹⁸ клятвами новоутвердиша – двоперстное *же*¹⁹ сложение и прочая²⁰. Древлеправославныя²¹ Ц(е)ркве²² последование неслышаным²³ клятвам предаша, при том и пение *ц(е)рковное пети*²⁴ на речь²⁵ новоповелеша²⁶. Вон-

¹ В *рпк Б*: на (вместо «но»), поэтому «на» в тексте этого списка в данном месте идет дважды подряд.

² В *рпк Е*: древним.

³ В *рпк Б*: с(вя)тоо(те)ческом.

⁴ Во *всех списках*: кафолическая.

⁵ В *рпк Б, Е*: Ц(е)ркви.

⁶ В *рпк Б, В, Г, Д*: непретворна. В *рпк Е*: непретворно.

⁷ Во *всех списках*: вышеписанным.

⁸ В *рпк Б*: новореченном. В *рпк Е*: новонареченном.

⁹ В *рпк А* этот предлог в данном месте отсутствует, добавлен по *рпк Б, В, Г*.

¹⁰ В *рпк Г*: александрскаго.

¹¹ В *рпк А* слог «-ка-» в этом слове изначально был пропущен, подписан писцом сверху над словом. В *рпк Б*: Макарии.

¹² В *рпк Б, Е*: Иасафом.

¹³ В *рпк Б* этот предлог в данном месте отсутствует.

¹⁴ В *рпк Б*: российскими.

¹⁵ В *рпк Е*: 1667е.

¹⁶ В *рпк Б*: приперстное.

¹⁷ В *рпк В, Г, Д, Е*: двочастныи. В *рпк Б*: двучастынии.

¹⁸ В *рпк Б, В, Е*: с (вместо «и»).

¹⁹ В *рпк Б* этот союз в данном месте отсутствует.

²⁰ В *рпк Б*: прочия.

²¹ В *рпк Е* изначально было написано «древлеправославная», но над окончанием писцом сверху надписано «ь».

²² В *рпк Б*: Ц(е)ркви.

²³ В *рпк Б, В, Д, Е*: неслышанным.

²⁴ В *рпк Б* выделенный фрагмент текста отсутствует.

²⁵ В *рпк Д*: на ричь.

²⁶ В *рпк Е*: повелеша.

ми¹, благоразумный читателю, от коего времени, и о² кого, и от каковых вин новонаречное³ пение в русскую Ц(е)рковь привниде⁴, а старознаменное⁵ с(вя)тоотеческое песнопение уничтожится⁶. Видно есть, яко от Никона <Л. 319> патриарха, нововводных⁷ предании любителя, а послежде же вышепомянутыми⁸ вселенскими патриархи и русскими архиереи с клятвою новоузоконися, о чесом зде вкратце удостоверихом. Осмотри прилежно Соборный свиток, и несумнительно⁹ и о¹⁰ прдерзателех¹¹ новоизникших известишися.

Статья 15.

Зде, в конечной статьи¹², о новонаречном¹³ пении от краткосочиненного¹⁴ Ирмолая рукописанного¹⁵, по его¹⁶ описанию, лета 7160го¹⁷ [1652] предлагаем, который¹⁸ *значится*¹⁹ по скончании с(вя)тейшаго патриарха Иосифа измышленные²⁰. В нем же повествуется сицево: собрано де к тому знаменному²¹ пению *сицево*²² четьредесять человек, чтоб предел учинить²³ якобы во истинноречном²⁴ пении везде – во градех, и селех, и честных о²⁵ обителех. Но в то время от иностранных²⁶ государств

¹ В *рпк В, Д, Е*: вонми.

² Во *всех списках*: от (вместо «о»).

³ В *рпк Е*: новонареченное.

⁴ В *рпк Д*: превниде.

⁵ В *рпк Б, В, Д, Е*: старознаменное.

⁶ В *рпк Б*: у них уничижися (вместо «уничтожися»).

⁷ В *рпк Б*: нововводних.

⁸ В *рпк Е*: вышепомянутых.

⁹ В *рпк Б*: неусумнительно.

¹⁰ В *рпк Д* этот предлог в данном месте отсутствует.

¹¹ В *рпк А* слог «-ле-» в этом слове изначально был пропущен, надписан писцом над словом. В *рпк Б*: прдерзателех.

¹² В *рпк А* изначально было написано «статья», исправлено в слове. В *рпк Б*: статьи.

¹³ В *рпк Е*: новонареченном.

¹⁴ Во *всех списках*: краткосочиненного.

¹⁵ В *рпк Б, Г, Д, Е*: рукописанного.

¹⁶ В *рпк Б*: того (вместо «его»).

¹⁷ В *рпк В, Д*: 7160.

¹⁸ В *рпк Б*: которой.

¹⁹ В *рпк Б* это слово в данном месте отсутствует.

²⁰ В *рпк Г*: измышленные. В *рпк Д*: измышленные.

²¹ В *рпк Б*: знаменному.

²² В *рпк А* это слово в данном месте отсутствует, добавлено в *рпк Д*.

²³ В *рпк Б*: учинить.

²⁴ В *рпк Д, Е*: истинноречном. В *рпк Б*: истинноречной. В *рпк Г*: истиноречном.

²⁵ В *рпк А* этот предлог в данном месте отсутствует, добавлен в *рпк Б*.

²⁶ Во *всех списках*: иностранных.

<Л. 319 об.> воины учинишася, к тому же *и*¹ моровое поветрие грех де ради наших првниде² и таковоме³ делу сотвори препятие. От лета⁴ же 160 [1652] и 164го [1656] и ниже начаша пети во градех и в монастырех малоискуснии мастера, кождо от себе исправляти пение на речь, и во едино согласие⁵ не приидоша. Ова же и грубии, и зело малоискуснии⁶ на таковое дело дерзнуша, и от таковыя тех продерзости⁷ во всех градех и селех велие учинися разгласие, что и во единой ц(е)ркви не точию *трием*⁸ и многим, но и двум пети за несогласие невозможно. Потом Павел, митрополит сарски⁹ и подонский, повелением патриарха Никона собрав мастеров, ведущих знаменное пение, и крестьянинов¹⁰ и усельских старых мастеров в попевках в переводы исправивша якобы по и <Л. 320> стиноречию¹¹ словенороссииским обыкновением. *До zde*¹² ис¹³ Краткаго Ирмоля¹⁴. Ты же внемли, како новонаречное¹⁵ пение не от древлеправославныя грекороссииския¹⁶ Ц(е)ркве начало прият, ниже от древних пастырей российских чюдотворец¹⁷ составися, но от лета 163¹⁸ [1655] и 164го [1656] новоначинашася, в которыя лета триперстное сложение и пятиперстное благословение и прочия¹⁹ новин извинения *и*²⁰ на²¹ двоперстное сложение нестерпимыя²² клятвы²³ и

¹ В *ркп Б* этот союз в данном месте отсутствует.

² В *ркп В, Г, Д, Е*: привниде. В *ркп Б*: превниде.

³ В *ркп Б, В, Г, Е*: таковому.

⁴ В *ркп Б*: того (вместо «лета»).

⁵ В *ркп Б*: единогласие (вместо «едино согласие»).

⁶ В *ркп Б*: искуснии.

⁷ В *ркп Б*: продерзостей.

⁸ В *ркп Б* это слово в данном месте отсутствует.

⁹ В *ркп В, Г, Д, Е*: сарский. В *ркп Б*: и Арсени (вместо «сарски»).

¹⁰ В *ркп Б, Е*: крестьянов.

¹¹ В *ркп В, Д, Е*: истинноречию.

¹² В *ркп Б* выделенный фрагмент текста отсутствует.

¹³ В *ркп Д, Е*: из.

¹⁴ В *ркп Г, Д*: Ермоля.

¹⁵ В *ркп Б, В*: новонаречное. В *ркп Е*: новонареченное.

¹⁶ В *ркп Б*: грекороссииское. В *ркп В*: грекороссийская.

¹⁷ В *ркп Д, Е*: чюдотворцев. В *ркп Б*: но творец (вместо «чюдотворец»).

¹⁸ В *ркп Е*: 163го.

¹⁹ Во *всех списках*: прочая.

²⁰ В *ркп Б* этот союз в данном месте отсутствует.

²¹ В *ркп А* этот предлог в тексте изначально был пропущен, но приписан писцом сверху над строкой.

²² В *ркп Б*: нестерпимое.

²³ В *ркп Б*: тлятвы.

хулы¹ происходит чрез Никона патриарха и греческих Макария антиохийского, Гавриила сербского² и прочих новоначинаху³. Скрижалъ⁴ на листе 142 и на листе 725, на⁵ листе 3 и 4м⁶. Клятвами и анафемами неразсудно тщание во оно время от выше показанных⁷ рачителей нововодства, яко же о триперстном⁸ сложенни⁹ <Л. 320 об.> и прочих, тако и о¹⁰ новонаречном¹¹ пении действительно¹² заключися. О¹³ часом *выше*¹⁴ изъявихом. И с вышепоказанных¹⁵ нами статей¹⁶, честныи совопросниче, внемли, яко старец(е)рковное с(вя)тоотеческое песнопение от вышеписанных певцев¹⁷ греков при великом кн(я)зе Ярославѣ¹⁸ начася¹⁹ и по всей России²⁰ единовидно разсеяся. И бысть во всех градах и селех, и²¹ монастырех и пустынях²² при державствии²³ великих князей и при благоверных ц(а)рех и великих кн(я)зей²⁴ российских всеми российскими чудотворцы и святейшими московскими патриархи со всеми православными христианы вообще поемо и утвержаемо до времен Никона²⁵. Оно новонаречное²⁶

¹ В *ркп Б*: лулы.

² В *ркп Д, Е*: сербского.

³ В *ркп Б*: новоначальных.

⁴ В *ркп Б*: исклижал. В *ркп В*: скрыжалъ.

⁵ В *ркп Б*: ни (вместо «на»).

⁶ В *ркп Е* выделенный фрагмент текста написан иначе: 3, 40 и 4м.

⁷ В *ркп Б, Г, Д, Е*: показанных.

⁸ В *ркп Е*: триперстриперстном.

⁹ В *ркп Д*: знамении (вместо «сложенни»).

¹⁰ В *ркп Б*: какова на (вместо «тако и о»).

¹¹ В *ркп В, Г*: новонаречном. В *ркп Д, Е*: новонареченном. В *ркп Б*: греческом.

¹² В *ркп Б, Г, Д, Е*: действительно.

¹³ В *ркп Б*: в (вместо «о»).

¹⁴ В *ркп Д* это слово в данном месте отсутствует.

¹⁵ В *ркп Б*: вышеписанных.

¹⁶ В *ркп Б*: статьи.

¹⁷ В *ркп Г, Д, Е*: певцов.

¹⁸ В *ркп Б*: Ерославе.

¹⁹ В *ркп Б* изначально было написано «начасе», но затем сверху над словом писец надписал «я».

²⁰ В *ркп Е*: Росии.

²¹ В *ркп А* этот союз в данном месте отсутствует, добавлен по *ркп Б, Е*.

²² В *ркп Б*: пустынных.

²³ Во всех списках: державствии.

²⁴ В *ркп Е*: князех.

²⁵ В *ркп Б*: никонова.

²⁶ В *ркп В, Г*: новонаречное. В *ркп Е*: новонареченное, причем изначально было написано «нареченное», но писец поставил на месте пропущенных слогов скобку, а пропущенное написал на полях.

пение во едино время с новинами привниде в росийскую¹ Ц(е)рковь², о чесом³ выше удо <Л. 321> стоверихом, с триперстным⁴ благословением, с четвеространным, добро или яснее⁵ сказать с четвероконечным двочастным⁶ крестом, и с прочими новинами от Никона патриарха⁷ и согласующи к тому греческих⁸ патриарх Паисия и Макария и прочих, о чесом вы⁹ объявихом¹⁰ сия вся, вкратце предложивша¹¹. Поступаем плиты, аки в лаводных мели в непохвалных¹² *твоя*¹³ *и*¹⁴ излишняя¹⁵ истязания и чрезсовестная¹⁶ подозрения. И на коеждо¹⁷ по вам подозрения взаимное по силе полагаем решение с помощью всех росийских¹⁸ чюдотворец¹⁹, за них же новии труд сеи подымати немощнии усердствуем. *Лета*²⁰ 1755²¹ года.

Список источников

1. О церковном пении // Отческие завещания / ОР БАН. Ф. 19. № 701. Л. 309 об.–321.
2. О церковном пении // Отческие завещания / ОР РГБ. Ф. 344. № 211. Л. 252 об.–262 об.
3. О церковном пении // Отческие завещания / ОР РГБ. Ф. 98. № 1048. Л. 364–379.

¹ В *ркп В, Г, Д, Е*: российскую.

² В *ркп Б* выделенный фрагмент текста отсутствует.

³ В *ркп Б*: сем (вместо «чесом»).

⁴ В *ркп Б*: треперстным.

⁵ В *ркп Д*: ясней. В *ркп Е*: ясея.

⁶ В *ркп Б*: двучастным.

⁷ В *ркп Б*: патриарха.

⁸ В *ркп Г, Д, Е*: еретических. В *ркп Б* изначально было написано «греческим», но над окончанием писец надписал букву «х».

⁹ В *ркп В*: выше (вместо «вы»), но слог «-ше», так как здесь заканчивается лист, написан уже в нижнем колонтитуле.

¹⁰ В *ркп А* в этом слове изначально был пропущен слог «-ви-», но писец приписал его над словом. В *ркп Б*: объявихом.

¹¹ В *ркп Б, В, Г*: предложивше. В *ркп Е*: предложихом.

¹² В *ркп В, Д*: непохвальные. В *ркп Г*: непохвильные. В *ркп Е*: непохвильные.

¹³ В *ркп Е* это слово в данном месте отсутствует.

¹⁴ В *ркп Б, Д* этот союз в данном месте отсутствует.

¹⁵ В *ркп В, Г, Е*: излишняя.

¹⁶ В *ркп Б*: чрезсовестная.

¹⁷ В *ркп Г, Д, Е*: каждо.

¹⁸ В *ркп Е*: российских.

¹⁹ В *ркп Б, Д*: чюдотворцев.

²⁰ В *ркп Г, Д, Е* это слово в данном месте отсутствует.

²¹ В *ркп Г, Д, Е*: 1785.

4. О церковном пении // Отечественные заветания / ОР РГБ. Ф. 98. № 1951. Л. 393 об.–410 об.
5. О церковном пении // Отечественные заветания / ОР РГБ. Ф. 98. № 1049. Л. 346–364.
6. О церковном пении // Отечественные заветания / ОР РГБ. Ф. 98. № 1067. Л. 346–360.

References

1. Anon. (n.d.) О tserkovnom penii [About church singing]. In: *Otecheskie zaveschaniya* [Fatherly Testaments]. Department of Manuscripts of The Library of Academy of Sciences. Fund 19. № 701. p. 309 об.–321.
2. Anon. (n.d.) О tserkovnom penii [About church singing]. In: *Otecheskie zaveschaniya* [Fatherly Testaments]. Department of Manuscripts of The Russian State Library. Fund 344. № 211. p. 252 об.–262 об.
3. Anon. (n.d.) О tserkovnom penii [About church singing]. In: *Otecheskie zaveschaniya* [Fatherly Testaments]. Department of Manuscripts of The Russian State Library. Fund 98. № 1048. pp. 364–379.
4. Anon. (n.d.) О tserkovnom penii [About church singing]. In: *Otecheskie zaveschaniya* [Fatherly Testaments]. Department of Manuscripts of The Russian State Library. Fund 98. № 1951. p. 393 об.–410 об.
5. Anon. (n.d.) О tserkovnom penii [About church singing]. In: *Otecheskie zaveschaniya* [Fatherly Testaments]. Department of Manuscripts of The Russian State Library. Fund 98. № 1049. pp. 346–364.
6. Anon. (n.d.) О tserkovnom penii [About church singing]. In: *Otecheskie zaveschaniya* [Fatherly Testaments]. Department of Manuscripts of The Russian State Library. Fund 98. № 1067. pp. 346–360.

Информация об авторе:

Михеева А.А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории археографических исследований Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: aniotamiheeva@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Mikheeva, Cand. Sci. (History), senior research fellow, Laboratory of Archaeographical Studies, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: aniotamiheeva@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.01.2021;
одобрена после рецензирования 23.03.2022; принята к публикации 09.03.2023*

*The article was submitted 11.01.2021;
approved after reviewing 23.03.2022; accepted for publication 09.03.2023*

Научная статья
УДК 002.2(571.1/.5)(091)
doi: 10.17223/23062061/31/6

СИБИРСКИЕ КНИЖНЫЕ РЕДКОСТИ: «ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ» ДМИТРИЯ КОРНИЛЬЕВА

Наталья Петровна Дворцова¹

¹ Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, n.p.dvorcova@utmn.ru

Аннотация. Предлагается новый взгляд на «Исторический журнал» (1790) Д.В. Корнильева, более двух веков признающийся в книговедении книжной редкостью, в 1964 г. поменявший свой статус журнального издания на статус издания книжного. Показан процесс трансформации книжной формы «Сибирской истории» И.Э. Фишера в журнальную мозаику коротких познавательных и нравоучительных текстов «Исторического журнала». История становления тобольских журналов позволила сделать вывод о том, что сложная структурно-тематическая мозаика «Исторического журнала» не соответствует структурно-типологическим особенностям книжного сборника.

Ключевые слова: Д.В. Корнильев, «Исторический журнал», книжные редкости, сибирское книгопечатание

Для цитирования: Дворцова Н.П. Сибирские книжные редкости: «Исторический журнал» Дмитрия Корнильева // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 31. С. 90–104. doi: 10.17223/23062061/31/6

Original article

SIBERIAN BOOK RARITIES: DMITRY KORNILIEV'S “ISTORICHESKIY ZHURNAL”

Natalya P. Dvortsova¹

¹ University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, n.p.dvorcova@utmn.ru

Abstract. The article considers Dmitry Korniliev's *Istoricheskiy zhurnal, ili Sobranie iz raznykh knig lyubopyt-nykh izvestiy, uveselitel'nykh povestey i anekdotov* [Historical magazine, or Collection from various books of curious news, amusing stories and anecdotes] (1790). Over the years of its existence in the history of book culture, the publication has earned a reputation for book rarity (V.S. Sopikov, G.N. Gennadi, V.P. Semennikov). However, modern bibliography has not yet directly answered the question of whether it is a magazine or a book. The “Istoricheskiy zhurnal”, preserved in the Book Museum of the Russian State Library, and a digital copy of the publication from the library of the Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve provided material for the study. The novelty of the research is explained by its original methodological approach to the interpretation of the publication made in the context of the history of media and media transfor-

mations suggested by M. McLuhan and F. Barbier, who substantiated the idea of the difference between the book and magazine forms and the types of reading associated with them. Moreover, the integrative research methodology includes the structural-typological, historical-genetic and contextual types of analysis within the framework of bibliology. On the basis of the twofold criterion of the specifics of the magazine form (the mosaicity of its form associated with the phenomenon of collective authorship and fast reading designed for the collective reader), I show the transformation of the book form of I.E. Fisher's *Sibirskaya istoriya s samogo otkrytiya Sibiri do zavoevaniya sey zemli rossiyским oruzhiem* [Siberian history from the very discovery of Siberia to the conquest of this land by Russian weapons] into the Siberian digital mosaic of Korniliev's "Istoricheskiy zhurnal". The transformation process of the voluminous and chronically built "Sibirskaya istoriya" into a magazine mosaic of short educational and edifying "news" and moralizing stories is reconstructed. The "Istoricheskiy zhurnal" is studied as part of the formation of the Tobolsk type of a magazine from "Irtysh, prevrashchayushchiysya v Iпокрену" [The Irtysh, turning into Hippocrene] to "Biblioteka uchenaya" [The scientific library]. The difference between the creative intention and the concept of the "Istoricheskiy zhurnal" in the dedication to A.V. Alyabiev and in the text of the surviving first part of the publication, included in the logic of the formation of the three Tobolsk magazines in their typological features: mosaic structure and educational, moral and entertaining character. I claim that the complex structural-thematic mosaic of the "Istoricheskiy zhurnal" does not correspond to the structural-typological features of the collection. The significance of the "Istoricheskiy zhurnal" as a publication that failed to use all of its potential is primarily explained by the fact that it became the first printed publication in Siberia in which Siberians displayed awareness of their own territorial identity. Owing to the "Istoricheskiy zhurnal", the processes of transformation of the book and magazine forms in the initial period of the history of book printing are revealed.

Keywords: Dmitry Korniliev, "Istoricheskiy zhurnal", book rarities, Siberian book printing

For citation: Dvortsova, N.P. (2023) Siberian book rarities: Dmitry Korniliev's "Istoricheskiy zhurnal". *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 31. pp. 90–104. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/31/6

В 1790 г., в Тобольске, в типографии отца и сына В.Я. и Д.В. Корнильевых, с посвящением тобольскому наместнику А.В. Алябьеву от имени его покорнейшего слуги Д. Корнильева был напечатан «Исторический журнал, или Собрание из разных книг любопытных известий, увеселительных повестей и анекдотов». Это был второй, после «Иртыша, превращающегося в Ипокрену» (1789–1791), журнал типографии Корнильевых и одна из трех книг, напечатанных в Тобольске в 1790 г. Уже этот факт (одно из четырех первых сибирских печатных изданий) позволяет отнести «Исторический журнал» к редким книгам.

В статье реконструируется история редкого тобольского издания в отечественной книговедческой и библиографической мысли и обосновывается новый взгляд на его место и роль в книжной культуре в начальный, колыбельный период сибирского книгопечатания. Материалом для исследования послужили «Исторический журнал» Д.В. Корнильева из фондов Музея книги Российской государственной библиотеки и цифровая копия «Исторического журнала», хранящегося в библиотеке Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. Связано это прежде всего с тем, что тобольская версия издания сохранилась не полностью (отсутствует 8 страниц с посвящением А.В. Алябьеву и оглавлением, а также страницы 79–88), хотя и доступна в Интернете. Методология исследования носит интегративный характер: структурно-типологический, историко-генетический и контекстный анализ в границах книговедческой парадигмы сочетается с исследованием специфики книжной и журнальной формы в рамках культурной истории М. Маклюэна и Ф. Барбье.

Первым редкой книгой «Исторический журнал» назвал четверть века спустя после его появления (1815) отец русской библиографии В.С. Сопиков, который не только изменил заглавие издания, назвав его «Журнал исторический, выбранный из разных книг», но и написал в примечании: «Книга очень редкая» [1. С. 47].

Статус редкой книги закрепился за «Историческим журналом» в 1872 г., когда Г.Н. Геннади включил его в «Библиографический список русских редких книг», состоящий из 246 изданий, под № 69 с примечанием: «Этой книги нет ни в Императорской публичной библиотеке, ни в Чертковской» [2. С. 60]. Разработанная Г.Н. Геннади классификация книжных редкостей (инкунабулы, напечатанные в малом числе экземпляров, запрещенные и не уничтоженные до конца, оставшиеся несожженными и т.д.) позволяет отнести «Исторический журнал» к редким книгам по признаку «первенцы разных типографий» [2. С. 7].

В начале XX в. исследователи не только продолжили традицию оценки «Исторического журнала» как редкого издания, но и усомнились в самом факте его существования. Так, В.П. Семенников ссылается на В.П. Сопикова при описании журнала и утверждает: «Никогда и никому это издание не попадалось. Отсутствие этого “Журнала” в сообщенном из типографии списке книг заставляет сомневаться в самом существовании такого издания» [3. С. 69].

Поворотный момент в судьбе «Исторического журнала» произошел в 1960-е гг., когда библиографы смогли, наконец, рассмотреть его de visu. В результате во втором томе «Сводного каталога русской книги гражд-

данской печати. 1725–1800» появилось следующее библиографическое описание: «Корнильев Д. Исторической журнал, или Собрание из разных книг любопытных известий, увеселительных повестей и анекдотов. Ч. 1. Тобольск, тип. В. Корнильева, 1790. 8, 88 с.». Указывались также места хранения редкого издания: ГБЛ и БАН [4. С. 69]. В примечании к статье Д. Корнильев как автор посвящения назван составителем сборника, в результате чего «Исторический журнал» автоматически превратился из журнального в книжное издание и возникла до сих пор не решенная в книговедении проблема: журнальное это издание или книжное?

Так, В.Г. Утков утверждает, что «издание мыслилось Д.В. Корнильевым как единое целое, а не как сборник разнородных статей». С его точки зрения, «журнал Д.В. Корнильева по своему содержанию и построению представляет собой новый тип журнала, не имевший в то время прецедента в русской журналистике». Отмечая сибиреведческий характер журнала, В.Г. Утков подчеркивает, что «местный материал Корнильев насыщает передовыми идеями, прогрессивным содержанием и сочетает его с просветительскими материалами, созвучными направлению умов передовых людей того времени» [5. С. 92].

В «Сводном каталоге сибирской и дальневосточной книги. 1790–1917» «Исторический журнал» рассматривается в ряду книг-сборников, а не журналов [6. С. 12]. Закономерно, что в «Очерках истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока» сказано, что в типографии Корнильевых печаталось не три, а два журнала: «Иртыш» и «Библиотека ученая» [7. С. 28].

Важнейший вклад в изучение деятельности типографии Корнильевых внес В.Д. Рак, установивший, в частности, источники всех текстов, из которых состоит «Исторический журнал» [8], что существенно изменило понимание этого издания в современной науке. Однако его интерпретацию видо-типологических особенностей «Исторического журнала» трудно признать бесспорной: с точки зрения В.Д. Рака, предположение о том, что «Исторический журнал» задумывался как периодическое издание, основано исключительно на его заглавии. Исследователь связывает его происхождение с многолетней привычкой Д.В. Корнильева создавать целые тома из тетрадок с переписанными им текстами прочитанных книг [9].

В связи с 225-летием первой сибирской типографии (2014) Тюменская областная научная библиотека им. Д.И. Менделеева оцифровала изданные Корнильевыми книги и журналы, хранящиеся в библиотеке Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. В число этих книг попал и «Исторический журнал», ставший легко доступным в Ин-

тернете [10], но, как оказалось, не утративший своего статуса редкой книги. Тем не менее создание цифровой копии «Исторического журнала», как и других первенцев сибирской печати, само по себе служит поводом и основанием для нового опыта понимания самого феномена первых сибирских печатных книг и журналов. Речь идет не только, говоря языком современного книговедения, о проблеме видо-типологической характеристики «Исторического журнала» и ответе на вопрос о том, сколько все-таки журналов издавали Корнильевы (два или три), но и о тех происходивших в Тобольске изменениях в письменной культуре и чтении, которые, по словам Ф. Барбье, столь глубоки, «что к ним вполне обоснованно можно применить термин “революция”» [11. С. 285].

С нашей точки зрения, вопрос о том, является ли «Исторический журнал» журналом или сборником, носит не формальный, а сущностный характер, ибо связан со спецификой процессов, происходящих в культуре благодаря появлению книгопечатания, или, как пишет Ф. Барбье, «прорыва нового медиа» [11. С. 284]. О сути этих процессов в книге «Понимание медиа» говорит М. Маклюэн, сопоставляя книгу и прессу (газеты и журналы) и устанавливая связь структурных характеристик книжной и журнальной форм с особенностями читательских практик и читательских сообществ. М. Маклюэн пишет: «Ускорение сбора информации и ее публикации естественным образом создало новые формы упорядочивания материала для читателей» [12. С. 232]. Речь при этом идет о сложно структурированных газетной и журнальной формах. Различие книжной и газетно-журнальной форм он видит в том, что «книга – это частная исповедальная форма, дающая “точку зрения” <...> частный голос <...> Пресса, в свою очередь, является групповой исповедальной формой, которая обеспечивает общественное участие» [12. С. 231]. Газетно-журнальную форму он называет мозаичной, подчеркивая, что «мозаика являет собой форму корпоративного или коллективного образа <...> срез общества» [12. С. 240].

Мысль М. Маклюэна развивает и углубляет Ф. Барбье в книге «Европа Гутенберга. Книга и изобретение западного модерна (XIII–XVI вв.)», когда пишет о таких последствиях появления книгопечатания, как расширение традиционной публики покупателей-читателей, изменения в сфере интеллектуального потребления и практиках чтения. По мнению Ф. Барбье, «средневековое чтение по большей части было чтением интенсивным, то есть чтением и перечитыванием *in extenso*, на манер обдумывания (*ruminatio*), ограниченного числа произведений, которые нередко заучивались на память. Эта практика не исчезает, <...> но ее сфера сокращается по сравнению с более современной сферой экстен-

сивного чтения: чтение все новых и новых текстов, просматривание отдельных пассажей или отрывков». Экстенсивное чтение Ф. Барбье называет быстрым и уподобляет его интериоризированной беседе с обществом великих умов [11. С. 287].

В контексте идей М. Маклюэна и Ф. Барбье становится очевидным: тот факт, что сибирское книгопечатание началось с журналов, не является случайным: газетно-журнальная форма рождена самой логикой развития печатного дела и прежде всего увеличением информационного потока, появлением большого количества новых текстов. В основу анализа «Исторического журнала» в статье положен сформулированный на основе идей М. Маклюэна и Ф. Барбье двуединый критерий, характеризующий специфику газетно-журнальной формы: 1) мозаичность, связанная с феноменом коллективного авторства; 2) быстрое чтение, рассчитанное на коллективного читателя.

О мозаичности формы «Исторического журнала» Д.В. Корнильев пишет в открывающем издание посвящении А.В. Алябьеву, где, по сути, формулируются его замысел и концепция. О мозаичности издания свидетельствует, во-первых, способ его создания. «За долг себе поставил выбрать из разных исторических и географических книг краткие, любопытство заслуживающие известия» [13], – пишет Корнильев. Во-вторых, содержание этих «известий», в котором отчетливо выделяются три темы: географически-этнографическая («о Сибири, Камчатке, Америке, азиатских народах»); познавательно-просветительская («о произрастании удивительных в Китае деревьев; о разных родах зверей, рыб, птиц; о знатнейших городах, островах, берегах и о коммерции оных»); развлекательная («увеселительные повести и анекдоты»). Из посвящения также ясно, что содержание это характеризует не только первую часть, но и «последующие», т.е. издание задумывалось как продолжающееся [13].

Мозаичность «Исторического журнала» создается его структурой: текст состоит из 25 пронумерованных фрагментов-«известий», выбранных, как доказано текстологическими изысканиями В.Д. Рака, из различных книг и журналов [8]. Последовательность фрагментов ритмически организована: нечетные тексты взяты из книги И.Э. Фишера «Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием» (1774); четные представляют собой выписки из разных книг и журналов. Ритм нарушается в текстах № 7, 11, 12 и 13, но в целом выдерживается.

Сравнительный анализ «Сибирской истории» И.Э. Фишера и сибирского текста «Исторического журнала» позволяет сделать вывод о том, что Д.В. Корнильев трансформирует книжную форму в мозаичную на

основе, во-первых, отбора фрагментов книги Фишера; во-вторых, выстраивания новых для них сюжетно-смысловых связей. Объемный (631 страница) труд Фишера сложно структурирован: состоит из «Введения о знатнейших в Сибири и на границах ее народах» и пяти книг, каждая из которых, в свою очередь, включает в себя некоторое количество «отделений» (от 4 до 7) и параграфов. Система заглавий (книги и «отделений») служит важным средством раскрытия сюжета книги: Сибирь до и во время российского завоевания от похода Ермака до экспедиции Ерофея Хабарова на Амур и Дальний Восток. И.Э. Фишер пишет об этом: «Греция, Рим, старь и новый свет могут хвалиться героями своими сколько хотят; я не знаю, <...> осмелились бы они с малым числом людей напасть на толь сильных народов, каковы были калмаки, монгалы, манжуры и китайцы и удалось ли бы им покорить через осьмдесят лет не токмо осьмую часть земли, да притом еще неудобнейшую и опаснейшую между всеми частями, где голод и стужа вечное свое имеют жилище, но и утвердить за собою» [14. С. 630–631].

Сибирский текст в «Историческом журнале» не связан с историей завоевания Сибири российским оружием и представляет собой географически-этнографический очерк Сибири, мозаический по характеру. Большая часть текстов в нем (нечетные с № 1 до № 21) взяты из объемного «Введения о знатнейших в Сибири и на границах ее народах» [14. С. 1–106]; два текста (№ 23 и № 25) – из кн. 1 (отд. 1 и 3); один текст (№ 25) – из кн. 3 (отд. 1).

Текст № 1 «О Сибири» (заглавие Д.В. Корнильева) посвящен вопросу о том, что первоначально называли словом «Сибирь» (столицу Кучума Искер) и какие версии происхождения слова существуют. В тексте № 2 «О качестве Сибири» (заглавие Д.В. Корнильева) рассказывается о великих богатствах «студеной страны», в которой «очень хорошо рождаются» не только рожь, овес и ячмень, но и кедровые орехи и лесные вишни; железо и разные руды добывают в великом изобилии, а «мягкой рухляди» соболей больше, чем в любой другой земле на земном шаре [13. С. 4–7]. В следующих семи текстах (№ 5–21) речь идет о разных сибирских народах («О бурятах и телеутах», «О якутах и тунгусах», «О самояди», «О вогуличах», «О остяках», «О татарах», «Известие о старинных татарских князьях в Сибири...»). Все эти тексты построены у Фишера–Корнильева по одной схеме: это истории о происхождении народа, о том, где и как он живет, на каком языке говорит, во что верит, т.е. тексты носят познавательного-просветительского характера. При этом выбор тех или иных фрагментов у Корнильева субъективен: он, например, не берет у Фишера тексты о «монгалах» или «калмаках».

Характер трансформации книги Фишера в сибирскую мозаику Корнильева особенно нагляден в «известиях» № 23 и 25. Текст № 23 взят Корнильевым из параграфа 35 кн. 1 отд. 1 «Описание прежде бывшей крепости Сибири», где речь идет об Искере (Сибири) и о том, что остатки крепости, лежащей на восточном берегу Иртыша, «видны еще доныне». Описанию крепости у Фишера предшествует сообщение о том, что Кучум оставил свою столицу и в нее въехал Ермак, ставший таким образом из разбойника государем трех народов. Корнильев ничего не говорит о Ермаке, у него иная логика: после описания татарских князей (№ 21) идет рассказ о их столице. В этом контексте логично выглядит у Корнильева «известие» № 25 «О разности земли в Сибири по сю и по ту сторону реки Енисея и описание Барабинской степи». Речь идет о том, что Енисей течет посреди Сибири и делит ее на две почти равные части. Выстраивая такую логику, Корнильев размещает в «Историческом журнале» текст сначала из кн. 3, а затем из кн. 1. Разрушая хронологию «Сибирской истории» Фишера, он создает свою географически-этнографическую картину сибирской жизни вне всякой связи с походом Ермака. При этом в сибирском тексте «Исторического журнала» нет финала, точнее, он открыт, и рассказ можно продолжать, по крайней мере до окончания книги Фишера. В целом необходимо подчеркнуть, что Корнильев превращает объемную, линейно и хронологически выстроенную «Сибирскую историю» Фишера в мозаику коротких познавательно-просветительских текстов о Сибири.

Осуществленная нами реконструкция сюжетно-смысловых связей и линейного сюжета в «Историческом журнале» Корнильева, демонстрирующая трансформацию книжной формы Фишера в журнальную, носит относительный характер, ибо все сибирские тексты включены в общую мозаичную структуру издания. Она, как уже было сказано, создается чередованием текстов нечетных, сибирских, и четных, призванных, по замыслу Корнильева (посвящение), быть познавательно-просветительскими и развлекательно-увеселительными. Структурный анализ четных текстов «Исторического журнала» свидетельствует, что замысел Корнильева и его осуществление существенно отличаются друг от друга.

С нашей точки зрения, только два четных текста (№ 7 и 14) могут быть интерпретированы как познавательно-просветительские: первый посвящен «великому множеству» и разнообразию «китайских деревьев, приносящих цветы», второй рассказывает «О китайских деревьях, приносящих чай». Оба фрагмента взяты, как указывает В.Д. Рак, из книги Ж.-Б. Дю Гальда [8. С. 206]. Все остальные четные фрагменты носят нравоучительный характер и, по нашему мнению, представляют тради-

цию назидательного чтения, сочетающего пользу и удовольствие, просвещение и воспитание.

Связи между четными текстами на современном языке можно назвать ризоматическими. Тексты не связаны между собой ни по времени создания или действия, ни по месту действия, ни по сюжетам и героям, ни по авторам и источникам. Объединяет их только одно: в любом случае это увлекательная назидательно-нравоучительная история. Так, действие в тексте № 2, заимствованном, как показано В.Д. Раком, из «Смеющегося Демокрита», происходит в 1579 г. около мыса Доброй Надежды на тонущем испанском корабле, когда брат спасает брата, а Бог за это спасает их обоих. Текст № 4, взятый из журнала «Праздное время, в пользу употребленное», – это история солдата Гамильтонского полка, спасшего своего капрала во время осады города Намура, несмотря на ссору с капралом из-за любовницы. В тексте № 6, перепечатанном из журнала «Детское чтение», рассказана история молодого испанца, убившего во время ссоры некоего мавра и спасенного его отцом, не желающим брать на себя вину за кровь убийцы и вручающего его правосудию Божию. Текст № 8 из «Смеющегося Демокрита» – история императора Карла, решившего под старость уйти в монахи и на собственном опыте убедившегося в истинности идеи о том, что «многие лучше поклоняются восходящему солнцу, нежели заходящему». Текст № 10, вновь из «Смеющегося Демокрита», представляет собой совет одного счастливого итальянца о том, как дожить до 150 лет. Важно подчеркнуть, что история об итальянце (№ 10) никак не связана ни с предшествующей ей историей «О якутах и тунгусах» (№ 9), ни с последующей (№ 11) историей – из древнеримских преданий о Сципионе, открывшем для себя истину о том, что «в его лета труднее быть целомудренным, чем щедрым» [13. С. 30]. То же самое можно сказать о любом другом фрагменте издания Д.В. Корнильева, даже на тех его страницах, где нарушен ритм нечетных и четных фрагментов. Так, история об испанце, убившем мавра (№ 6), никак не связана с историей «О китайских деревьях, приносящих цветы» (№ 7) или с историей императора Карла (№ 8). В целом в «Историческом журнале» смысловые связи между фрагментами сибирского и нравоучительного текстов нами не обнаружены, но именно это и делает издание Д.В. Корнильева целостной структурно-тематической мозаикой познавательно-просветительских и нравоучительных текстов, обращенных к особому типу читателя – читателю эпохи Просвещения. Смысловое единство тексту, созданному множеством авторов, придает именно читатель.

Анализируя национальный книжный репертуар, своеобразие журналов и характер чтения во 2-й половине XVIII в., авторы «Истории книги»

отмечают две важнейших особенности этого периода: мода на образованность и возросший интерес к произведениям писателей-моралистов, нравоучительным сочинениям [15. С. 178]. В этой ситуации возникает первая сибирская типография, и именно ее характер отражают первые тобольские издания [16. С. 121–188].

С нашей точки зрения, значение «Исторического журнала» раскрывается в логике становления тобольских журналов от «Иртыша, превращающегося в Ипокрену» к «Библиотеке ученой». Мозаичная структура и просветительски-нравоучительный характер присущи всем трем изданиям и являются их типологическими чертами, по-разному тем не менее представленными в каждом из них. Так, в «Иртыше», издание которого, как сказано в Предисловии к первому, сентябрьскому, выпуску 1789 г., приняло Тобольское главное народное училище, большое место, в отличие от других журналов, отводилось поэзии. В первом, как и в остальных выпусках «Иртыша», не было характерных для журнала рубрик, но сразу после Предисловия располагалось оглавление. Рубрики как элемент журнальной формы отсутствуют и в «Историческом журнале»; они появятся только в «Библиотеке ученой» и будут называться статьями. Из 13 публикаций первого выпуска «Иртыша» две носили просветительский характер («Каким образом познаем мы расстояния, величины, виды и положения предметов» [17. С. 34–48] и «О различии летоисчисления от сотворения мира до Рождества Христова между восточною и западною церквями и которое из них справедливее», [17. С. 49–59]). Речи преподавателей училища И. Лафинова [17. С. 1–3] и Т. Воскресенского [17. С. 18–23] являются воспитательно-нравоучительными, как это ясно, например, из следующих обращенных к ученикам слов: «потщитесь <...> рачительно пройти преподаваемые вам науки, дабы Россия <...> вознеслась на возможнейшую высоту совершенства» [17. С. 22]. Остальные страницы, если не считать страниц 60–61, на которых напечатаны загадки, фактически посвящены поэзии И. Бахтина и П. Сумарокова. Факт существования «Загадок» позволяет говорить о развлекательном, «увеселительном» начале журнала. За годы существования «Иртыша» концепция журнала и его читательский адрес (образованная публика, так или иначе связанная с училищем) в сущности своей не изменились.

Концепция, рубрики, мозаичная структура и аудитория третьего тобольского журнала внятно обозначены уже в его заглавии «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей». Оглавление в первых выпусках печатается в конце рубрик-статей, но начиная с четвертой части появляется общее оглавление для всего журнала, что делает его

более удобным для читателей, а само его чтение – более быстрым. Просветительно-нравоучительный и развлекательный характер издания, объявленный Д.В. Корнильевым в посвящении А.В. Алябьеву, но не осуществленный в полной мере в «Историческом журнале», в «Библиотеке ученой» проявился в завершенной форме. Просветительский характер носят прежде всего публикации «Ученой» и «Исторической» статей журнала. Так, в первой части издания из этих статей можно было узнать «О кометах», «О воде» или о «Достопамятных деяниях и сказаниях всех знаменитых людей новейшей истории» [18. С. 49–52; 53–58; 167–188]. Последний материал принадлежит к тем, которые печатались в «Библиотеке ученой» с указанием «Продолжение будет в следующей части». Принцип использования таких сквозных материалов совпадает с принципом публикации фрагментов «Сибирской истории» Фишера в «Историческом журнале». «Статья экономическая» была посвящена домоводству, домашнему хозяйству и рассказывала, например, о «Способе сделать зубы белыми», «Способе истреблять клопов» или «Способе помогать от тяжелых родин» [18. С. 61; 83; 100–101]. Тематика этой статьи близка к тематике книги П. Сумарокова «Истинный способ быть здоровым, долговечным и богатым» (1809). «Статьи» «Нравоучительная» и «Увеселительная» не только развлекали, но поучали и развивали, ибо включали, например, «Математические и физические увеселения» или «Утреннее размышление христианина» и «Примеры добродетелей» [18. С. 135–138; 153; 261–267].

Реконструкция замысла и мозаической структуры «Исторического журнала» в контексте становления концепции тобольских журналов не дает оснований для понимания этого издания как сборника познавательных, взятых из «Сибирской истории» Фишера, и разнородных нравоучительных текстов. Сложная и изящная (цифровая) структурно-тематическая мозаика «Исторического журнала» не соответствует структурно-типологическим особенностям сборника, в том числе и сборника XVIII в., в его авторской или жанровой, хронологической, тематической версиях [19. С. 20–30]. Вместе с тем мозаичная структура тобольских журналов, включающих в себя «И то и сио» (название журнала М.Д. Чулкова), типологически родственна структуре других журналов XVIII в., что проявляется уже в их мозаичных заглавиях. Так, первый в России провинциальный (ярославский) журнал «Уединенный пошехонец» печатался с подзаголовком «Ежемесячное сочинение на 1786 год. Содержащее в себе разные известия о достопамятных происшествиях, случившихся в здешней стране издревле и ныне; благотворительные и человеколюбивые деяния, оказанные частными людьми к об-

щественной пользе; разные духовные, философические, нравоучительные, исторические, до нашего отечества и до иных государств относящиеся, также до естественной истории, домоводства и до наук принадлежащие сочинения» [2. С. 57–58]. С 1790 по 1798 г. в Москве, в Университетской типографии, издавался исторический журнал с концептуальным и характерно длинным для XVIII в. мозаичным заглавием: «Словарь исторический, или Сокращенная библиотека, заключающая в себе жития и деяния патриархов, царей, императоров, королей; великих полководцев, министров и градоначальников, богов и героев древнего язычества, пап римских, учителей церковных, философов древних и нынешних веков, историков, стихотворцев, ораторов, богословов, юристов, медиков и прочих; с показанием главнейших их сочинений; ученых женщин, искусных живописцев и прочих художников и вообще всех знатных и главных особ во всех веках и изо всех на свете земель, в котором содержится все любопытства достойнейшее и полезнейшее из священной и светской истории; перевод с французских исторических словарей, с приобщением к оному деяний и жития великих князей и государей всероссийских, и прочих мужеством, подвигом и дарованиями отличившихся ко благоденствию и славе монархов своих и отечества особ» [20. С. 558].

В контексте становления тобольского типа журнала, который просвещал, воспитывал, развлекал и был предназначен для пользы и удовольствия читателя, «Исторический журнал» в его дошедшей до нас первой части предстает как издание, органически включенное в логику этого становления, но, к сожалению, по неизвестным причинам не осуществившее все заложенные в нем возможности.

Своеобразие и значение «Исторического журнала» видится не в том, что это журнал исторический и просветительно-нравоучительно-развлекательный, а в том, что и в его замысле (посвящение), и в его осуществлении (часть 1) доминантой издания является тема Сибири. Колыбельный период сибирского книгопечатания благодаря «Сибирской истории» И.Э. Фишера, превращенной в сибирскую мозаику Д.В. Корнильева, стал для сибиряков первым опытом самопонимания, или, говоря современным языком, осмысления территориальной культурной идентичности.

В современную эпоху сосуществования традиционных, новых и гибридных медиа «Исторический журнал», рожденный в процессе трансформации книжной и журнальной форм и соответствующих им типов чтения, предстает очевидным свидетельством медийных метаморфоз начальной эпохи сибирского книгопечатания.

Список источников

1. Сопиков В.С. Опыт российской библиографии. СПб. : Изд. А.С. Суворина, 1904. Ч. 3. 259 с.
2. Геннади Г.Н. Русские книжные редкости : библиографический список русских редких книг. СПб. : Тип. А. Траншеля, 1872. 154 с.
3. Семенников В.П. Дополнительные материалы для истории провинциальных типографий XVIII и начала XIX века и для библиографии книг, в них напечатанных // Русский библиофил. 1913. № 7. С. 58–83.
4. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М. : ГБЛ, 1964. Т. 2. 516 с.
5. Утков В.Г. Сибирские первопечатники Василий и Дмитрий Корнильевы // Книга. Исследования и материалы. М. : Книга, 1979. Сб. XXXVIII. С. 75–98.
6. Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги. 1790–1917 гг. : в 3 т. / сост. Р.Е. Павлова ; науч. ред. Е.Б. Соболева. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2004. Т. 1. 507 с.
7. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока / отв. ред. В.Н. Волкова. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2000. Т. 1. 316 с.
8. Рак В.Д. Библиографические заметки // XVIII век. СПб. : Наука, 1995. Сб. 19. С. 187–222.
9. Рак В.Д. Корнилев Дмитрий Васильевич // Словарь русских писателей XVIII века. СПб. : Наука, 1999. Вып. 2. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=1161> (дата обращения: 21.02.2021).
10. Корнилев Д. Исторический журнал, или Собрание из разных книг любопытных известий, увеселительных повестей и анекдотов. Тобольск : Тип. В. Корнильева, 1790. Ч. 1. 78 с. URL: <http://pdfview.tonb.ru:8088/Default.aspx?bd=EI&mf=33283> (дата обращения: 07.02.2021).
11. Барбье Ф. Европа Гутенберга. Книга и изобретение западного модерна (XIII–XVI вв.). М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. 496 с.
12. Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека. М. : Гиперборей ; Кучково поле, 2007. 464 с.
13. Корнилев Д. Исторический журнал, или Собрание из разных книг любопытных известий, увеселительных повестей и анекдотов. Тобольск : Тип. В. Корнильева, 1790. Ч. 1. 8, 88 с.
14. Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб. : При Императорской академии наук, 1774. 631 с.
15. История книги / под ред. А.А. Говорова, Т.Г. Куприяновой. М. : Светотон, 2001. 400 с.
16. Дворцова Н.П. Сибирская Иппокрена в век Просвещения // Русская книжная традиция в Сибири : «тобольские инкунабуль». Екатеринбург : Баско, 2014. С. 121–188.
17. Иртыш, превращающийся в Ипокрену. Тобольск : Тип. В. Корнильева, 1789. Сентябрь. 61 с.
18. Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей. Тобольск : Тип. В. Корнильева, 1793. Ч. 1. 268 с.
19. Карайченцева С.А. Книговедение: литературно-художественная и детская книга. Издания по филологии и искусству. М. : МГУИ, 2004. 424 с.

20. Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 гг., библиографически и в хронологическом порядке описанных А.Н. Неустроевым. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1874. 878 с.

References

1. Sopikov, V.S. (1904) *Opyt rossiyskoy bibliografii* [An Attempt of Russian Bibliography]. Vol. 3. St. Petersburg: A.S. Suvorin.

2. Gennadi, G.N. (1872) *Russkie knizhnye redkosti: bibliograficheskiy spisok russkikh redkikh knig* [Russian book rarities: A bibliographic list of Russian rare books]. St. Petersburg: A. Transhel.

3. Semennikov, V.P. (1913) *Dopolnitel'nye materialy dlya istorii provintsial'nykh tipografiy XVIII i nachala XIX veka i dlya bibliografii knig, v nikh napechatannykh* [Additional materials for the history of provincial printing houses of the 18th and early 19th centuries and for the bibliography of books printed in them]. *Russkiy bibliofil*. 7. pp. 58–83.

4. Kondakov, I.P. et al. (eds) (1964) *Svodnyy katalog russkoy knigi grazhdanskoj pechati XVIII veka. 1725–1800* [The joint catalog of the Russian book of the civil press of the 18th century. 1725–1800]. Vol. 2. Moscow: GBL.

5. Utkov, V.G. (1979) *Sibirskie pervopechatniki Vasilij i Dmitriy Kornil'evy* [Siberian printing pioneers Vasily and Dmitry Korniliev]. In: *Kniga. Issledovaniya i materialy* [Book. Research and Materials]. Vol. 38. Moscow: Kniga. pp. 75–98.

6. Soboleva, E.B. (ed.) (2004) *Svodnyy katalog sibirskoy i dal'nevostochnoy knigi. 1790–1917 gg.: v 3 t.* [The joint catalog of Siberian and Far Eastern books. 1790–1917: in 3 vols]. Vol. 1. Novosibirsk: SB RAS.

7. Volkova, V.N. (2000) *Ocherki istorii knizhnoy kul'tury Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Essays on the history of book culture in Siberia and the Far East]. Vol. 1. Novosibirsk: SB RAS.

8. Rak, V.D. (1995) *Bibliograficheskie zametki* [Bibliographic notes]. In: Orlov, A.S. (ed.) *XVIII vek* [The 18th Century]. Vol. 19. St. Petersburg: Nauka. pp. 187–222.

9. Rak, V.D. (1999) *Kornil'ev Dmitriy Vasil'evich* [Korniliev Dmitry Vasilievich]. In: Panchenko, A.M. (ed.) *Slovar' russkikh pisateley XVIII veka* [Dictionary of Russian Writers of the 18th century]. Vol. 2. St. Petersburg: Nauka. [Online] Available from: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=1161> (Accessed: 21st February 2021).

10. Korniliev, D. (1790) *Istoricheskiy zhurnal, ili Sobranie iz raznykh knig lyubopytnykh izvestiy, uveselitel'nykh povestey i anekdotov* [Historical magazine, or Collection from various books of curious news, amusing stories and anecdotes]. Vol. 1. Tobolsk: V. Korniliev. [Online] Available from: <http://pdfview.tonb.ru:8088/Default.aspx?bd=EI&mf=33283> (Accessed: 7th February 2021).

11. Barbier, F. (2018) *Evropa Gutenberga. Kniga i izobretenie zapadnogo moderna (XIII–XVI vv.)* [Europe of Gutenberg. The book and the invention of Western modernity (13th – 16th centuries)]. Moscow: The Gaydar Institute.

12. McLuhan, M. (2007) *Ponimanie Media: vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding the Media: External Human Extensions]. Translated from English. Moscow: Giper-boreya; Kuchkovo pole.

13. Korniliev, D. (1790) *Istoricheskiy zhurnal, ili Sobranie iz raznykh knig lyubopytnykh izvestiy, uveselitel'nykh povestey i anekdotov* [Historical magazine, or Collection

from different books of curious news, amusing stories and anecdotes]. Vol. 1. Tobolsk: V. Korniliev.

14. Fisher, I.E. (1774) *Sibirskaya istoriya s samogo otkrytiya Sibiri do zavoevaniya sey zemli rossiyskim oruzhiem* [Siberian history from the very discovery of Siberia to the conquest of this land by Russian weapons]. St. Petersburg: Pri Imperatorskoy akademii nauk.

15. Govorov, A.A. & Kupriyanov, T.G. (2001) *Istoriya knigi* [History of the Book]. Moscow: Svetoton.

16. Dvortsova, N.P. (2014) *Sibirskaya Ippokrena v vek Prosveshcheniya* [Siberian Hippocrene in the age of Enlightenment]. In: Simakov, S.P. (ed.) *Russkaya knizhnaya traditsiya v Sibiri: "tobol'skie inkunabuly"* [The Russian Book Tradition in Siberia: "Tobolsk Incunabula"]. Ekaterinburg : Basko. pp. 121–188.

17. *Irtysh, prevrashchayushchiysya v Ippokrenu* [The Irtysh turning into Hippocrene]. September, 1789. Tobolsk: V. Korniliev.

18. *Biblioteka uchenaya, ekonomicheskaya, nravouchitel'naya, istoricheskaya i uveselitel'naya v pol'zu i udovol'stviye vsyakogo zvaniya chitateley* [A scientific, economic, moralistic, historical and entertaining library for the benefit and pleasure of every rank of readers]. Vol. 1. Tobolsk: V. Korniliev.

19. Karaychentseva, S.A. (2004) *Knigovedenie: literaturno-khudozhestvennaya i detskaya kniga. Izdaniya po filologii i iskusstvu* [Book Studies: Fiction and Children's book. Books on Philology and Art]. Moscow: MGUP.

20. Neustroev, A.N. (1874) *Istoricheskoe razyskanie o russkikh povremennykh izdaniyakh i sbornikakh za 1703–1802 gg., bibliograficheski i v khronologicheskom poryadke opisannykh A.N. Neustroevym* [Historical research on Russian periodicals and collections for 1703–1802, described bibliographically and chronologically by A.N. Neustroev]. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.

Сведения об авторе:

Дворцова Н.П. – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: n.p.dvorcova@utmn.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.P. Dvortsova, Dr. Sci. (Philology), professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: n.p.dvorcova@utmn.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.02.2021;
одобрена после рецензирования 12.01.2022; принята к публикации 09.03.2023*

*The article was submitted 25.02.2021;
approved after reviewing 12.01.2022; accepted for publication 16.10.2022*

Научная статья

УДК 801.7

doi: 10.17223/23062061/31/7

РЕЙТИНГ КАК ФОРМА МОДЕЛИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ЧТЕНИЯ

Юлия Викторовна Донскова¹, Анна Дмитриевна Курилова²

^{1, 2} *Первый Московский государственный медицинский университет
им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва, Россия*

¹ *mehetabel@mail.ru*

² *akurilova@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается роль рейтингов в формировании круга чтения современного читателя. Проанализировано различие содержания и целей рейтингов продаж и рейтингов-«стимуляторов». Отмечается, что рейтинги продаж выявляют читательские запросы и могут служить средством диагностики предпочтений покупателей книг, в то время как рейтинги-«стимуляторы» активно влияют на выбор той или иной книги аудиторией, формируя вкус к чтению. Сделан вывод о том, что главной общественно значимой ролью рейтингов является моделирование социального пространства чтения.

Ключевые слова: социология литературы, чтение, рейтинг, информационное общество, интернет, социальное пространство чтения

Для цитирования: Донскова Ю.В., Курилова А.Д. Рейтинг как форма моделирования современного пространства чтения // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 31. С. 105–116. doi: 10.17223/23062061/31/7

Original article

RATING AS A FORM OF MODELING THE MODERN READING SPACE

Yuliia V. Donskova¹, Anna D. Kurilova²

^{1, 2} *Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russian Federation*

¹ *mehetabel@mail.ru*

² *akurilova@mail.ru*

Abstract. Reading is a multidimensional phenomenon, being not only a tool for receiving information about the world, but also an instrument of ethical and aesthetic education, a way of spending leisure time. The volume of reading characterizes the personality, indicates erudition, interests, and behavioral features.

In ancient times books were available to the few, and the attitude towards them was serious. In antiquity it was recommended to confine oneself to a few selected authors and re-read them. After the invention of book printing, reading gradually lost its elitist character, the book became the most important source of information. In modern society the spread of the Internet and digital technologies has led to a decline in the popularity of traditional reading. The opportunity to obtain compressed information from the Internet and the feeling of accessibility of any information without the need to comprehend and memorize it change the structure of cognitive processes, tune the brain to assimilate ready-made forms, resulting in a loss of interest in reading and an increase in functional illiteracy. It is all the more important to maintain interest in reading, to form the need for it, to draw attention to the best classical and contemporary works. This is the goal of various ratings that are regularly published in print and online publications. They come in two varieties: sales ratings and stimulant ratings. The former reflect the requests of readers, the latter model these requests. Sales ratings record the emergence of interest in a particular book, which can be caused by various factors, for example, the appearance of a film adaptation or the occurrence of situations in real life similar to those described in the book. Stimulant ratings aim to introduce the reader to the type of serious, focused and complicated reading with the help of modern tools: catchy titles resembling advertising slogans, appeals to prestige, the use of debitive and imperative modality. Stimulant ratings are published in quality press and other responsible media, and their influence on the formation of readers' preferences is undoubtedly great. They perform informative, advertising, educational functions. Introduction to the culture of reading is a socially significant problem. To a certain extent ratings help to solve it. Their role in the modern digital society focusing on the rapid acquisition of compressed information is to form the need for reading, to promote books worthy of attention and to model the reading space.

Keywords: sociology of literature, reading, rating, information society, internet, social space of reading

For citation: Donskova, Yu.V. & Kurilova, A.D. (2023) Rating as a form of modeling the modern reading space. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 31. pp. 105–116. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/31/7

В современном мире чтение представляет собой социально значимый феномен, являясь не только средством получения информации о мире, но и орудием этического и эстетического воспитания, способом проведения досуга.

Чтение как социокультурное явление все чаще становится предметом изучения социологии литературы. Начиная с 60-х гг. XX в. пристальное внимание исследователей направлено, в частности, на «чтение как механизм социализации индивида в рамках определенных институтов и обществ, а стало быть, и альтернативное – по отношению к школьному и

библиотечному – книжное потребление: содержание, поэтика и воздействие комиксов, пропагандистской словесности, “паралитературы”» [1]. Анализ социального содержания популярных литературных текстов помогает понять, какие социальные темы и проблемы оказываются наиболее актуальными для читателей. Социолингвистические исследования направлены на выявление реальных запросов читательской аудитории, определение предпочтений разных групп читателей. Другой аспект исследований связан с изучением форм воздействия чтения на общественные процессы, формирование читательского вкуса.

Взаимосвязи социума и читателя изучаются также в русле рецептивной эстетики. Представители научной школы рецептивной эстетики, сложившейся в Констанце в 60–70-е гг. XX в., исследовали литературные произведения с точки зрения читательского восприятия. Для обозначения широкого круга установок восприятия, включающих мировоззренческие, социально-политические, культурные представления читателей, было введено понятие «горизонта ожидания» (Erwartungshorizont) [2. С. 59]. Изучение феномена чтения с позиций социологии литературы и рецептивной эстетики позволяет получить более полное представление о социальной функции чтения и о важности фактора читательского восприятия.

Мысль о сущности чтения была очень четко сформулирована философом И. Ильиным в эссе «О чтении»: «По чтению можно узнавать и определять человека. Ибо каждый из нас есть то, что он читает; и каждый человек есть то, как он читает; и все мы становимся незаметно тем, что мы вычитываем из прочтенного, – как бы букетом собранных нами в чтении цветов...» [3. С. 149–150].

Чтение может иметь разные цели. Ю.П. Мелентьева в зависимости от цели выделяет такие виды чтения, как семейное, учебное, профессиональное, развлекательное (досуговое), экзистенциальное [4. С. 8]. Каждый вид чтения имеет свои специфические черты.

Роль чтения в познании мира и воспитании личности осознавалась еще в древности, хотя широкий круг чтения не всегда приветствовался. Так, у античных писателей можно найти совет ограничиться ежедневным чтением лишь нескольких избранных авторов. Римский философ Сенека во втором письме к Луцилию так объяснял необходимость избирательного подхода к чтению: «...разве чтение множества писателей и разнообразнейших книг не сродни бродяжничеству и непоседливости? Нужно долго оставаться с тем или другим из великих умов, питая ими душу, если хочешь извлечь нечто такое, что в ней бы осталось. Кто везде – тот нигде. Кто проводит жизнь в странствиях, у тех в итоге гостеприимцев множество, а друзей нет. То же самое непременно будет и

с тем, кто ни с одним из великих умов не освоится, а пробегает все второпях и наспех» [5. С. 6]. Чтение было уделом немногих и ограничивалось знакомством с несколькими признанными авторами.

Риторические руководства, начиная с античности, были ориентированы не только на создание текстов, но и на их восприятие в процессе чтения. Книги советовали читать не менее четырех раз, чтобы хорошо усвоить их содержание. Также существовала традиция делать выписки из книг, которые включались в другие сочинения или составляли отдельные сборники извлечений. Так родилась, в частности, книга французского гуманиста Мишеля Монтеня «Опыты», положившая начало жанру эссе.

С появлением книгопечатания книга становится доступней и превращается в важнейший источник информации. Однако «эпоха Гутенберга» подошла к концу. В работе американского ученого Н. Карра убедительно показано, как Интернет отбирает то, что было дано человечеству Гутенбергом, как информационные технологии изменяют когнитивные процессы. Вызывающее тревогу состояние интеллектуальных занятий в наши дни Н. Карр иллюстрирует словами драматурга Ричарда Формана, сравнившего поверхностные знания современных людей с тонкими блинами, растекающимися по сковородке [6. Р. 196]. Обширная сеть информации, доступная одним касанием клавиши, не дает глубокого образования, заменяя его возможностью быстрого получения нужных данных. Однако при этом не формируются связи между отдельными информационными блоками, не активизируется мышление.

В последнее время исследователи отмечают «наступление системного кризиса чтения» [7. С. 24] и рост функциональной неграмотности – отсутствия потребности в чтении и неумения понять прочитанное. Сокращение массового чтения наряду с другими негативными факторами, как подчеркивает Л.Д. Гудков, ведет к «растущей унификации общественного сознания, стерилизации процессов социально-структурной дифференциации и усложнения общественной жизни» [8. С. 21–22]. Тем важнее поддерживать интерес к чтению, формировать потребность в нем, привлекать внимание к лучшим классическим и современным произведениям.

На это нацелены, в частности, разнообразные рейтинги и списки, из которых можно узнать о содержании чтения современного человека. Кроме того, рейтинги на данный момент становятся одним из способов поддержки чтения, особенно серьезного и вдумчивого. Книжные рейтинги, позволяющие не только представить, но и формировать характер и содержание читательских запросов, служат одним из важнейших

средств определения роли чтения в функционировании современного общества.

Прообразы рейтингов появляются в виде описания круга чтения персонажей на страницах произведений как отечественной («Рыцарь нашего времени» Н.М. Карамзина, «Евгений Онегин» А.С. Пушкина, «Обрыв» И.А. Гончарова, стихи и проза М.И. Цветаевой), так и зарубежной классической литературы («Крошка Цахес» Э.Т.А. Гофмана, «Мадам Бовари» Г. Флобера, «Наоборот» Ж.-К. Гюисманса, «Портрет Дориана Грея» О. Уайлда). Подбор литературы зависел от интеллектуальных запросов и особенностей культурной среды, в которой вращались герои. Круг чтения обуславливал характер, социальную сферу, был источником моделей поведения.

Произведения авторов-постмодернистов переполнены именами писателей, поэтов, названиями произведений, что превращает книгу в мини-атюрную библиотеку. Однако это не всегда мотивирует читателя к разгадке и пониманию имен, к полноценному созданию гипертекстового пространства путем включения в орбиту своего чтения перечисленного, скажем, в произведениях Х.Л. Борхеса, Дж. Фаулза, У. Эко, Дж. Барнса, П. Акройда.

Современные рейтинги определяют круг чтения в двух направлениях: рейтинги продаж, фиксирующие успешность маркетинговой кампании и реальные вкусы читателя, и рейтинги-«стимуляторы», предлагающие желаемый интеллектуальный круг чтения и зачастую включающие в себя классическую литературу всех времен и народов. В то же время очевидно, что содержание и цели первого и второго типа рейтингов явно идут вразрез друг с другом.

Рейтинг продаж впервые был опубликован в 1895 г. в американском журнале “Bookmen”, и с тех пор списки бестселлеров издаются регулярно. Данный тип рейтинга демонстрирует спектр жизненных мотиваций, развиваемых посредством чтения, и трансформируется в соответствии с читательским запросом: художественную литературу интересуют больше, чем когда бы то ни было, современность, социальные проблемы, межличностные отношения. Об этом говорит проблематика произведений: крах традиционного семейного уклада, человек в мире вещей, жизнь в мультикультурном социуме. В западных рейтингах художественную литературу активно теснят книги практического содержания: о том, как вести себя в обществе, как справиться со стрессами и т.д. Рейтинги продаж фиксируют появление интереса к той или иной книге, которое может быть вызвано разными факторами, например появлением экранизации или возникновением ситуаций в реальной жизни, анало-

гичных описываемым в книге. Так, эпидемия 2020 г. усилила интерес к таким книгам, как «Чума» А. Камю или «Декамерон» Дж. Боккаччо. Списки бестселлеров апеллируют к авторитету общественного мнения и в значительной степени способствуют увеличению продаж.

В России списки бестселлеров публикуют крупные издательства и книжные магазины. Например, издательская группа «Эксмо» составила рейтинг «Лучшие 10 книг в категории “Книги, ставшие бестселлерами в XXI веке”», куда вошли и художественные, и научно-популярные издания [9]. В конце 2020 г. Российский книжный союз опубликовал пилотную версию первого Всероссийского книжного рейтинга. По данным продаж за период с 1 ноября 2019 г. по 30 ноября 2020 г., первые места заняли книги Д. Синсеро и М. Лабковского из области популярной психологии, а также бестселлер израильского популяризатора науки Ю.Н. Харари «Сапиенс». Половину позиций рейтинга занимает научно-популярная литература, 38% – художественная и 12% – детская. Из художественных произведений в первую двадцатку вошли только три: «Непобедимое солнце» Виктора Пелевина, «Зулейха открывает глаза» Гузель Яхиной и «Просто Маса» Бориса Акунина [10]. Рейтинг продаж наглядно демонстрирует ценностные ориентации читателей. Согласно его данным, российский читатель больше всего интересуется популярной психологией и антропологией, а художественная литература не входит в круг его предпочтений.

Рейтинги второго типа выполняют не только информативную, рекламную, но и воспитательную функцию. Процесс формирования таких списков гораздо сложнее: чаще всего говорится о голосовании читателей и экспертов, рекомендациях известных библиотек, газет, журналов, институтов, издательств. Рейтинги-«стимуляторы» обнародуются в весьма солидных и уважаемых западных СМИ, среди которых газеты “The Times”, “The Telegraph”, журнал “Newsweek”, телекомпания BBC.

На первое место составители рейтинга журнала “Newsweek” (Newsweek’s Top 100 Books: The Meta-List) поставили роман Л.Н. Толстого «Война и мир», следом за ним идет роман-антиутопия «1984» Дж. Оруэлла. Третье место отдано «Улисс» Джеймса Джойса – книге, которая относится к категории «трудного» чтения во всех смыслах [11]. В связи с этим вспомним наблюдение ученых о том, что вследствие распространения Интернета читатели становятся неспособными воспринимать длинные тексты (может быть, такие рейтинги – это контрмера?).

Вместе с тем очевидно желание составителей приобщить читателя к типу серьезного, сосредоточенного и трудного чтения с помощью современного инструментария. Названия рейтингов чаще всего имеют

броский характер и напоминают рекламные слоганы, чтобы создать посыл к чтению: «100 романов, которые должен прочитать каждый» (100 Novels Everyone Should Read), «50 лучших культовых книг» (50 Best Cult Books), «110 лучших книг: идеальная библиотека» (110 Best Books: The Perfect Library), «65 гениальных книг, которые надо прочесть». Заглавие сборника эссе, представляющего описание художественных произведений, «1001 книга, которую вы должны прочитать перед тем, как умрете» (1001 Books You Must Read Before You Die) Питера Боксэлла (Peter Voxall) со вступительной статьей Питера Акройда [12], вызвало массу критических отзывов. Применение дебитивной модальности (модальности долженствования) многими воспринимается как очевидная уловка, однако достигает цели.

Рейтинги часто снабжаются «стимулирующими» пояснениями. Например, британские журналисты из Daily Telegraph составили список из 110 книг, которые необходимо прочитать каждому уважающему себя джентльмену (или леди), «дабы прослыть человеком образованным и способным вести светскую беседу с королевой» [13]. Чтение, освоение классической литературы подается как престижное занятие, сулит возможность приобщения к более высокому слою, придает определенный социальный статус.

Таким образом, рейтинг является одним из инструментов управления читательским опытом, заменяя библиотекарей и учителей в их роли формирования вкуса читателя. Прочитав рейтинг, пользователи сети Интернет тут же начинают активно комментировать его содержание, а также указывают количество прочитанных из него книг. В некоторых случаях книгу из списка тут же можно заказать в интернет-магазине.

Свои рейтинги оставляют и популярные книжные социальные сети, которые в последнее время стали заметным инструментом влияния на читателей. На важность использования социальных сетей для развития книгоиздания и расширения читательской аудитории обращает внимание, в частности, С.А. Водолазская, подчеркивая, что «увеличение доверия и внимания к социальным медиа связано с их апеллированием к чувству принадлежности к сообществу, которое своими рекомендациями создает ощущение самостоятельности в принятии решений» [14. С. 111].

Только публикуемыми в СМИ рейтингами дело не ограничивается. Интересным вариантом является форма художественного рейтинга-комментария. Кроме упоминаемой ранее книги П. Боксэлла следует отметить сборник эссе Фредерика Бегбедера “*Dernier inventaire avant liquidation*”, получивший в русском переводе название «Лучшие книги XX в. Последняя опись перед распродажей». В предисловии к сборнику

французский писатель обозначает одну из проблем, переживаемую классической литературой на данном этапе: не мешает ли литературе (книге) в современную эпоху с ее деконструктивизмом и разрушением всяких традиций, развенчанием идеалов и отказом от правил ее канонизация, возвеличивание отдельных периодов, авторов, произведений? Ведь вслед за этим получаем обратный процесс – отторжение.

«Самое страшное преступление в моих глазах, – пишет Ф. Бегбедер, – это когда ее (литературу. – Ю.Д., А.К.) возводят на почетный (иначе говоря, покрытый пылью веков) пьедестал, ибо сегодня книге больше чем когда-либо грозит смертельная опасность. Мне кажется, следовало бы воспользоваться 2001 годом как удобным поводом, чтобы вновь проанализировать (но только, Боже упаси, не канонизировать!) “пятьдесят лучших книг века”. Все книги из нашего топ-списка мы “проходили” в школе, то есть изучали из-под палки, без особого желания и удовольствия; не пора ли теперь взглянуть на них так, как они того заслуживают, а именно: как на живые свидетельства перемен и катаклизмов, сформировавших нашу эпоху?» [15. С. 7].

Вероятно, поэтому стиль изложения Ф. Бегбедер выбирает предельно простой и ясный: эссе представляют собой симбиоз краткого изложения, рекламного текста, элементов критического анализа, плавно переходящих в сарказм, и сопровождаются неизменным риторическим вопросом относительно той или иной книги: «А почему не я № ...?».

Такую же стратегию популяризации классики и нового взгляда на книги предлагает газета “The Telegraph”. Так, в рейтинге «110 лучших книг: идеальная библиотека» (110 Best Books: The Perfect Library) первые номера в списке – «Илиада» и «Одиссея» Гомера – представлены как некий экшн, вдохновивший не только Дж. Джойса, но и режиссерский дуэт братьев Коэнов: “Set during the Trojan War, The Iliad combines battle scenes with a debate about heroism; Odysseus' thwarted attempts to return to Ithaca when the war ends form The Odyssey. Its symbolic evocation of human life as an epic journey homewards has inspired everything from James Joyce's Ulysses to the Coen brothers' film, O Brother Where Are Thou?” («“Илиада” повествует о Троянской войне, соединяя батальные сцены со спорами о героизме; срывающиеся попытки Одиссея вернуться на Итаку после окончания войны образуют “Одиссею”. Символическое представление о человеческой жизни как об эпическом возвращении домой вдохновило создателей многих произведений, начиная с “Улисса” Джеймса Джойса до фильма братьев Коэнов “О, где же ты, брат?”) [16]. Роман Г. Флобера «Мадам Бовари», по мнению британского издания, показывает, к чему приводит скучающую провинциальную женщину

страсть к покупкам и стремление к любовным романчикам; как оказывается, ни к чему хорошему: “Flaubert’s finely crafted novel tells the story of Emma, a bored provincial wife who comforts herself with shopping and affairs. It doesn’t end well” [16].

В России рейтинги-«стимуляторы» также публикуют многие издания. Рейтинг «100 романов по версии редакции “НГ – Ex libris”», в который включены романы, которые «потрясли литературный мир и оказали влияние на всю культуру» [17], составлен по хронологическому принципу. Поэтому первые два места отданы романам «Гаргантюа и Пантагрюэль» Франсуа Рабле и «Дон Кихот» Сервантеса. Отобранные сто книг не ранжированы между собой.

Таким образом, рейтинги изо всех сил стремятся сохранить заданный канон «классика – это хорошо». Рейтинг-«стимулятор» пытается говорить языком продаваемых современных книг, чтобы вернуть читателя к книгам классическим.

Приобщение к культуре чтения – социально значимая задача, решить которую в определенной степени помогают и рейтинги. Их роль в современном цифровом обществе, особенностью которого является ориентация на быстрое получение сжатой информации, состоит в формировании потребности в чтении, продвижении стоящих внимания книг и моделировании пространства чтения.

Список источников

1. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Страда В. Литература и общество: введение в социологию литературы. М. : РГГУ, 1998. 80 с. URL: <http://www.iek.edu.ru/publish/slcont.htm> (дата обращения: 16.05.2021).
2. Яусс Х.Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995. № 6. С. 34–84.
3. Ильин И.А. Книга раздумий. М. : Терра – Книжный клуб, 2007. 525 с.
4. Мелентьева Ю.П. Многослойность чтения // Кризис чтения: энергия преодоления : сб. науч.-практ. материалов. М. : МЦБС, 2013. С. 8–23.
5. Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию. М. : Наука, 1977. 383 с.
6. Carr N. The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains. New York : W.W. Norton, 2010. 276 p.
7. Воронцов А.В. Чтение как социальная проблема // Universum: Вестник Герценовского университета. 2009. № 11. С. 24–33.
8. Гудков Л.Д. «Интеллигенция»: ушедшее понятие и его последствия. URL: https://cdclv.unlv.edu/archives/articles/gudkov_intelligentsia_rus.pdf (дата обращения: 14.05.2021).
9. Книги, ставшие бестселлерами в XXI веке. URL: <https://eksmo.ru/podborka-knigi-stavshie-bestsellerami-v-21-veke> (дата обращения: 27.02.2021).

10. Бестселлер Джен Синсеро возглавил первый Всероссийский книжный рейтинг // ТАСС. 2020. 25 дек. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10353657> (дата обращения: 27.02.2021).

11. Newsweek's Top 100 Books: The Meta-List. URL: <https://www.listchallenges.com/newsweeks-top-100-books-the-meta-list> (accessed: 24.02.2021).

12. The 1001 Books to Read Before You Die. URL: <https://thelitedit.com/the-1001-books-to-read-before-you-die> (accessed: 24.02.2021).

13. 110 книг образованного человека по версии “Daily Telegraph”. URL: <https://www.livelib.ru/selection/1091-110-knig-obrazovannogo-cheloveka-po-versii-daily-telegraph> (дата обращения: 26.02.2021).

14. Водолазская С.А. Социальные медиа как инновационный способ коммуникации для развития издательской отрасли // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология. Журналистика. 2014. № 2. С. 111–114.

15. Бергедер Ф. Лучшие книги XX века. Последняя опись перед распродажей. М. : Флюид / FreeFly, 2006. 192 с.

16. 110 Best Books: The Perfect Library by The Telegraph. URL: <https://www.telegraph.co.uk/culture/books/3672376/110-best-books-The-perfect-library.html> (accessed: 26.02.2021).

17. 100 романов по версии редакции «НГ – Ex Libris». URL: https://www.100best-books.ru/show_rating.php?id=6 (дата обращения: 27.02.2021).

References

1. Gudkov, L.D., Dubin, B.V. & Strada, V. (1998) *Literatura i obshchestvo: vvedenie v sotsiologiyu literatury* [Literature and Society: An Introduction to the Sociology of Literature]. Moscow: RSUH. [Online] Available from: <http://www.iek.edu.ru/publish/slcont.htm> (Accessed: 16th May 2021).

2. Jauß, H.R. (1995) *Istoriya literatury kak provokatsiya literaturovedeniya* [History of Literature as a Provocation of Literary Studies]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 6. pp. 34–84.

3. Ilin, I.A. (2007) *Kniga razdumiy* [The Book of Thoughts]. Moscow: Terra – Knizhnyy klub.

4. Melentieva, Yu.P. (2013) *Mnogosloynost' chteniya* [Multi-layered reading]. In: Askarova, V.Ya. (ed.) *Krizis chteniya: energiya preodoleniya* [Crisis of Reading: The Energy of Overcoming]. Moscow: MTsBS. pp. 8–23.

5. Seneca Lucius Annaeus. (1977) *Nravstvennye pis'ma k Lutsiliyu* [Moral letters to Lucilius]. Translated from Latin by S. Osherov. Moscow: Nauka.

6. Carr, N. (2010) *The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains*. New York: W.W. Norton.

7. Vorontsov, A.V. (2009) *Chtenie kak sotsial'naya problema* [Reading as a social problem]. *Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta – UNIVERSUM: Bulletin of the Herzen University*. 11. pp. 24–33.

8. Gudkov, L.D. (n.d.) “*Intelligentsiya*”: *ushedshee ponyatie i ego posledstviya* [“Intelligentsia”: A bygone concept and its consequences]. [Online] Available from: https://cdclv.unlv.edu/archives/articles/gudkov_intelligentsia_rus.pdf (Accessed: 14th May 2021).

9. Eksmo.ru. (n.d.) *Knigi, stavnshie bestsellerami v XXI veke* [Books that have become bestsellers in the 21st century]. [Online] Available from: <https://eksmo.ru/podborka-knigi-stavnshie-bestsellerami-v-21-veke> (Accessed: 27th February 2021).

10. TASS. (2020) *Bestseller Dzen Sincero vozglavil pervyy Vserossiyskiy knizhnyy reyting* [Bestseller Jen Sincero topped the first All-Russian book rating]. 25th December. [Online] Available from: <https://tass.ru/obschestvo/10353657> (Accessed: 27th February 2021).

11. Listchal-lenges.com. (n.d.) *Newsweek's Top 100 Books: The Meta-List*. [Online] Available from: <https://www.listchal-lenges.com/newsweeks-top-100-books-the-meta-list> (Accessed: 24th February 2021).

12. Thelitedit.com. (n.d.) *The 1001 Books to Read Before You Die*. [Online] Available from: <https://thelitedit.com/the-1001-books-to-read-before-you-die> (Accessed: 24th February 2021).

13. Livelib.ru. (n.d.) *110 knig obrazovannogo cheloveka po versii "Daily Telegraph"* [110 books of an educated person according to the Daily Telegraph]. [Online] Available from: <https://www.livelib.ru/selection/1091-110-knig-obrazovannogo-cheloveka-po-versii-daily-telegraph> (Accessed: 26th February 2021).

14. Vodolazskaya, S.A. (2014) *Sotsial'nye media kak innovatsionnyy sposob kommunikatsii dlya razvitiya izdatel'skoy otrasli* [Social media as an innovative way of communication for the development of the publishing industry]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya. Zhurnalistika*. 2. pp. 111–114.

15. Begbeder, F. (2006) *Luchshie knigi XX veka. Poslednyaya opis' pered rasprodazhey* [Best books of the 20th century. Last inventory before sale]. Moscow: Flyuid / FreeFly.

16. *The Telegraph*. (n.d.) *110 Best Books: The Perfect Library by The Telegraph*. [Online] Available from: <https://www.telegraph.co.uk/culture/books/3672376/110-best-books-The-perfect-library.html> (Accessed: 26th February 2021).

17. NG – Ex Libris. (2008) *100 romanov po versii redaktsii "NG – Ex Libris"* [100 novels according to the editors of "NG – Ex Libris"]. [Online] Available from: https://www.100best-books.ru/show_rating.php?id=6 (Accessed: 27th February 2021).

Информация об авторах:

Донскова Ю.В. – кандидат филологических наук, доцент Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский университет) (Москва, Россия). E-mail: mehetabel@mail.ru

Курилова А.Д. – кандидат филологических наук, доцент Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский университет) (Москва, Россия). E-mail: akurilova@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Yu.V. Donskova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov First Moscow State Medical University (Moscow, Russian Federation). E-mail: mehetabel@mail.ru

A.D. Kurilova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov First Moscow State Medical University (Moscow, Russian Federation). E-mail: akurilova@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.05.2021;
одобрена после рецензирования 08.04.2022; принята к публикации 09.03.2023*

*The article was submitted 19.05.2021;
approved after reviewing 08.04.2022; accepted for publication 09.03.2023*

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

Научная статья

УДК 655.4

doi: 10.17223/23062061/31/8

СОВЕТСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА В ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ: ОБЗОР КНИЖНОЙ СЕРИИ «ИМПЕРИАЛИЗМ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ. ДОКУМЕНТЫ»

Таисия Владимировна Рабуш¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Россия, taisarabush@mail.ru

Аннотация. Рассматривается книжная серия «Империализм. События. Факты. Документы», издаваемая в СССР с конца 1970-х и вплоть до начала 1990-х гг., – изучается как вся серия в целом, так и ее отдельные книги. Автор выделяет в серии два ведущих направления: книги, посвященные внешней политике капиталистической системы в целом и некоторых капиталистических государств, и книги, рассматривающие их внутреннюю политику. По мнению автора, эта серия, изначально задумывавшаяся как один из пропагандистских инструментов политики Советского Союза, в настоящее время представляет интерес и как яркая иллюстрация своей эпохи, и как достойный внимания исторический источник.

Ключевые слова: история СССР, СССР в 1980-е гг., холодная война, книга как документ эпохи, советские историки, публицистика в СССР

Для цитирования: Рабуш Т.В. Советская публицистика в холодной войне: обзор книжной серии «Империализм. События. Факты. Документы» // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 31. С. 117–133. doi: 10.17223/23062061/31/8

BOOK PUBLISHING

Original article

SOVIET OPINION JOURNALISM IN THE COLD WAR: “IMPERIALISM. EVENTS. FACTS. DOCUMENTS” BOOK SERIES OVERVIEW

Taisiya V. Rabush¹

¹ Saint Petersburg State University Industrial Technology and Design, Saint Petersburg, Russian Federation, taisarabush@mail.ru

Abstract. During the Cold War, the rivalry between the superpowers and between the opposing military-political blocs developed not only in the economic, political or arms sphere, but not least in the sphere of ideas. There, not only periodicals, but also books often were instruments of propaganda. In this article, the author considers the book series “Imperialism. Developments. Facts. Documents”, which was published in the USSR in the last 10–15 years of its existence. This study is the first approach to this vast issue, and the article may provide a basis for further research in this direction. The main source for writing this article were books from the above series – the references are the ninety titles of these books. At the beginning of the article, the author describes the distinctive features of this series: they were published in the largest publishing houses of the USSR, often written by authoritative Soviet scholars, in some cases reprinted; they contain links to documents and foreign monographs, etc. Then the author proceeds to a more detailed examination of the series. First of all, she divided it into two parts: (1) books dedicated to the examination of domestic policies in the states of the capitalist world and (2) books that study the foreign policy of these same countries. The author consistently examines both parts. Within each of them, in turn, she distinguishes books on some particularly narrow topics: for example, among the books on the internal policy of capitalist countries, there are works on unemployment, books about the media and their role in the life of foreign capitalist countries, publications specifically about the domestic policy of the United States, about the crisis of the family, about health care problems, etc. By the same principle, among the books in the series on foreign policy there are cycles of works or individual works on a narrower subject – for example, on the role of foreign radio broadcasting in foreign policy, on US military doctrines, on certain international events of recent decades (the war in Lebanon 1982, the Chilean events of 1973, etc.). The author definitely could not subject each book in the series to a detailed analysis, but she seeks to describe the main directions in which these books are written. The general conclusion is as follows: the “Imperialism. Developments. Facts. Documents” book series is a kind of a monument and “mirror” of the era, a unique printed phenomenon of the last decade of the existence of the Soviet Union.

Keywords: history of USSR, USSR in 1980s, Cold War, book as document of era, Soviet historians, journalism in USSR

For citation: Rabush, T.V. (2023) Soviet opinion journalism in the Cold War: “Imperialism. Events. Facts. Documents” book series overview. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 31. pp. 117–133. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/31/8

Холодная война, длившаяся без малого всю вторую половину XX в., характеризовалась не только военным или политическим противостоянием двух систем (системы капитализма во главе с США и системы социализма во главе с СССР), но и противостоянием идей. В идеологической сфере орудием борьбы становились фильмы, радиопередачи, средства наглядной агитации, пресса. И обычная бумажная книга тоже не стала исключением.

С 1978 по 1990 г. включительно – в последнее десятилетие и холодной войны, и существования СССР – в Советском Союзе издавалась научно-популярная и публицистическая книжная серия «Империализм. События. Факты. Документы». Основной задачей серии была демонстрация советским гражданам (на которых, собственно, эта серия и была рассчитана) на конкретных примерах различных неприглядных сторон внешней и внутренней политики правительств капиталистических стран и жизни в капиталистическом мире. Эта очень интересная серия, которую без преувеличения можно назвать «зеркалом эпохи», имеет ряд особенностей:

– книги серии публиковались разными издательствами, но практически всегда это были крупнейшие и самые авторитетные издательства Советского Союза в своей сфере: например, в «Воениздат» – «Неоколониализм в военном мундире» [1], «Опасность: милитаризм в политике, экономике и идеологии США» [2] и др.; в издательстве «Международные отношения» опубликованы «Деньги и политика: воздействие крупного капитала на политическую жизнь в капиталистических странах» [3], «Миф о “советской военной угрозе” в стратегии империализма» [4], «США: поход против подлинных прав человека» [5] и др.; «Педагогика» – «Бизнес на мечте» [6] или «Пасынки “свободного мира”» [7] и т.д.; в издательстве «Искусство» – «Роботы и самураи: радио и телевидение в современной Японии» [8] или «США на пороге 80-х: Голливуд и политика» [9], «Голливуд без маски» [10]; «Мысль» – например, «Шпионаж особого рода» [11] или «За фасадом “всеобщего благоденствия”» [12]; «Политиздат» – «Море бесправия – Америка: капитализм США и дискриминация личности» [13] или «Современный расизм как он есть» [14]; издательство «Юридическая литература» – «США: кризис политической власти» [15]; издательство МГУ – «Американские “евроракеты”: военная угроза и политический шантаж» [16] и прочие известные республиканские издательства СССР, ключевые в своей отрасли знаний;

– несмотря на то, что тексты книг были научно-популярного или публицистического характера, их авторами нередко выступали известные советские ученые и общественные деятели (например, «Миллиарды на оружие» [17] – автор доктор экономических наук Г.Н. Цаголов; «США: кризис политической власти» [15] – автор доктор исторических наук, крупный отечественный американист А.А. Кокошин; «От Эйзенхауэра к Никсону: из истории Республиканской партии США» [18] и «Республиканцы: от Никсона к Рейгану» [19] – автор историк и американист В.А. Никонов, специалист по деятельности Республиканской партии США; «Преступление без наказания: что произошло в Ливане» [20] – автор известный советский журналист-международник Ю.К. Тысовский и др.);

– некоторые книги этой серии выдержали два и даже больше переизданий (в советский период): например, «За пределами законности» И.Н. Арцибасова [21], «Бизнес на правах человека» и «Многоликая безработица» В.В. Большакова [22, 23], «Кризис общества – кризис искусства» Т.В. Чередниченко [24], «Тайная полиция США: ФБР: прошлое и настоящее» П.В. Костина [25], «Капитализм и экологический кризис» Б.Б. Горизонтова [26] и некоторые другие книги серии;

– эти издания даже сейчас можно применять как исторический источник, потому что в их библиографии присутствуют ссылки на иностранные документы, монографии зарубежных авторов и статьи из крупнейших зарубежных и отечественных газет и журналов;

– большинство книг серии обильно снабжено наглядным материалом – схемами, таблицами, фотографиями, графиками и т.д., что делает чтение особенно увлекательным и познавательным;

– у многих работ яркие, запоминающиеся заголовки, что с полным основанием дает право отнести их не только к историческим источникам, но и к острой злободневной публицистике, имеющей одной из своих целей – пропагандистскую.

Перейдем к рассмотрению собственно книг серии, анализ которых и является основным предметом данной статьи. Насколько известно автору, в отечественной и зарубежной науке еще не было попыток осуществить комплексный анализ указанной книжной серии, и поэтому наше исследование является в определенном роде новаторским. Статья сконцентрирована на общем обзоре интересующей нас серии, который можно использовать как базу для последующих более глубоких исследований серии «Империализм. События. Факты. Документы».

Все книги, о чем кратко упоминалось выше, можно разделить на две большие группы: издания, посвященные внутренней политике капиталистических государств и посвященные их внешней политике. Начнем

рассмотрение с первой группы. При этом сделаем существенную оговорку: конечно же, невозможно рассмотреть все книги данной серии – их было издано больше сотни, поэтому объектом исследования станут только самые характерные представители серии. Но тем не менее большинство книг из данной серии все же упомянуты и хотя бы вкратце рассмотрены в статье.

В книгах серии «Империализм. События. Факты. Документы» о внутренней политике капиталистических государств тоже можно выделить отдельные подразделы. Так, проблему незащищенности труда и эксплуатации трудящихся в капиталистических государствах рассматривают многочисленные работы, чаще всего посвященные проблемам безработицы и социальной незащищенности работающего человека – «Многоликая безработица» [23], «Стареющий рабочий в тисках эксплуатации» [27], «Монополии и рабочий класс: миф о социальном мире и действительность» [28], «Изогранный механизм эксплуатации» [29], «Бедствие миллионов: Безработица в мире капитала» [30], «Право на социальную необеспеченность» [31], «За счастьем на чужбину: трудящиеся-иммигранты» [32] и «Люди “второго сорта” в мире капитала: Их судьбы и борьба» [33] (две последние – о трудовых мигрантах); внутреннюю экономическую политику и экономическую ситуацию в капиталистических государствах – книги «За фасадом власти – монополии» [34], «Под бременем инфляции» [35], «Деньги и политика: воздействие крупного капитала на политическую жизнь в капиталистических странах» [3]. С проблемой труда неразрывно связаны проблемы здравоохранения и организации медицинской помощи, и их авторы изданий из интересующей нас серии тоже не обходят вниманием в книгах «Хронический кризис здравоохранения в США» [36], «Капитализм – расхититель здоровья трудящихся» [37] и «Кризисные явления в медицине капиталистических стран» [38].

Нередко неравенство экономическое и неравенство правовое взаимосвязаны, и вопросу последнего в капиталистическом мире посвящен ряд книг серии – например, «Буржуазная юстиция: с кем и против кого» [39] или «Иллюзии равноправия : (правовое неравенство в мире капитала)» [40]. А вот о духовных сложностях членов западного общества можно прочесть, например, в работе «Общество потребления: мифы и реальность» [41].

Не обойдена вниманием и проблема кризиса семьи, а также «женский вопрос» – в изданиях «Американская женщина вчера и сегодня: иллюзии на продажу» и «Кризис американской семьи» О.Г. Кирьяновой [42, 43]. Многочисленные книги серии посвящены внутренней политике

США, что вполне соответствует реалиям того времени, поскольку США были основным соперником СССР и стран социалистической системы в целом в годы холодной войны, – «В тисках духовного гнета. Что популяризируют средства массовой информации США» [44], «Ростом с гору Вашингтон» [45], «США: кризис законодательной власти» [46] и «США: кризис политической власти» [15], «Море бесправия – Америка: капитализм США и дискриминация личности» [13] и др.

О проблемах детей в «мире капитала» в книгах «Жертвы жестокости – дети» [47] и «Пасынки “свободного мира”» [7] пишут А.Н. Ефремов и О.Н. Бондаренко; а роль церкви как социального института в капиталистических странах рассматривается в труде «Клерикализм – идеология духовного насилия» [48], где раскрывается в том числе и роль института церкви в образовательных системах разных зарубежных стран. О роли полицейских органов в буржуазных странах – работы «Полиция “свободного” общества» [49], «Досье репрессий» [50], а в книге «Тайная полиция США: ФБР: прошлое и настоящее» [25] предпринята попытка раскрыть роль и функции ФБР (Федерального бюро расследований), одной из самых засекреченных силовых организаций США.

Отдельное издание «Изгнанники: судьбы книг в мире капитала» [51] посвящено вопросу преследования «неудобных» правящим кругам капиталистических государств книг, а «Наука и техника против человека» [52] рассказывает о использовании достижений науки и техники против населения. Вопрос же противоречий между научно-техническим прогрессом и охраной природы, «решаемый», по мнению ее автора, в капиталистических странах не в пользу последней, рассматривает уже упомянутая выше книга «Капитализм и экологический кризис» [26].

Немалое количество книг серии – пожалуй, около половины – посвящено внешней политике капиталистических государств (преимущественно, конечно, США и стран Западной Европы). Например, о военной политике блока НАТО можно прочесть в книге «Куда тянутся щупальца НАТО» [53]. «Антикоммунизм против освободившихся стран» [54], «Белая книга “холодной войны”» [55], «Неоколониализм в военном мундире» [1] и «Тихая оккупация» [56] рассказывают о политике западных стран в отношении развивающихся государств Азии, Африки и Латинской Америки; а «Война без перемирия: формы и методы экономической агрессии» [57] и «Ограбление под маской партнерства» [58] посвящены формам и методам постколониального экономического проникновения капиталистических держав в страны «третьего мира». В книгах «Солдаты на продажу: наемники сегодня» [59] и «Черные легионы» [60] рассмотрен вопрос наемничества как отдельного феномена,

активно проявляющегося в локальных вооруженных конфликтах в разных частях мира. Авторы этих книг осуждают практику наемничества и подчеркивают тот факт, что оно существует прежде всего вследствие определенной политической линии, реализуемой в некоторых капиталистических государствах. О торговле оружием, осуществляемой капиталистическими странами во всем мире, особенно в развивающихся государствах, и ее последствиях можно прочесть в работе Г.Н. Цаголова «Миллиарды на оружие» [17].

Есть и издания, рассматривающие милитаризм как особое социально-политическое явление в современном мире (современном, конечно же, авторам этих книг), – это «Милитаризм: политические проявления и социально-экономические последствия» [61] и «Опасность: милитаризм в политике, экономике и идеологии США» [2] про милитаризм и его проявления конкретно во внешней и внутренней политике Соединенных Штатов.

Ряд книг серии посвящен непосредственно внешней политике США – как общей линии, так и ее отдельным направлениям, в том числе региональным, – и так же, как и в случае с изданиями рассматриваемой серии по внутренней политике, среди которых по указанным выше причинам¹ немалая часть описывает конкретно внутреннюю политику США. Это «США: силовая дипломатия в Азии» [62], «Американские “евроракеты”: военная угроза и политический шантаж»² [16], «Силовая “дипломатия” Вашингтона» и «”Ястребы” не унимаются...» авторства А.А. Кокорева [63, 64], «ЦРУ против Индии. Заговор американского империализма» [65], «Тайная война империализма США в Латинской Америке» [66], «Персидский залив в планах и политике Запада» [67]; причем отдельно стоит выделить книги о военных доктринах Пентагона и конкретно военной (а не просто внешней) политике США, в том числе о ядерной составляющей американской военной доктрины, – «Полторы войны или больше: стратегия нереалистического устрашения» [68], «Миф о “советской военной угрозе” в стратегии империализма» [4], «По ступеням ядерного безумия» [69] и очень известную в 1980-е гг., написанную коллективом

¹ Например, потому, что именно США возглавляли межблоковое противостояние по линии США–СССР и НАТО–Организация Варшавского Договора в период холодной войны, они удостоились отдельного внимания в работах этой серии.

² В книге рассматриваются последствия решения декабрьской сессии НАТО 1979 г. о размещении ракет средней дальности в Центральной Европе (начиная с 1983 г.) и реакция европейцев на это решение. Данное решение, следует отметить, реально было непопулярным среди населения Европы и вызвало массовые протесты в ряде стран-членов НАТО, на территориях которых предполагалось разместить ракеты.

из числа сотрудников Министерства обороны СССР и переиздаваемую книгу «США и НАТО: источники военной угрозы» [70].

В конце 1970-х гг. одним из ключевых элементов внешней политики США стал вопрос о правах человека, активно продвигавшийся администрацией президента США того периода – Дж.Э. Картера. Картер смог пробыть президентом США в течение одного лишь срока (1977–1981), но следующий президент Р. Рейган, хотя и внес во внешнюю политику страны и военную доктрину существенные изменения, все же не убрал окончательно из американской внешнеполитической повестки вопрос о правах человека. Советский Союз относился к этому элементу политики США резко отрицательно, воспринимая его как пропагандистский прием, призванный отвлекать внимание других стран от нарушений прав человека в самих США и американских странах-союзниках. Вопросу прав человека как элементу политики Соединенных Штатов в его интерпретации авторства Дж.Э. Картера посвящены как минимум две книги серии – «Бизнес на правах человека» [22] и «США: поход против подлинных прав человека» [5].

Отдельные книги описывают роль ЦРУ во внешней и внутренней политике США, – это «Терроризм: правда и вымысел» [71], «Мафия, ЦРУ, Уотергейт : очерки об организованной преступности и политических нравах в США» [72] и переведенная на русский язык работа аргентинского публициста Г. Мардонеса «ЦРУ без маски» [73].

Книги серии активно раскрывают вопросы внешнеполитической и внутренней государственной пропаганды и ее роли в политике США и прочих стран капиталистической системы. Например, работа В.М. Кондратенко «Под маской объективности» [74] посвящена ведущей американской газете «Нью-Йорк таймс» как специфическому социальному и политическому институту Соединенных Штатов и ее участию в разработке и реализации внешней политики США; а в целом о прессе в капиталистическом мире рассказывает книга «Иллюзии свобод и горькая действительность» [75]. Немалое количество изданий серии рассматривает внешнеполитическую пропаганду стран Запада как целостную систему – «Психологическая война в стратегии империализма» [76], «Неонацизм – реваншизм: мифы “психологической войны”» [77], «Идеологические диверсии» [78], «Сделано в НАТО» [79].

Особое место занимает освещение средств и методов радиопропаганды – например, в книгах «Радиовойна: история и современность : очерки о внешнеполитической радиопропаганде фашистской Германии, США, Англии и ФРГ» [80], «“Черный” эфир: подрывная пропаганда в системе буржуазного внешнеполитического радиовещания» [81], «Би-Би-Си:

история, аппарат, методы радиопропаганды» [82] (о прошлом и настоящем крупнейшей британской телерадиовещательной компании), «Осторожно: “Немецкая волна”: истоки и история западногерманского ино-вещания» [83] (здесь название полно передает содержание книги). И одна из книг такого рода рассматриваемой автором серии, напротив, посвящена пропаганде и контрпропаганде посредством радиовещания в некоторых социалистических странах Латинской Америки: «Враг не пройдет! Радио Кубы, Никарагуа, Сальвадора¹ в борьбе против контрреволюции и империализма» [84].

Наконец, отдельные книги посвящены политическим явлениям в каких-либо государствах капиталистической системы и некоторым международным событиям последних десятилетий²: например, «Тайные рычаги власти» [85] – о секретных «пружинах» итальянской внутренней политики; «Призраки Долины павших: неофашизм в Испании после Франко» [86] – о возрождении неофашизма в Испании; «Сионизм – орудие агрессивных империалистических кругов» [87] – о внешней политике государства Израиль и поддерживающих ее странах и международных кругах; «Чили: анатомия заговора» [88] – о свержении режима С. Альенде в Чили в 1973 г. и роли в этом событии внешних сил; «Преступление без наказания: что произошло в Ливане» [20] – о военной операции Израиля на территории Ливана в 1982 г.; «Трагедия Ольстера» [89] и «Апартеид по-британски» [90] – о политике Великобритании в отношении Северной Ирландии и в отношении проживающих в этой стране представителей неевропейских народов («цветных», как пишет автор книги) соответственно.

Итак, книгоиздательская серия позднего СССР «Империализм. События. Факты. Документы» представляет большой интерес как своеобразный памятник эпохи и советской публицистики, по нашему мнению, еще не оцененный исследователями в полной мере. Подавляющее большинство книг представляют публицистику, хотя во многих случаях их авторами являются профессиональные ученые и для написания книг использовались документы и научные труды. Книги из этой серии раскрывают самые разные стороны внешней и внутренней политики капиталистических государств и не утратили своей ценности и сейчас.

¹ Сальвадор не относился к странам «социалистической ориентации», но в 1980-е гг. на его территории шла гражданская война, в которой повстанцы действовали довольно активно, в том числе вели радиопропаганду.

² Тем событиям, в которые были каким-либо образом вовлечены капиталистические страны.

Список источников

1. Булатов А.А. Неоколониализм в военном мундире. М. : Воениздат, 1982. 142 с.
2. Пядышев Б.Д. Опасность: милитаризм в политике, экономике и идеологии США. М. : Воениздат, 1981. 255 с.
3. Даниленко В.Н. Деньги и политика: воздействие крупного капитала на политическую жизнь в капиталистических странах. М. : Междунар. отношения, 1985. 238 с.
4. Николаев Н.Н. Миф о «советской военной угрозе» в стратегии империализма. М. : Междунар. отношения, 1984. 127 с.
5. Савин М.С. США: поход против подлинных прав человека. М. : Междунар. отношения, 1983. 145 с.
6. Руднев Н.А. Бизнес на мечте. М. : Педагогика, 1987. 206 с.
7. Бондаренко О.Н. Пасынки «свободного мира». М. : Педагогика, 1986. 175 с.
8. Каминко В.Ф. Роботы и самураи: радио и телевидение в современной Японии. М. : Искусство, 1989. 173 с.
9. Кокарев И.Е. США на пороге 80-х: Голливуд и политика. М. : Искусство, 1987. 256 с.
10. Комов Ю.А. Голливуд без маски. М. : Искусство, 1982. 208 с.
11. Гасанов Р.М. Шпионаж особого рода. М. : Мысль, 1989. 254 с.
12. Вишневецкая Н.Т., Игнатъева М.А. За фасадом «всеобщего благоденствия». М. : Мысль, 1987. 221 с.
13. Павлов И. Море бесправия – Америка: капитализм США и дискриминация личности. М. : Политиздат, 1981. 191 с.
14. Современный расизм как он есть / авт.-сост. Н. Ножнова, Ю. Оганисян. М. : Политиздат, 1985. 384 с.
15. Кокошин А.А. США: кризис политической власти. М. : Юрид. лит., 1982. 191 с.
16. Павлов Н.В., Сидоров А.Н. Американские «евроракеты»: военная угроза и политический шантаж. М. : Изд-во МГУ, 1984. 256 с.
17. Цаголов Г.Н. Миллиарды на оружие: военно-промышленный комплекс США. М. : Мысль, 1986. 255 с.
18. Никонов В.А. От Эйзенхауэра к Никсону: из истории Республиканской партии США. М. : Изд-во МГУ, 1984. 287 с.
19. Никонов В.А. Республиканцы: от Никсона к Рейгану. М. : Изд-во МГУ, 1988. 287 с.
20. Тыссовский Ю.К. Преступление без наказания: что произошло в Ливане. М. : Прогресс, 1983. 159 с.
21. Арцибасов И.Н. За пределами законности: о преступлениях империализма против мира и человечества. М. : Прогресс, 1983. 317 с.
22. Большаков В.В. Бизнес на правах человека. М. : Прогресс, 1982. 327 с.
23. Большаков В.В. Многоликая безработица. М. : Междунар. отношения, 1987. 251 с.
24. Чередниченко Т.В. Кризис общества – кризис искусства: музыкальный «авангард» и поп-музыка в системе буржуазной идеологии. М. : Музыка, 1985. 191 с.
25. Костин П.В. Тайная полиция США: ФБР: прошлое и настоящее. М. : Мысль, 1986. 284 с.
26. Горизонтов Б.Б. Капитализм и экологический кризис. М. : Политиздат, 1982. 176 с.

27. Арская Л.П. Стареющий рабочий в тисках эксплуатации. М., 1987. 191 с.
28. Коломийцев В.Ф. Монополии и рабочий класс: миф о социальном мире и действительность. М. : Профиздат, 1985. 215 с.
29. Соболевская А.А. Изощенный механизм эксплуатации. М. : Экономика, 1988. 167 с.
30. Рывданов Н.Ф. Бедствие миллионов: безработица в мире капитала. М. : Политиздат, 1983. 174 с.
31. Цивилев Р.М. Право на социальную необеспеченность. М. : Профиздат, 1984. 174 с.
32. Долгуиц Л.А. За счастьем на чужбину: трудящиеся-иммигранты. М. : Мысль, 1986. 270 с.
33. Семиряга М.И. Люди «второго сорта» в мире капитала: их судьбы и борьба. М. : Политиздат, 1987. 206 с.
34. Бельсон Я.М., Гулиев В.Е., Лисневский Э.В. За фасадом власти – монополии. М. : Юрид. лит., 1981. 248 с.
35. Гришин И.В. Под бременем инфляции. М. : Экономика, 1986. 191 с.
36. Борисоглебский Л.Л. Хронический кризис здравоохранения в США. М. : Медицина, 1980. 110 с.
37. Чикин С.Я. Капитализм – расхититель здоровья трудящихся. Ташкент : Медицина, 1986. 166 с.
38. Сахно А.В. Кризисные явления в медицине капиталистических стран. М. : Медицина, 1986. 204 с.
39. Ковалев В.А. Буржуазная юстиция: с кем и против кого. М. : Юрид. лит., 1981. 198 с.
40. Мальцев Г.В. Иллюзии равноправия : (правовое неравенство в мире капитала). М. : Мысль, 1982. 271 с.
41. Герасимов Г.И. Общество потребления: мифы и реальность. М. : Знание, 1980. 238 с.
42. Кирьянова О.Г. Американская женщина вчера и сегодня: иллюзии на продажу. М. : Мысль, 1988. 238 с.
43. Кирьянова О.Г. Кризис американской семьи. М. : Педагогика, 1987. 238 с.
44. Ашин Г.К., Мидлер А.П. В тисках духовного гнета. Что популяризуют средства массовой информации США. М. : Мысль, 1986. 253 с.
45. Гапочка И.М., Грибачев В.Н. Ростом с гору Вашингтон. М. : Молодая гвардия, 1987. 189 с.
46. Савельев В.А. США: кризис законодательной власти. М. : Юрид. лит., 1986. 223 с.
47. Ефремов А.Н. Жертвы жестокости – дети. М. : Педагогика, 1980. 272 с.
48. Кантеров И.Я. Клерикализм – идеология духовного насилия. М. : Педагогика, 1986. 192 с.
49. Бельсон Я.М. Полиция «свободного» общества. М. : Юрид. лит., 1984. 173 с.
50. Ковалев В.А. Досье репрессий. М. : Молодая гвардия, 1987. 239 с.
51. Изгнанники: судьбы книг в мире капитала / сост. Н.П. Звонарева. М. : Книга, 1987. 190 с.
52. Исаченко И.И., Кочетков Г.Б., Могилевкин И.М. Наука и техника против человека. М. : Мысль, 1985. 238 с.
53. Ефремов А.Е. Куда тянутся щупальца НАТО. М. : Воениздат, 1985. 127 с.

54. Иванов А.А. Антикоммунизм против освободившихся стран. М. : Междунар. отношения, 1987. 207 с.
55. Белая книга «холодной войны» / сост. Г.Н. Вачнадзе. М. : Молодая гвардия, 1985. 272 с.
56. Меньшиков В.М. «Тихая оккупация». М. : Молодая гвардия, 1983. 223 с.
57. Сабельников Л.В. Война без перемирия: формы и методы экономической агрессии. М. : Мысль, 1983. 255 с.
58. Карасев Н.Ф. Ограбление под маской партнерства. М. : Мысль, 1985. 254 с.
59. Барчет В. Солдаты на продажу: наемники сегодня. М. : Прогресс, 1979. 287 с.
60. Колдобский В.Л. Черные легионы. М. : Воениздат, 1987. 126 с.
61. Сапрыков В.Н. Милитаризм: политические проявления и социально-экономические последствия. М. : Междунар. отношения, 1984. 127 с.
62. Лаврентьев А.К. США: силовая дипломатия в Азии. М. : Междунар. отношения, 1980. 270 с.
63. Кокорев А.А. Силовая «дипломатия» Вашингтона : (расчеты и просчеты). М. : Мысль, 1985. 255 с.
64. Кокорев А.А. «Ястребы» не унимаются... М. : Молодая гвардия, 1981. 239 с.
65. Великий Д.Г. ЦРУ против Индии. Заговор американского империализма. М. : Междунар. отношения, 1986. 110 с.
66. Тарасов К.С. Тайная война империализма США в Латинской Америке. М. : Политиздат, 1978. 214 с.
67. Машин В.В., Яковлев А.И. Персидский залив в планах и политике Запада. М. : Междунар. отношения, 1985. 237 с.
68. Святлов Г.И. Полторы войны или больше: стратегия нереалистического устрашения. М. : Мысль, 1987. 222 с.
69. Нечаев И.В. По ступеням ядерного безумия. М. : Воениздат, 1987. 158 с.
70. США и НАТО: источники военной угрозы / Н. Петров, Н. Соколов, И. Владимиров, П. Катин. М. : Воениздат, 1979. 254 с.
71. Моджорян Л.А. Терроризм: правда и вымысел. М. : Юрид. лит., 1986. 239 с.
72. Геевский И.А. Мафия, ЦРУ, Уотергейт : очерки об организованной преступности и политических нравах в США. М. : Политиздат, 1983. 288 с.
73. Мардонес Г.К. ЦРУ без маски. М. : Мысль, 1979. 176 с.
74. Кондратенко В.М. Под маской объективности : («Нью-Йорк таймс»: американская информационно-пропагандистская машина). М. : Мысль, 1986. 239 с.
75. Кузнецов Г.А. Иллюзии свобод и горькая действительность. М. : Мысль, 1978. 350 с.
76. Артемов В.Л. Психологическая война в стратегии империализма. М. : Междунар. отношения, 1983. 148 с.
77. Бланк А.С. Неонацизм – реваншизм: мифы «психологической войны». М. : Мысль, 1985. 240 с.
78. Кейзеров Н.М. Идеологические диверсии. М. : Мысль, 1979. 160 с.
79. Налин Ю.А. Сделано в НАТО. М. : Молодая гвардия, 1985. 334 с.
80. Панфилов А.Ф. Радиовойна: история и современность : очерки о внешнеполитической радиопропаганде фашистской Германии, США, Англии и ФРГ. М. : Искусство, 1984. 240 с.
81. Ярошенко В.Н. «Черный» эфир: подрывная пропаганда в системе буржуазно-во внешнеполитического радиовещания. М. : Искусство, 1986. 207 с.

82. Артемов В.Л. Би-Би-Си: история, аппарат, методы радиопропаганды. М. : Искусство, 1978. 256 с.
83. Острогорский В.М. Осторожно: «Немецкая волна»: истоки и история западногерманского иновещания. М. : Искусство, 1985. 254 с.
84. Попов И.М. Враг не пройдет! Радио Кубы, Никарагуа, Сальвадора в борьбе против контрреволюции и империализма. М. : Искусство, 1988. 156 с.
85. Зафесов Г.Р. Тайные рычаги власти. М. : Мысль, 1984. 255 с.
86. Чернышев В.П. Призраки Долины павших: неофашизм в Испании после Франко. М. : Мысль, 1983. 319 с.
87. Рокотов С.М. Сионизм – орудие агрессивных империалистических кругов. М. : Междунар. отношения, 1983. 207 с.
88. Сергеев Ф.М. Чили: анатомия заговора. М. : Междунар. отношения, 1986. 189 с.
89. Грибин Н.П. Трагедия Ольстера. М. : Междунар. отношения, 1980. 191 с.
90. Житомирский В.А. Апартеид по-британски. М. : Мысль, 1985. 239 с.

References

1. Bulatov, A.A. (1982) *Neokolonializm v voennom mundire* [Neocolonialism in Military Uniform]. Moscow: Voenizdat.
2. Pyadyshev, B.D. (1981) *Opasnost': militarizm v politike, ekonomike i ideologii SSHA* [Danger: Militarism in US Politics, Economy and Ideology]. Moscow: Voenizdat.
3. Danilenko, V.N. (1985) *Den'gi i politika: vozdeystvie krupnogo kapitala na politicheskuyu zhizn' v kapitalisticheskikh stranakh* [Money and Politics: The Impact of Big Capital on Political Life in Capitalist Countries]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
4. Nikolaev, N.N. (1984) *Mif o "sovetskoy voennoy ugroze" v strategii imperializma* [The myth of the "Soviet military threat" in the strategy of imperialism]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
5. Savin, M.S. (1983) *SSHA: pokhod protiv podlinnykh prav cheloveka* [USA: a campaign against genuine human rights]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
6. Rudnev, N.A. (1987) *Biznes na mechte* [Business on dream]. Moscow: Pedagogika.
7. Bondarenko, O.N. (1986) *Pasyunki "svobodnogo mira"* [The stepchildren of the "free world"]. Moscow: Pedagogika.
8. Kamionko, V.F. (1989) *Roboty i samurai: Radio i televidenie v sovremennoy Yaponii* [Robots and samurais: radio and television in modern Japan]. Moscow: Iskusstvo.
9. Kokarev, I.E. (1987) *SSHA na poroge 80-kh: Gollivud i politika* [USA on the Eve of the 80s: Hollywood and Politics]. Moscow: Iskusstvo.
10. Komov, Yu.A. (1982) *Gollivud bez maski* [Hollywood without a mask]. Moscow: Iskusstvo.
11. Gasanov, R.M. (1989) *Shpionazh osobogo roda* [Espionage of a Special Kind]. Moscow: Mysl'.
12. Vishnevskaya, N.T. & Ignatieva, M.A. (1987) *Za fasadom "vseobshchego blagodensviya"* [Behind the façade of "general welfare"]. Moscow: Mysl'.
13. Pavlov, I. (1981) *More bespraviya – Amerika: Kapitalizm SSHA i diskriminatsiya lichnosti* [The sea of lawlessness – America: US capitalism and individual discrimination]. Moscow: Politizdat.
14. Nozhnova, N. & Oganisyan, Yu. (1985) *Sovremennyy rasizm kak on est'* [Modern racism as it is]. Moscow: Politizdat.

15. Kokoshin, A.A. (1982) *SSHA: krizis politicheskoy vlasti* [USA: The Crisis of Political Power]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.

16. Pavlov, N.V. & Sidorov, A.N. (1984) *Amerikanskiye "evrorakety": voennaya ugroza i politicheskyy shantazh* [American "Euro-missiles": Military Threat and Political Blackmail]. Moscow: MSU.

17. Tsagolov, G.N. (1986) *Milliardy na oruzhie: Voенno-promyshlennyy kompleks SSHA* [Billions on Weapons: The U.S. Military Industrial Complex]. Moscow: Mysl'.

18. Nikonov, V.A. (1984) *Ot Eyzenkhouera k Niksonu: iz istorii Respublikanskoй partii SSHA* [From Eisenhower to Nixon: From the History of the United States Republican Party]. Moscow: MSU.

19. Nikonov, V.A. (1988) *Respublikantsy: ot Niksona k Reyganu* [Republicans: From Nixon to Reagan]. Moscow: MSU.

20. Tyssovsky, Yu.K. (1983) *Prestuplenie bez nakazaniya: Chto proizoshlo v Livane* [Crime Without Punishment: What Happened in Lebanon]. Moscow: Progress.

21. Artsibasov, I.N. (1983) *Za predelami zakonnosti: O prestupleniyakh imperializma protiv mira i chelovechestva* [Beyond the Limits of Legality: On the Crimes of Imperialism Against Peace and Humanity]. Moscow: Progress.

22. Bolshakov, V.V. (1982) *Biznes na pravakh cheloveka* [Business on Human Rights]. Moscow: Progress.

23. Bolshakov, V.V. (1987) *Mnogolikaya bezrabotitsa* [The Many Faces of Unemployment]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

24. Cherednichenko, T.V. (1985) *Krizis obshchestva – krizis iskusstva: Muzykal'nyy "avangard" i pop-muzyka v sisteme burzhuaznoy ideologii* [Crisis of Society – Crisis of Art: Musical "Avant-Garde" and Pop Music in the System of Bourgeois Ideology]. Moscow: Muzyka.

25. Kostin, P.V. (1986) *Taynaya politsiya SSHA: FBR: proshloe i nastoyashchee* [US Secret Police: FBI: past and present]. Moscow: Mysl'.

26. Gorizontov, B.B. (1982) *Kapitalizm i ekologicheskiy krizis* [Capitalism and the Environmental Crisis]. Moscow: Politizdat.

27. Arskaya, L.P. (1987) *Stareyushchiy rabochiy v tiskakh ekspluatatsii* [An Aging Worker in the Grip of Exploitation]. Moscow: [s.n.].

28. Kolomiytsev, V.F. (1985) *Monopolii i rabochiy klass: mif o sotsial'nom mire i deystvitel'nosti* [Monopolies and the Working Class: The Myth of the Social World and Reality]. Moscow: Profizdat.

29. Sobolevskaya, A.A. (1988) *Izoshchrennyy mekhanizm ekspluatatsii* [A Sophisticated Exploitation Mechanism]. Moscow: Ekonomika.

30. Rydvanov, N.F. (1983) *Bedstvie millionov: bezrabotitsa v mire kapitala* [The Disaster of Millions: Unemployment in the Capital World]. Moscow: Politizdat.

31. Tsivilev, R.M. (1984) *Pravo na sotsial'nyuyu neobespechennost'* [The Right to Social Insecurity]. Moscow: Profizdat.

32. Dolguchits, L.A. (1986) *Za schast'em na chuzhbinu: Trudyashchiesya-immigranty* [For happiness in a foreign land: Workers-immigrants]. Moscow: Mysl'.

33. Semiryaga, M.I. (1987) *Lyudi "vtorogo sorta" v mire kapitala: Ikh sud'by i bor'ba* ["Second-class" People in the World of Capital: Their Fates and Struggle]. Moscow: Politizdat.

34. Belson, Ya.M., Guliev, V.E. & Lisnevsky, E.V. (1981) *Za fasadom vlasti – monopolii* [Monopoly is behind the facade of power]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.

35. Grishin, I.V. (1986) *Pod bremenem inflyatsii* [Under the Burden of Inflation]. Moscow: Ekonomika.
36. Borisoglebskiy, L.L. (1980) *Khronicheskiy krizis zdravookhraneniya v SSHA* [Chronic Health Crisis of the Health Care in the United States]. Moscow: Meditsina.
37. Chikin, S.Ya. (1986) *Kapitalizm – raskhititel' zdorov'ya trudyashchikhsya* [Capitalism is Plunders of the Health of Workers]. Tashkent: Meditsina.
38. Sakhno, A.V. (1986) *Krizisnye yavleniya v meditsine kapitalisticheskikh stran* [Crisis Phenomena in a Medicine of Capitalist Countries]. Moscow: Meditsina.
39. Kovalev, V.A. (1981) *Burzhuaznaya yustitsiya: s kem i protiv kogo* [Bourgeois Justice: With Whom and Against Whom]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
40. Maltsev, G.V. (1982) *Illyuzii ravnopraviya: (Pravovoe neravenstvo v mire kapitala)* [Illusions of equality: (legal inequality in the world of capital)]. Moscow: Mysl'.
41. Gerasimov, G.I. (1980) *Obshchestvo potrebleniya: mify i real'nost'* [Consumer society: Myths and Reality]. Moscow: Znanie.
42. Kiryanova, O.G. (1988) *Amerikanskaya zhenshchina vchera i segodnya: (Illyuzii na prodazhu)* [The American Woman Yesterday and Today: (Illusions for Sale)]. Moscow: Mysl'.
43. Kiryanova, O.G. (1987) *Krizis amerikanskoy sem'i* [The crisis of the American family]. Moscow: Pedagogika.
44. Ashin, G.K. & Midler, A.P. (1986) *V tiskakh dukhovnogo gnet. Chto populyariziruyut sredstva massovoy informatsii SSHA* [In the Grip of Spiritual Oppression. What is Popularized by the US Media]. Moscow: Mysl'.
45. Gapochka, I.M. & Gribachev, V.N. (1987) *Rostom s goru Vashington* [As tall as Mount Washington]. Moscow: Molodaya gvardiya.
46. Saveliev, V.A. (1986) *SSHA: krizis zakonodatel'noy vlasti* [The USA: A Legislative Crisis]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
47. Efremov, A.N. (1980) *Zhertvy zhestokosti – deti* [The Victims of Violence are Children]. Moscow: Pedagogika.
48. Kanterov, I.Ya. (1986) *Klerikalizm – ideologiya dukhovnogo nasiliya* [Clericalism is an ideology of spiritual violence]. Moscow: Pedagogika.
49. Belson, Ya.M. (1984) *Politsiya "svobodnogo" obshchestva* [Police of a "free" society]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
50. Kovalev, V.A. (1987) *Dos'ye repressiy* [Dossier of Repression]. Moscow: Molodaya gvardiya.
51. Zvonareva, N.P. (ed.) (1987) *Izgnanniki: Sud'by knig v mire kapitala* [Exiles: The fate of books in the world of capital]. Moscow: Kniga.
52. Isachenko, I.I., Kochetkov, G.B. & Mogilevkin, I.M. (1985) *Nauka i tekhnika protiv cheloveka* [Science and Technology Against Human]. Moscow: Mysl'.
53. Efremov, A.E. (1985) *Kuda tyanutsya shchupal'tsa NATO* [Where NATO's tentacles reach]. Moscow: Voenizdat.
54. Ivanov, A.A. (1987) *Antikommunizm protiv osvobodivshikhsya stran* [Anti-communism against the liberated countries]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
55. Vachnadze, G.N. (1985) *Belaya kniga "kholodnoy voyny"* [The White Paper of the Cold War]. Moscow: Molodaya gvardiya.
56. Menshikov, V.M. (1983) *"Tikhaya okkupatsiya"* ["Quiet Occupation"]. Moscow: Molodaya gvardiya.
57. Sabelnikov, L.V. (1983) *Voyna bez peremiriya: Formy i metody ekonomicheskoy agressii* [War Without a Truce: Forms and Methods of Economic Aggression]. Moscow: Mysl'.

58. Karasev, N.F. (1985) *Ograblenie pod maskoy partnerstva* [Robbery Under the Guise of Partnership]. Moscow: Mysl'.

59. Barchet, V. (1979) *Soldaty na prodazhu: Naemniki segodnya* [Soldiers for Sale: Mercenaries Today]. Moscow: Progress.

60. Koldobsky, V.L. (1987) *Chernye legiony* [Black Legions]. Moscow: Voenizdat.

61. Saprykov, V.N. (1984) *Militarizm: politicheskie proyavleniya i sotsial'no-ekonomicheskie posledstviya* [Militarism: Political Manifestations and Socio-Economic Consequences]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

62. Lavrentiev, A.K. (1980) *SSHA: silovaya diplomatiya v Azii* [The USA: Power Diplomacy in Asia]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

63. Kokorev, A.A. (1985) *Silovaya "diplomatiya" Vashingtona: (Raschety i proschety)* [Power "diplomacy" of Washington: (calculations and miscalculations)]. Moscow: Mysl'.

64. Kokorev, A.A. (1981) *"Yastreby" ne unimayutsya...* ["Hawks" are not appeased...]. Moscow: Molodaya gvardiya.

65. Velikiy, D.G. (1986) *TSRU protiv Indii. Zagovor amerikanskogo imperializma* [CIA against India. The Conspiracy of American Imperialism]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

66. Tarasov, K.S. (1978) *Taynaya voyna imperializma SSHA v Latinskoy Amerike* [The Secret War of US Imperialism in Latin America]. Moscow: Politizdat.

67. Mashin, V.V. & Yakovlev, A.I. (1985) *Persidskiy zaliv v planakh i politike Zapada* [The Persian Gulf in the Plans and Policies of the West]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

68. Svyatov, G.I. (1987) *Poltory voyny ili bol'she? Strategiya nerealisticheskogo us-trasheniya* [A War and a Half or More: An Unrealistic Intimidation Strategy]. Moscow: Mysl'.

69. Nechaev, I.V. (1987) *Po stupenyam yadernogo bezumiya* [On the steps of nuclear madness]. Moscow: Voenizdat.

70. Petrov, N., Sokolov, N., Vladimirov, I. & Katin, P. (eds) (1979) *SSHA i NATO: istochniki voyennoy ugrozy* [USA and NATO: sources of military threat]. Moscow: Voenizdat.

71. Modzhoryan, L.A. (1986) *Terrorizm: pravda i vymysel* [Terrorism: Truth and Fiction]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.

72. Geevskiy, I.A. (1983) *Mafiya, TSRU, Uotergeyt: Ocherki ob organizovannoy prestupnosti i politicheskikh nravakh v SSHA* [Mafia, CIA, Watergate: Essays on Organized Crime and Political Mores in the United States]. Moscow: Politizdat.

73. Mardones, G.K. (1979) *TSRU bez maski* [CIA Unmasked]. Moscow: Mysl'.

74. Kondratenko, V.M. (1986) *Pod maskoy ob"ektivnosti. ("N'yu-York tayms": amerikanskaya informatsionno-propagandistskaya mashina)* [Disguised as Objectivity. (The New York Times: American Information Propaganda Machine)]. Moscow: Mysl'.

75. Kuznetsov, G.A. (1978) *Ilyuzii svobod i gor'kaya deystvitel'nost'* [Illusions of Freedom and Bitter Reality]. Moscow: Mysl'.

76. Artemov, V.L. (1983) *Psikhologicheskaya voyna v strategii imperializma* [Psychological Warfare in the Strategy of Imperialism]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

77. Blank, A.S. (1985) *Neonatsizm – revanshizm: Mify "psikhologicheskoy voyny"* [Neo-Nazism – Revanchism: Myths of "Psychological War"]. Moscow: Mysl'.

78. Keizerov, N.M. (1979) *Ideologicheskie diversii* [Ideological sabotage]. Moscow: Mysl'.

79. Nalin, Yu.A. (1985) *Sdelano v NATO* [Made by NATO]. Moscow: Molodaya gvardiya.

80. Panfilov, A.F. (1984) *Radiovoynna: istoriya i sovremennost'*. *Ocherki o vneshnepoliticheskoy radiopropagande fashistskoy Germanii, SSHA, Anglii i FRG* [Radio War: History and Modernity. Essays on Foreign Policy Radio Propaganda of Nazi Germany, the USA, England and the FRG]. Moscow: Iskusstvo.

81. Yaroshenko, V.N. (1986) "*Chernyy*" *efir: Podryvnaya propaganda v sisteme burzhuznogo vneshnepoliticheskogo radioveshchaniya* ["Black" Broadcast: Subversive Propaganda in the System of Bourgeois Foreign Policy Radio Broadcasting]. Moscow: Iskusstvo.

82. Artemov, V.L. (1978) *Bi-Bi-Si: Istoriya, apparat, metody radiopropagandy* [BBC: History, Apparatus, Methods of Radio Propaganda]. Moscow: Iskusstvo.

83. Ostrogorskiy, V.M. (1985) *Ostorozhno: "Nemetskaya volna". Istoki i istoriya zapadno germanskogo inoveshchaniya* [Caution: "Deutsche Welle". The origins and history of West German broadcasting]. Moscow: Iskusstvo.

84. Popov, I.M. (1988) *Vrag ne proydet! Radio Kuby, Nikaragua, Sal'vadora v bor'be protiv kontrrevolyutsii i imperializma* [The enemy will not pass! Radio Cuba, Nicaragua, El Salvador in the fight against counter-revolution and imperialism]. Moscow: Iskusstvo.

85. Zafesov, G.R. (1984) *Taynye rynchagi vlasti* [Secret Levers of Power]. Moscow: Mysl'.

86. Chernyshev, V.P. (1983) *Prizraki Doliny pavshikh: Neofashizm v Ispanii posle Franko* [Ghosts of the Valley of the Fallen: Neo-Fascism in Spain after Franco]. Moscow: Mysl'.

87. Rokotov, S.M. (1983) *Sionizm – orudie agressivnykh imperialisticheskikh krugov* [Zionism is a Weapon of Aggressive Imperialist Circles]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

88. Sergeev, F.M. (1986) *Chili: anatomiya zagovora* [Chile: anatomy of a conspiracy]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

89. Gribin, N.P. (1980) *Tragediya Ol'stera* [The tragedy of Ulster]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

90. Zhitomirskiy, V.A. (1985) *Aparteid po-britanski* [Apartheid in British Style]. Moscow: Mysl'.

Информация об авторе:

Рабуш Т.В. – кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: taisarabush@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.V. Rabush, Cand. Sci. (History), associate professor, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: taisarabush@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.12.2020;
одобрена после рецензирования 18.11.2021; принята к публикации 09.03.2023*

*The article was submitted 15.12.2020;
approved after reviewing 18.11.2021; accepted for publication 09.03.2023*

Научная статья
УДК 82-1/-9
doi: 10.17223/23062061/31/9

«ОХОТА НА ЯСНОВИДЦА» А.В. КОРОЛЁВА: ОПЫТ СОЗДАНИЯ БЕСТСЕЛЛЕРА

Елена Евгеньевна Завьялова¹

¹ *Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия,
zavyalovaelena@mail.ru*

Аннотация. Перечисляются признаки массовой литературы, содержащиеся в произведении А.В. Королёва «Охота на ясновидца». Анализируются черты синтезированных жанров: боевика, триллера, детектива, черного романа, хоррора. Устанавливается, за счет каких принципов достигается простота дешифровки текста, что способствует усилению воздействия на читателя и удержанию его внимания. Подчеркивается, что пародирование клише и штампов перерастает у писателя в их косвенное отрицание. Делается вывод о наличии в произведении черт серьезной литературы, в частности семиотического романа с открытой структурой.

Ключевые слова: массовая литература, развлекательность, эскапизм, экшн, хоррор, триллер, пародирование, семиотический роман

Для цитирования: Завьялова Е.Е. «Охота на ясновидца» А.В. Королёва: опыт создания бестселлера // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 31. С. 134–145. doi: 10.17223/23062061/31/9

Original article

THE HUNT FOR THE CLAIRVOYANT BY ANATOLY KOROLYOV: AN EXPERIENCE OF CREATING A BESTSELLER

Elena E. Zavyalova¹

¹ *Astrakhan State University, Astrakhan, Russian Federation, zavyalovaelena@mail.ru*

Abstract. *The Hunt for the Clairvoyant* is an experience of Anatoly Korolyov's conscious work at the junction of polar genre forms. This article considers the features of mass literature contained in the novel. A significant indicator of book production that is aimed at a wide audience is the possibility of escapism. The effectiveness of this immersion depends on the entertainment potential: the plot should be amusing and should include additional lines. The analyzed work contains a lot of thrilling moments, including several false denouements. Escapist

illusiveness is clearly found in the “happy-end philosophy”. Emphasis is placed on the exceptional in the fate of the main characters. The simplicity of text decryption is achieved due to a number of principles, among which cliché situations occupy an important place; the main events are characterized by formulae, many of them are based on mythological elements. Orientation to the unsophisticated reader is shown in the “pedaling” of key details. The combination of dialogic and diegetic forms of presentation helps to increase the impact on the reader. The novel is clearly focused on the action genre. The characters are constantly on the move. Descriptions of fights, shootings, chases make up a significant part of the novel. Many of the characters show superhuman dexterity. Both the “bad” and the “good” use violence. As in many thrillers, the novel tells about a rescue of a young girl, who became a target for murderers. On the mythological level, another of the book’s genre features is revealed: the beautiful Lisa saves the world from destruction. An example of a sociopathic villain, a typical character in this kind of literature, is a misogynistic maniac, who has escaped from a psychiatric hospital. Shocking scenes are characterized by emphasized naturalism. The intrigue, based on the disclosure of malicious intent, associates the novel with a detective story. Korolyov describes the events in a harsh manner that is characteristic of a noir novel. The writer actively uses slang and profanities. A sexual fatal line is introduced into the plot. Implicitly the work has a motif for the hero’s collision with corruption and lawlessness. As in horror literature, the characters in the novel have psychic abilities. One of the most mysterious figures is the sleepwalker Vera; the portrait of the monster evokes a sense of squeamishness, and its actions are disgusted, as destructive aesthetics suggests. The actions of several characters are described as obsessions; animals hunt people and show amazing insight. The clash of so many genres and types of entertainment literature leads to dissonance. Korolyov’s parody of clichés develops into their indirect denial. Through the usual motifs and images, a philosophical subtext emerges. The author’s focus on the word and sign allows defining the *Hunt for the Clairvoyant* as a semiotic novel with an open structure.

Keywords: mass literature, entertainment function, escapism, action, horror, thriller, parody, semiotic novel

For citation: Zavyalova, E.E. (2023) *The Hunt for the Clairvoyant* by Anatoly Korolyov: An experience of creating a bestseller. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 31. pp. 134–145. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/31/9

Романы А.В. Королёва очень непохожи один на другой: писатель обращается к разным стилям, меняет нарративные стратегии. При этом практически все его произведения оказываются образцами «художественной “гибридизации”» [1. С. 374] и жанровой контаминации.

«Охоту на ясновидца» автор считает творческой неудачей. «Несколько лет назад я имел глупость попробовать написать криминальное чтиво, и вот до сих пор расплачиваюсь» [2. С. 14], – признавался А.В. Королёв. Точно следовать придуманному сюжету не получалось: «...Текст выхо-

дил ну абсолютно мертвым!» [2. С. 14]. Отклонение от первоначального замысла затруднило «порционирование»: «...Только к концу повествования забрезжило решение» [2. С. 14]. «Стало ясно, что так мстит руке мой отказ от привычной манеры ответственности перед текстом», – резюмировал писатель.

Как ни старался А.В. Королёв творить «в холодных рамках вычисленного сюжета», реализовать коммерческий проект не получилось: в произведении явно проступали черты «сложной» литературы. Он переписал текст, в результате чего появилось два романа с тремя названиями: «...первый толстый сырой – “Охота на ясновидца”, второй тонкий, поджаристый – “Змея в зеркале, которое спрятано на дне корзинки с гостинцами, какую несет в руке Красная Шапочка, бегущая через лес по волчьей тропе”» [2. С. 14] (или «Инстинкт № 5»).

«Сырой» роман – опыт осознанной работы на стыке полярных жанровых форм. В данной статье будут рассмотрены содержащиеся в нем признаки массовой литературы.

Существенный показатель книжной продукции, ориентированной на широкую аудиторию, – возможность **эскапизма**, легкого погружения в художественный мир с целью бегства от рутины и неразрешимых проблем. Эффективность такого погружения зависит от развлекательности; сюжет должен быть занимательным, включать дополнительные линии. «Охота на ясновидца» содержит очень много острых моментов, в том числе несколько ложных развязок (убийство Фелицаты, финал балтийского марафона Лизы, спасение Германа с тонущего лайнера). Акцентируется исключительное в судьбе центральных персонажей: идеальная внешность, сверхъестественные способности, роковые совпадения, дьявольская удачливость, миллионное наследство.

Простота дешифровки текста достигается за счет ряда принципов, в числе которых важное место занимает клишированность ситуаций. Образы героев достаточно стереотипны: юная и прекрасная блондинка, богатая и коварная мачеха, мудрый и жестокий генерал разведки, его талантливый и совестливый ученик. Основные события характеризуются формульностью, многие из них базируются на мифологических элементах: юные отпрыски преодолевают многочисленные испытания (проходят инициацию), медиум во время сна путешествует в астральном теле, адепт убивает наставника, потерявший память узнает о своем прошлом, дочь спустя много лет возвращается к отцу и т.п.

Усилению воздействия на читателя помогает сочетание диалогических и диегетических форм изложения [3. С. 71]. Повествование ведется поочередно от лица двух главных героев. Включаются фразы, маркиру-

ющие адресованность рассказов: «Я начну свою жуткую исповедь как можно более спокойно, по порядку набегающих событий, и мой читатель постепенно убедится в том, что все сказанное ниже – и выше – это, конечно же, правда» [4. С. 3]; «Рука отказывается описать то, что затем последовало» [4. С. 301]; «Дальше рассказывать неинтересно» [4. С. 419]; «Тут я должна сделать в рассказе маленькую паузу» [4. С. 522]. Примечательно, что никаких пояснений к откровениям героев (что подвигло, для кого писали, кто скомпоновал) не дается.

Ориентация на неискушенного читателя проявляется в педалировании ключевых деталей, над которым автор, судя по всему, тайно иронизирует: «...указательный и большой палец – словно бы в агонии сжаты, и между подушечками пальцев виден острый край красного – опять лейтмотив крови! – стеклышка» [4. С. 485].

Эскапистская иллюзорность отчетливо обнаруживается в «философии счастливого конца» [5. С. 48]. Прекрасная Лиза обходит все опасности, восстанавливает свои права, разоблачает самозванцев. Благородный Герман чудесным образом избегает смерти, ему открывается сакральная тайна. Злодеи наказаны. Справедливость торжествует.

Далее речь пойдет о конкретных жанрах, к которым обращается А.В. Королёв. В предисловии к роману автор называет свое произведение:

- 1) криминальным чтивом¹ (дважды), остросюжетным романом / романчиком (дважды);
- 2) триллером (дважды);
- 3) детективом (один раз) [2. С. 14].

Криминальный роман чаще всего относят к литературе **экшн (боевикам)**. «Охота на ясновидца» явно ориентирована на этот жанр. Книга содержит много динамичных сцен. Герои постоянно находятся в движении: Москва, Крым, Кавказ, Прибалтика, Прага, Барселона, Лондон, Париж, Монте-Карло, Анкара и т.д. Описаниям драк, перестрелок, погонь отведена внушительная часть романа. Кульминационное противостояние происходит в стане врага – доме, который охраняют «семь молодых сильных атлетов, вооруженных пистолетами с глушителями» [4. С. 553].

Многие персонажи выказывают нечеловеческую сноровку. Главная героиня обладает поразительной ловкостью, выносливостью, отлично плавает, великолепно держится в седле, умеет ходить по проволоке, в совершенстве владеет боевыми приемами, оружием. И она постоянно

¹ Кинофильм К. Тарантино вышел за год до того, как А.В. Королёв задумал свой роман.

находится в опасности. Ее основной соперник, Август Эхо, как это часто бывает в боевике, «весьма влиятелен, богат, неглуп, слегка не в себе» [6].

К насилию прибегают и «плохие», и «хорошие». «Приступы ярости» [4. С. 570] в произведении охватывают даже «одержимую Богом» [4. С. 584] Лизу. Девушка часто ведет себя жестоко, унижает врагов: волочит бывшую няню Фелицату за обмотанный на шею телефонный провод [4. С. 447], дернув за сережку, раздирает мочку уха у своей названной сестры Лиззи [4. С. 570] и даже мочится на голову распростертого Гая, сообщника мачехи. При этом Лиза уверена, что ее поступки – вынужденная мера: «Я пришла сюда вброд через море крови, но ни одна красная капля не забрызгала чистое зеркало, на моей совести всего одна смерть, нечаянная гибель пестрой кукушки, которую я накормила отравленным зерном» [4. С. 584].

Главная задача **триллера** – вызвать у читателя чувства тревожного ожидания (саспенса), страха, отвращения. По словам Т.А. Шошиной, фабула преступления здесь сочетается с фабулой следствия, «представляющей собой ряд загадок и головоломок, требующих разгадки» [7. С. 133]. В «Охоте на ясновидца» многое до последнего остается непонятным – как в прошлом персонажей, так и в их настоящем. Заметим: второй вариант произведения А.В. Королёва имеет специфический подзаголовок «роман-шифр» [2. С. 14].

Литература подобного рода часто повествует, как вынуждена спастись молодая девушка, ставшая мишенью для убийцы (убийц). Количество наемников, охотящихся на Лизу, составляет несколько десятков. «Почему меня всегда убивают?!» [4. С. 227], – рыдает она.

Законоотступники в триллере нередко питают страсть к преступлению; соответственно, в качестве злодеев выступают социопаты. Образчик такого персонажа в «Охоте на ясновидца» – маньяк-женоненавистник, сбежавший из психиатрической больницы. Его портрет говорит сам за себя: «Обритая наголо голова. Страшно оттопыренные уши в коростах. Белый больничный халат, видный из-под короткого плаща. Голые руки-удава в свежих порезах и мазках зеленки. Рваные носки, из дыр которых лезли черные ногти. И почему-то еще куча мух, которые влетели с ним в комнату! Несколько мух ползали по черепу, и он их не чувствовал. <...> Глаза – одновременно безумные и умные... Он почти не моргал» [4. С. 42]. Мужчина пребывает в состоянии «истеричной веселости» [4. С. 42], умело орудует медицинским скальпелем. Близость беззащитной девочки приводит маньяка в сильное возбуждение: «Его колотило, как от озноба, зубы клацали. На губах появилась

пенка. Глаза почернели от бешенства» [4. С. 44]. Эпизод охоты на жертву детально прописан.

Идиостиль А.В. Королёва отличает акцентирование визуальной составляющей образа [8. С. 38]. Талантливому портретисту вполне удалось шокирующие сцены. Приведем примеры. Гибель автоматчицы, сбитой мотоциклом: «...мозг из расколотой головы прилипает к стене и висит так две-три секунды, пока не начинает сползать по кирпичной кладке, как голая сизая черепаха, с которой дьявол сорвал панцирь» [4. С. 84]. Нападение человека в бурнусе: «Вдруг один всадник наклоняется над нашим чёрным шофером и взмахивает в воздухе жутким зигзагом. Саблей! Одним махом он отсекает шоферу руки, держащие руль автомобиля, и те шлепаются, как красные перчатки, на кожаное сидение. Шлепаются со звуком резинового мяча об пол» [4. С. 342]. Расправа пантеры над киллером: «Приземлившись, она угодила лапами в тело человека и вдруг принялась с ревом рвать его на части. Она оторвала ему руки, сняла скальп, содрала со спины ленту кожи в полметра длиной, наконец, отгрызла голову и закатила ее в клумбу азалий» [4. С. 498].

По понятным причинам особый трепет у читателей вызывает вид освежеванного тела. Таких описаний в романе несколько. Первое из них – лицо «проводника», изуродованное взрывом зажигалки: «Содранная кожа... обнажила весь мясной узор лицевых мышц: багровые волокна вокруг зубов, сплетение сиреневых жил правой и левой щеки, мозговидные слезные железы, мускулы, поднимающие веки и прочую жуткую изнанку: жилки, рычажки, дергалки, мясные пружинки, клапаны» [4. С. 13]. Все процитированные фрагменты отличаются подчеркнутым натурализмом, эффект усиливают обстоятельность изображения, а также яркие сравнения и метафоры.

Среди других впечатляющих событий романа – шпионская история с разоблачением, эпизод из жизни мафиози, торгующих человеческими органами, захват бандитского логова, а также крушение круизного судна. На мифологическом уровне обнаруживается еще один признак триллера: Лиза спасает от гибели мир. Как выясняется в эпилоге, ее миссия повторяет ту, что была исполнена тысячи лет назад, когда ее прежняя «реинкарнация» Герса расправилась с богами Олимпа, чтобы миром правил Христос [4. С. 588].

С **детективом** «Охоту на ясновидца» роднит интрига, построенная на раскрытии злого умысла. Центральные персонажи (Лиза, Август, Герман, Марс) и некоторые второстепенные стараются собрать воедино рассеянную по частям информацию, правильно ее осмыслить [9. Стб. 222]. В тексте есть реминисценции к популярной серии произведе-

ний А. Конан Дойла, цитируются отрывки из «Пестрой ленты». Наделенный недюжинными аналитическими способностями Август Эхо ассоциируется с Шерлоком Холмсом, его ученик Герман – с доктором Ватсоном.

Как правило, личность противника в триллере становится известна достаточно быстро, а в детективе – ближе к финалу. В «Охоте на ясновидца» читатель уже в третьей главе знакомится с генералом психотропной разведки, стремящимся убить Лизу. Ее мачеха, мечтающая о том же и потратившая на киллеров целое состояние, показывается в последней, двенадцатой, главе. По меткому замечанию К. Миллара, в триллере действие направлено вперед, к катастрофе, а в детективе – назад, к разгадке, к тому моменту, когда было совершено преступление. В романе А.В. Королёва в этом смысле к первому варианту ближе история Германа, а ко второму – Лизы.

События А.В. Королёв описывает в жесткой манере, характерной для **черного романа**. Писатель активно использует сленг, ненормативную лексику, причем брань периодически звучит из уст почти идеальной героини, таким образом автор напоминает о ее детдомовском прошлом.

Вводится «обязательная сексуально-роковая линия в сюжете» [10. Р. 35]. Лиза влюбляется в Марса (характерная деталь: ее избранник похож «на голливудца Кевина Кестера»¹ [4. С. 100]), это первый человек, которому удастся обмануть девушку [4. С. 63]. Любовными отношениями пары эротический спектр романа не исчерпывается. В произведении упомянуты многие варианты «клубнички» – гомосексуализм, лесбийские игры, фетишистский трансвестизм, утехы с вибратором и братьями меньшими, педофилия, сексуальное насилие. Провокационные замечания подогревают интерес массового читателя, а также служат дополнительным средством раскрытия персонажей: склонностью к разного рода девиациям отличаются «неправильные» герои, в то время как Лиза и Герман демонстрируют нравственную устойчивость.

Имплицитно в произведении присутствует еще один специфичный для черного романа мотив – столкновение героя с коррупцией, беспределом. Воссоздаются нелицеприятные картины воровства и взяточничества, ведется речь о беспорядках, охвативших Россию «после развала Союза» [4. С. 237]. Пессимистически звучат фразы: «В России честный бизнес пока невозможен» [4. С. 127], «Здесь все можно купить. Нигде деньги не стоят так дорого» [4. С. 126], «В России предательство абсо-

¹ Историю взаимоотношений Лизы и Марса можно рассматривать как травестию на роман Рейчел Мэррон и Фрэнка Фармера, чью роль играл К. Костнер.

лютно исключено – никто никому заранее абсолютно не доверяет...» [4. С. 226]. Упадок 1990-х гг. осмысляется в исторической перспективе, утверждается, что «масштабы бесчеловечия» [4. С. 195] выделяют страну на фоне «трусливой Европы» [4. С. 195]; «русские бедны и ожесточены, у них ничего не получается» [4. С. 417]. Однако возмущение персонажей не перерастает в действия. Несмотря на либеральные склонности, положительные герои борются с собственными врагами, а не с нарушителями закона. Даже действия Лизы носят консервативный, охранительный характер – в лучших традициях эстетики масскульта [11. Р. 118].

Еще одной жанровой составляющей «Охоты на ясновидца» является **литература ужасов (хоррор)**. Герои обладают экстрасенсорными способностями: телепатией, ясновидением, прекогницией, лозоходством, криптэстезией, биоинтроскопией и пр. Астральное путешествие во сне, зомбирование, подселение в тела людей и животных, видение внутренним зрением, восприятие информации о событиях прошлого и будущего доступны сразу нескольким персонажам А.В. Королёва. Более того, искусству «проникновения на расстоянии» [4. С. 194] обучают в специальном научном отделе спецразведки.

Одна из самых загадочных героинь «Охоты на ясновидца» – сомнамбула Вера Верёвкина. Пережив в детстве предательство, она отказалась расти и навсегда осталась девятилетней девочкой¹. Злоумышленники возят Веру в чемодане на колесиках, чтобы та помогала им разыскивать Лизу. В состоянии транса девочка-женщина проявляет недюжинную физическую силу и ярость, легко справляется со взрослыми мужчинами. Она именуется рассказчиком «фурией» [4. С. 18], «адской бестией» [4. С. 18], «чертовкой» [4. С. 17], «дьяволом» [4. С. 17] и т.п. Особенно впечатляет контраст между «глубоким зрелым голосом ведьмы и бескровным ротиком» [4. С. 18].

Действия Веры-монстра непонятны, а оттого кажутся еще более зловещими. Ее настроение молниеносно меняется, плач оборачивается смехом, насилие – игрой. «Фурия» легко обнаруживает спрятавшуюся жертву, ее атака неотвратима, подробности ожидания неминуемой расправы изображаются в соответствии с классическим канонem сюжета о «пугающей девочке»: «Сначала я услышал, как близко на площадке хлопнула вагонная дверь. Затем мимо пробежали быстрые шажки босых ног... пронесло! Но нет – она возвращается! Вот рука с чудовищной силой дергает ручку двери снаружи. Раз! Второй! Хлипкий замок не вы-

¹ История напоминает судьбу Оскара Мацерата из романа Г. Грасса «Жестяной барабан».

держивает такого напора, болты лезут из пазов. Три! “Вот ты где прячешься!”» [4. С. 21].

Портрет Веры вызывает чувство брезгливости, а поступки – отвращение, как и предполагается деструктивной эстетикой. Расправа сомнамбулы со случайным встречным, подоспевшим ей на помощь, тому наглядный пример: «“Малышка, чтоб тебя!” – дубина подхватил девочку под мышки, поднял вверх, пытаясь поставить на ноги. <...> вытянув позмеиную шею, исчадь ада дотянулась до лица пассажира и, ощерив рот, сладко ухватила зубами щёку... яростно клацнув зубами, отхватила порядочный кусок живого мяса, прокусив щеку насквозь» [4. С. 20]. За случайным жестом защиты следует новый бросок фурии: Вера отгрызает незнакомцу палец, а потом продолжает игру с Германом. «Сунув пальчики в рот, она достала из-за щеки согнутый кольцом мизинец несчастного и откушенным краем – разогнув суставы – принялась кровью огрызка красить мои губы. Конвульсии омерзения прокатились по телу, от живота к лицу, так гадок был нажим мертвой фаланги...» [4. С. 21].

В «Охоте на ясновидца» действия сразу нескольких героев описываются как одержимость. Вера то становится физически слабой и говорит «печальным хрустальным голоском девочки» [4. С. 94], то выказывает адскую мощь и произносит прокуренной хрипотцой отборные ругательства. Перед нападением зверя квартирная хозяйка Лизы и спасатель на водах Юкко начинают вести себя сходным образом: «Гермина лихорадочно облизнулась, мелькнул красный кончик языка в слюнявой щелке рта...» [4. С. 221]; «Порой он быстро облизывался, а в голубых балтийских глазах вдруг замелькали красные огоньки. Я видела такие же в глазах несчастной Гермины в ту роковую ночь. <...> Его твердые желтые ногти жестко скребли по столешнице, словно когти. Голова втянулась в плечи. Кончики ушей стали заметно подрагивать от каждого громкого звука. Мой милый жуликоватый силач Юкко на глазах превращался в одержимого злом» [4. С. 240]. В довершение картины юноша раздевается и, встав на четвереньки, начинает выть на луну. Необычно иногда ведет себя и сама Лиза: «Я тоже зарычала в ответ и, вцепившись в стальную сетку, которая отделяла от клетки, затрясла ее с нечеловеческой силой. Я вела себя, как одержимая...» [4. С. 553].

Животные (их достаточно много в романе) охотятся на людей и при этом проявляют удивительную прозорливость.

1. Акула: «...неумолимо приближалась, одержимая самим дьяволом. В прозрачной воде хорошо видно, как она слегка то открывает, то сжимает щелястую пасть, предвкушает поживу. Как Бог мог позволить такой беспощадной твари ликовать над пленными жертвами!» [4. С. 177].

2. Волк: «...бесшумно возник на пороге – огромный, страшный, чуткий – и сразу посмотрел вверх прямо в мои глаза. Меня поразил именно этот чисто человеческий взгляд снизу вверх» [4. С. 226]; «В тот миг, когда, стоя на задних лапах и раздирая грудь, волк, мотая мордой, сдирал с лица кожу, зверь показался мне опять человеком, в звериной шкуре, а его страшный укус – поцелуем. Так целует тот, кто одержим сатаной» [4. С. 232].

3. Змея: «Взор змеиных глаз пылал адовой злобой. Но меня тварь словно не замечала, она искала только маэстро» [4. С. 301]; «Исчадь ада совершенно осознанно игнорировала мои нападения, что привело душу в священный трепет» [4. С. 303].

4. Конь: «Жеребец был раскален добела злобой и яростью. Сомнений не оставалось – животное хочет моей смерти» [4. С. 334]; «...этот красавец тоже одержим дьяволом!» [4. С. 333].

5. Пантера: «Она была вольна бежать в любую сторону, но пошла по следу, который оставили капли крови раненой обезьяны» [4. С. 497]; «Зверь с затаенной яростью бежал прямо к нам, не сводя неподвижных магнетических глаз с офицера» [4. С. 512].

6. Павлиан: «Последующие движения павиана отличались какой-то преступной осмысленностью. <...> словно перед нами в меховой кислой шкуре кривлялся какой-то злобный страшный горбун-квазимодо» [4. С. 573]; «...павлиан с хладнокровием садиста протолкнул острие в самую глуть глотки...» [4. С. 573].

Изображаются эти существа в инфернальном ракурсе: «ликующая ледяная пещера кошмара» [4. С. 178], «бесовская морда» [4. С. 179] (акула); «исполинская голова мировой злобы» [4. С. 247], «глаза ада» [4. С. 232] (волк); «сатанинская стрела злобы» [4. С. 302], «исчадь» [4. С. 301], «бестия» [4. С. 303] (змея); «белый дьявол» [4. С. 333], «лунный торс чёрта с красными глазами» [4. С. 334] (конь); «исполинская кошка» [4. С. 512], «дьявольские клыки» [4. С. 553], «огненный взгляд» [4. С. 560] (пантера); «мстительное существо» [4. С. 497], «с сатанинским прыжком» [4. С. 572] (павлиан). И люди, и животные служат орудиями борьбы между богами старого и нового мира. Неудивительно, что в описаниях используется библейская символика.

Столкновение такого количества жанров и типов развлекательной литературы приводит к диссонансу. Явное пародирование клише и штампов перерастает у А.В. Королёва в их косвенное отрицание. Сквозь привычные мотивы и образы проступает философский подтекст. Сосредоточенность автора на слове и знаке позволяет определить «Охоту на ясновидца» как семиотический роман с открытой структурой. Рассмотрение признаков этого романа – задача отдельного исследования.

Список источников

1. Каган М.С. Морфология искусства: историко-теоретическое исследование внутреннего строения мира искусств. Л. : Искусство, 1972. 440 с.
2. Королёв А.В. Змея в зеркале, которое спрятано на дне корзинки с гостинцами, какую несет в руке Красная Шапочка, бегущая через лес по волчьей тропе // Дружба народов. 2000. № 10. С. 14–89.
3. Арпентьева М.Р. Мифические формулы в бульварных романах // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2016. № 3 (12). С. 70–74.
4. Королёв А. Охота на ясновидца. М. : Совместное издательство ЗАО «ЛГ Информэйшн Груп» и ЗАО «Издательский Дом ГЕЛИОС», 1998. 624 с.
5. Маркулан Я.К. Зарубежный кинодетектив. М. : Искусство, 1975. 168 с.
6. Жанры современной литературы (часть 1) // Школа вдохновения : литературные курсы онлайн. URL: <https://school-of-inspiration.ru/zhanry-sovremennoj-literatury-chast-1> (дата обращения: 12.04.2020).
7. Шошина Т.А. Триллер как жанр в американской культуре // Поиск. 2019. № 1 (10). С. 132–137.
8. Семьян Т.Ф., Григорьева М.А. Визуализация в прозе Анатолия Королёва // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Лингвистика. 2012. № 2. С. 38–43.
9. Николаев Д.Д. Детектив // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М. : Интелвак, 2001. Стб. 221–223.
10. Franks R. May I Suggest Murder? An Overview of Crime Fiction for Readers' Advisory Services Staff // Australian Library Journal. 2011. Vol. 60, № 2. P. 133–143.
11. Nevins J. The Evolution of the Costumed Avenger. Santa Barbara, CA : Praeger, 2017. 400 p.

References

1. Kagan, M.S. (1972) *Morfologiya iskusstva: istoriko-teoreticheskoe issledovanie vnutrennego stroeniya mira iskusstv* [Morphology of Art: Historical and Theoretical Study of the Internal Structure of the Art World]. Leningrad: Art.
2. Korolev, A.V. (2000) *Zmeya v zerkale, kotoroe spryatano na dne korzinki s gostintsami, kakuyu neset v ruke Krasnaya Shapochka, begushhaya cherez les cherez les po volch'ey trope* [The snake in the mirror, which is hidden at the bottom of the basket with the gifts, which is carried by Little Red Riding Hood, running through the forest along a wolf trail]. *Druzhba narodov*. 10. pp. 14–89.
3. Arpentieva, M.R. (2016) *Mificheskie formuly v bul'varnykh romanakh* [Mythical formulas in tabloid novels]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniy*. 3. pp. 70–74.
4. Korolev, A.V. (1998) *Okhota na yasnovidtsa* [The Hunt for the Clairvoyant]. Moscow: Joint Publishing House of CJSC LG Information Group and CJSC Publishing House HELIOS.
5. Markulan, Ya.K. (1975) *Zarubezhnyy kinodetektiv* [Foreign Detective Films]. Moscow: Iskusstvo.

6. Gushchina, D. (2018) *Zhanry sovremennoy literatury (chast' 1)* [Genres of modern literature. Part 1]. [Online] Available from: <https://school-of-inspiration.ru/zhanry-sovremennoj-literatury-chast-1> (Accessed: 12th April 2020).

7. Shoshina, T.A. (2019) Triller kak zhanr v amerikanskoj kul'ture [Thriller as a genre in American culture]. *Poisk*. 1(10). pp. 132–137.

8. Semyan, T.F. & Grigorieva, M.A. (2012) Vizualizatsiya v proze Anatoliya Koroleva [Visualization in Anatoly Korolev's prose]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika*. 2. pp. 38–43.

9. Nikolaev, D.D. (2001) Detektiv [Detective]. In: Nikol'yukin, A.N. (ed.) *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. Moscow: Intelvak. Col. 221–223.

10. Franks, R. (2011) May I Suggest Murder? An Overview of Crime Fiction for Readers' Advisory Services Staff. *Australian Library Journal*. 60(2). pp. 133–143.

11. Nevins, J. (2017). *The Evolution of the Costumed Avenger*. Santa Barbara, California: Praeger.

Информация об авторе:

Завьялова Е.Е. – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы Астраханского государственного университета (Астрахань, Россия). E-mail: zavyalovaelena@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.E. Zavyalova, Dr. Sci. (Philology), docent, professor, Astrakhan State University (Astrakhan, Russian Federation). E-mail: zavyalovaelena@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.04.2020;
одобрена после рецензирования 20.03.2021; принята к публикации 09.03.2023*

*The article was submitted 26.04.2020;
approved after reviewing 20.03.2021; accepted for publication 09.03.2023*

Научная статья

УДК 821.111

doi: 10.17223/23062061/31/10

ИСТОРИЯ РЕЦЕПЦИИ ТЕРРИ ПРАТЧЕТТА В РОССИИ

Марина Владимировна Цветкова¹,
Александр Николаевич Кульков²

^{1,2} *Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия*

¹ *mvtsvetkova@hse.ru*

² *akulkov@hse.ru*

Аннотация. Впервые дается обзор ключевых аспектов рецепции Терри Пратчетта в России, этапов его вхождения в отечественную культуру, а также анализ откликов на его творчество массового читателя и читателя профессионального (литературоведов и критиков). Начавшись позднее, в сравнении с другими авторами жанра фэнтези, рецепция этого писателя развивалась стремительными темпами и прошла в своем развитии три основных этапа. Проведенное исследование позволяет говорить о том, что популярность Пратчетта у любителей фэнтези в нашей стране еще не достигла своего пика и находится в стадии активного становления.

Ключевые слова: Т. Пратчетт, рецепция, фэнтези, Плоский мир

Для цитирования: Цветкова М.В., Кульков А.Н. История рецепции Терри Пратчетта в России // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 31. С. 146–163. doi: 10.17223/23062061/31/10

Original article

RECEPTION OF TERRY PRATCHETT IN RUSSIA

Marina V. Tsvetkova¹, Aleksandr N. Kulkov²

^{1,2} *Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russian Federation*

¹ *mvtsvetkova@hse.ru*

² *akulkov@hse.ru*

Abstract. The article aims to trace the history of the entry of Terry Pratchett, a famous British writer in the genre of comic fantasy, into Russian culture. Although Russian scholars have turned to the work of this writer before, studies of his reception in the Russian-language cultural field have not been conducted.

The article considers the issue of reception in different aspects: (1) the publication of novels in Russian, (2) reviews of literary critics, (3) the reader's reaction to Pratchett's novels, (4) the interest of the academic community in the work of the writer. Despite the wide success in his homeland at the end of the 1980s due to the Discworld comic book series, the name of the writer remained virtually unknown to the mass reader until the end of the 1990s in Russia, which was due to the lack of Russian reader's preparation to perceive the works created to parody the fantasy genre. This study allows us to say with confidence that Pratchett's popularity in Russia continues to grow and has not reached its peak yet. Starting later, in comparison with other authors of fantasy, the reception of Pratchett developed at a rapid pace and went through three main stages in its development. At the stage of acquaintance with the author's books, already well-known to the English-speaking world (which began in the mid-1990s), the reception consisted almost solely in the translation of Pratchett's novels into Russian by professional translators and amateur enthusiasts who posted their translations on the Internet. At the next stage (which started in 2004), the translations were supplemented with critical responses and reviews by the columnists of the magazine *The World of Fiction*, which performed both an introductory function and the function of forming the reader's opinion. Along with professional critics, the opinion of the mass reader was spontaneously formed on the Internet. During this period, Pratchett gradually became a cult figure, as evidenced by the reader's excitement associated with his arrival in Russia, the emergence of fan communities and fan-fiction. At the same time, a research field associated with the name of Pratchett began to form in academic circles, which indicates that the author was gradually turning into a classic. The third stage (which began in 2018) was marked by the completion of the publication in Russian of the main Pratchett's books, but the publication of his biographies, previously unpublished short stories, as well as reprints and editions of new translated versions aimed at satisfying the current reader's "communication hunger" with the works of their favourite writer emerged.

Keywords: Pratchett, reception, fantasy, Discworld

For citation: Tsvetkova, M.V. & Kulkov, A.N. (2023) Reception of Terry Pratchett in Russia. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 31. pp. 146–163. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/31/10

Фигура Терри Пратчетта (1948–2015) – английского писателя, работавшего в жанре юмористического фэнтези, является сегодня культовой как в нашей стране, так и за рубежом. Хотя в последние годы отечественные литературоведы все чаще обращаются к творчеству Пратчетта, исследований истории вхождения этого автора в русскую культуру прежде не проводилось, в то время как она представляет отдельный интерес и позволяет пролить свет на особенности рецепции жанра фэнтези в нашей стране в целом.

Под рецепцией в статье, вслед за Ю.М. Лотманом, будет пониматься диалог читателя с текстом, трактуемый в широком смысле как диалог смыслов и культурных контекстов [1. С. 219–220]. Историю выстраивания этого диалога с момента первых публикаций произведений Пратчетта на русском языке до сегодняшнего времени авторы статьи и ставят целью проследить.

Ограничения, накладываемые рамками статьи, позволяют лишь обзорно рассмотреть ключевые аспекты рецепции творчества писателя. Фокус внимания авторов будет сосредоточен на причинах позднего вхождения Пратчетта в отечественную культуру, основных этапах этого вхождения и специфике откликов массового читателя и читателя профессионального (литературоведов и критиков).

Своей широкой популярностью, начавшей стремительно набирать обороты в 80-е гг. XX в. в Европе и США, Пратчетт обязан циклу романов о «Плоском мире», задуманному как пародия на Толкиена и его эпигонов, но переросшему в сатиру на саму действительность. Пока европейский и американский мир зачитывался Пратчеттом, в России писатель оставался неизвестным до середины 90-х гг. прошлого столетия. Обусловлено это было прежде всего тем, что советский читатель, живший за «железным занавесом», не был знаком ни с той действительностью, которую автор высмеивал, ни с пародируемыми им романами.

Сегодня уже невозможно представить литературу без жанра «фэнтези». Только в одном книжном интернет-магазине Amazon предлагается более 60 тысяч произведений этого жанра [2]. Фэнтези, сложившееся как новый жанровый тренд в середине XX в., давно уже вышло за рамки литературы и нашло свои способы выражения в живописи (творчество Фрэнка Фразетта, Бориса Вальехо, Майкла Уэлана, Алана Ли и др.), музыке (группы Blind Guardian, Battlelore, Bal-Sagoth и др.), кинематографе (экранизации «Властелина колец», «Гарри Поттера», «Игры Престолов» и др.), выходящих миллионными продажами видеоиграх (Dragon Age, Baldur's Gate, Final Fantasy и др.).

«Отцом» фэнтези в литературе принято считать Джона Толкиена, романы которого позднее стали для этого жанра прототипическими (хотя хронологически романы Э. Дансени, Р. Говарда и К. Льюиса им предшествовали). Наиболее значительными вехами на пути развития фэнтези можно считать такие циклы, как «Волшебник Земноморья» У. Ле Гуин (начало публикации 1968 г.), «Хроники Амбера» Р. Желязны (начало публикации 1970 г.), «Сага об Элрике» М. Муркока (начало публикации 1972 г.), «Шаннара» Т. Брукса (начало публикации 1977 г.),

«Плоский Мир» Т. Пратчетта (начало публикации 1983 г.), «Гарри Поттер» Дж. Роулинг (начало публикации 1997 г.).

В России бурное развитие фэнтези совпало с началом «перестройки» (конец 80-х – начало 90-х гг. XX в.). В советский период этот жанр не соответствовал идеологизированной социалистической картине мира, строившейся на догматах материализма и научного атеизма. Вера в науку и научно-технический прогресс способствовала распространению и развитию в СССР научной фантастики (преимущественно отечественной). Произведения, которым присущи мистика и иррациональность, жестко отменялись цензурой.

Однако полностью игнорировать набирающий в мире все большую популярность жанр было невозможно. Советские издатели нашли способ публиковать истории про «магов и драконов» под грифом детской «несерьезной» литературы. Первый официальный перевод «Хоббита» (в переводе Н. Рахмановой с иллюстрациями М. Беломлинского) был опубликован в 1976 г. издательством «Детская литература» как сказочная повесть.

Лишь с наступлением перестройки, отказом от коммунистической идеологии и цензуры, фэнтези начинает широко публиковаться в нашей стране. В данный период можно говорить о настоящем буме переводов произведений, написанных в этом жанре: издаются как книги, которые на Западе уже начинают относить к «классике», так и романы-однодневки. Начиная с 1990-х гг. выходят переводы циклов романов Т. Брукса, Р. Желязны, Р. Говарда, У. Ле Гуин, Ф. Лейбера, К. Льюиса, Э. Маккерфи, М. Муркока, А. Сапковского. С 2000 г. стартует публикация цикла романов Джоан Роулинг о Гарри Поттере и ряда других произведений мэтров фэнтезийного жанра. На фоне формирования в России моды на западное фэнтези начинает постепенно развиваться фэнтези отечественное (Н. Перумов, М. Семенова, М. Успенский, Ю. Никитин, С. Лукьяненко, В. Панов и др.).

В данный момент жанр фэнтези продолжает уверенно удерживать лидерские позиции среди переводной и отечественной литературы. Причины сохранения этой популярности множественны: интерес к приключенческой литературе, постоянные киноадаптации книг (часто именно удачная экранизация заставляет зрителя обратиться к книге), разработка видеоигр по мотивам фэнтезийных вселенных.

Творчество Терри Пратчетта смогло по-настоящему войти в русскую культуру только после того, как российский читатель оказался подготовлен к пониманию предметов авторской пародии, а также рассыпанных по его текстам многочисленных аллюзий на литературу, кинемато-

граф и западную культуру в целом. Произошло это не ранее 1997 г. – на пятнадцать лет позже, чем первый роман цикла «Плоский мир» был опубликован на родине писателя.

Знакомство русскоязычного читателя с Пратчеттом прошло несколько этапов. Первую попытку представить писателя на отечественном книжном рынке сделало в 1994 г. издательство «Вагриус», не рискнув, однако, начать с публикаций романов цикла о Плоском мире, а выбрав самостоятельное юмористическое произведение “The Unadulterated Cat” (1989), которое было опубликовано в переводе В. Ланчикова под названием «Кот без дураков».

Через два года издательство «Центрполиграф» издало небольшим тиражом в 10 тысяч экземпляров самостоятельную трилогию «Книги номов». Перевод каждой книги был заказан отдельному переводчику (очевидно, для скорости, чтобы опубликовать все три книги сразу).

Только в 1997 г. крупное издательство «Азбука» взялось за переводы романов о Плоском мире и выпустило первые пять книг: «Цвет волшебства» (The Colour of Magic; 1997), «Творцы заклинаний» (Equal Rites; 1997), «Безумная звезда» (The Light Fantastic; 1997), «Мор – ученик Смерти» (Mort; 1998), «Посох и шляпа» (Sourcery; 1999). Перевод осуществлялся И. Кравцовой и С. Жужуновой. За редактуру всей серии отвечал А.В. Жикаренцев, выступивший также соавтором ряда переводов.

Параллельно с профессиональными переводами в сети Интернет появились первые любительские переводы романов о Диске Сергея Бен-Лева: «В доспехах и с оружием» (Men at Arms; 1997), «Стража! Стража!» (Guards! Guards! 1998). Несмотря на излишний буквализм и вольное обращение переводчика с именами персонажей (капитан Vimes Ваймс стал Бодряком, Carrot Моркоу – Морковкой, капрал Nobbs Шноббс – Валетом), до 2001 г. эти переводы были единственным способом для не владевших английским языком ценителей творчества Пратчетта познакомиться с приключениями Городской Стражи, хотя искушенные читатели называли их «чудовищными» [3], а один из таких читателей остроумно заметил, что «ранние переводы многих навсегда отвадили от Пратчетта, но также выковали истинных его ценителей» [3].

В конце 2000 г. права на перевод произведений Терри Пратчетта перешли крупнейшему в России издательству «Эксмо», которое и по сей день занимается публикацией его произведений. Только за 2000–2001 гг. в рамках серии «Плоский мир» было издано 12 романов Пратчетта на русском (пять из них – переиздание романов, вышедших в «Азбуке», и семь новых) с обложками Дж. Кирби, с которыми выходили британ-

ские издания. Редактурой переводов продолжал заниматься А. Жикаренцев, но состав переводчиков менялся.

С 2002 по 2006 г. «Эксмо» продолжало активно продвигать Пратчетта на отечественном рынке, выпуская в год по 2–3 новых перевода, большинство из которых выполнено Н. Берденниковым (5 романов) и С. Увбарх (4 романа), а также И. Кравцовой и М. Губайдуллиным, переводшими по одному произведению.

Следующим этапом в издании Пратчетта в России можно назвать 2006–2012 гг., когда издательство «Эксмо» закрыло серию «Плоский мир», запустив вместо нее новую – «Терри Пратчетт», которая отличалась от прежней своим оформлением. Теперь книги писателя публиковались в черной твердой обложке с иллюстрациями А.Е. Дубовика. Перезапуск серии привел к замедлению выхода новых переводов. За этот период вышло всего четыре романа в переводе Н. Берденникова (2007 г. – «Пятый элефант» (The Fifth Elephant), 2008 г. – «Правда» (The Truth), 2010 г. – «Вор времени» (Thief of Time), 2011 г. – «Ночная стража» (Night Watch)), в остальном переиздавалось уже опубликованное прежде. Эта пауза спровоцировала появление целой серии любительских переложений на русский язык – настолько сильно было желание читателей Пратчетта прочесть его новые произведения. Пользователи делились своими переводами, публикуя их как полностью, так и фрагментами, выкладываясь по мере их готовности на просторах Интернета и форуме pratchett.org.

Именно в этот период произошло знаковое событие для поклонников Пратчетта в России. В июне 2007 г. издательство «Эксмо» организовало презентацию романа «Пятый элефант» с участием автора. Это был единственный визит писателя в Россию. Он раздавал автографы, давал интервью и выступал перед публикой в Москве и Санкт-Петербурге. О том, насколько уже в то время писатель был популярен в нашей стране, свидетельствует тот факт, что посетители с трудом могли поместиться в зале, заказанном организаторами для встречи, а автограф-сессии заканчивались позже запланированного времени. За несколько дней Пратчетт подписал более двух тысяч романов, дав обещание никого не оставить без автографа. В последний день пребывания в России он вел встречи с компрессом на руке, продолжая подписывать книги, и во время конференции шутливо заметил: «Россия победила Гитлера, Россия поломала Наполеона... и Россия доконала мое запястье» [4].

В рамках своего визита писатель дал глубокое и остроумное интервью журналу «Мир фантастики», которое, несомненно, еще больше увеличило число его поклонников в нашей стране.

В 2012 г. в «Эксмо» состав редакторов и переводчиков, работавших над книгами Пратчетта, изменился, что привело к смене подхода к изданию книг. Если раньше русские версии выходили в той же хронологии, что и оригиналы, то теперь политика заключалась в доведении начатых подциклов до завершения или издания романов, в подциклы не входящих. За 2013–2014 гг. в переводе В.С. Сергеевой были опубликованы романы «Пехотная баллада» (Monstrous Regiment), «Шмяк» (Thud!), «Незримые академики» (Unseen Academicals), «Дело табак» (Snuff). Закрыв подциклы, издательство в 2014–2016 гг. обратилось к циклу “The Long Earth”, написанному Пратчеттом в соавторстве с С. Бакстером, и новым подциклом о Мокрице фон Липвиге и о Тиффани Болен. Первый в переводе Е. Шульги, второй – в переводе Н. Аллуан и С. Лихачевой. Также начался выпуск сопроводительной литературы к «Плоскому миру»: «Полный путеводитель по Анк-Моркпорку» (The Compleat Ankh-Morpork: City Guide) и четыре тома «Науки Плоского мира» (The Science of Discworld).

В 2018 г. в переводе С. Лихачевой под названием «Изумительный Морис и его ученые грызуны» вышел последний неизданный ранее в России роман о Плоском мире “The Amazing Maurice and His Educated Rodents”. С завершением серии издательство, помимо дополнительных тиражей прежних изданий, предприняло переиздание старых романов в мягком переплете. В 2020 г. стартовала публикация еще одной серии с новыми обложками. Перечисленные факты лучше всего свидетельствуют о неугасающем интересе российского читателя к творчеству Пратчетта – ведь книжный рынок чрезвычайно чутко реагирует на потребительские запросы.

Сегодня спрос на романы писателя настолько велик, что в начале 2020 г. издательство «Эксмо» приступило к публикации альтернативных переводов его книг. Первым из них стал “Good Omens”, написанный в соавторстве с Нилом Гейманом. В переводе В. Филиппова он получил название «Добрые предзнаменования» (издание 2012 г. в переводе М. Юркан было озаглавлено «Благие знаменья»). Выбор именно этого романа, вероятно, был обусловлен недавним выходом сериала производства BBC по мотивам книги. Идея имела успех, и на прилавках магазинов стали появляться другие новые переводы романов цикла о Плоском мире, правда, с сохранением прежних названий: «Вещи сестрички» (Wyrd Sisters) в переводе Е. Музыкантовой (2020); «К оружию! К оружию!» (Men at Arms) в переводе М. Сороченко (2021).

О неуклонном росте популярности автора в России свидетельствует и тот факт, что в последние годы на русском языке появляется в год по книге – либо самого Пратчетта, либо связанной с ним и его творчеством:

его биография «Терри Пратчетт. Дух фэнтези» (Terry Pratchett. The Spirit of Fantasy; 2018), написанная К. Кэйбеллом, сборник статей и эссе писателя «Опечатки» (A Slip of the Keyboard: Collected Non-Fiction; 2019), сборник его фантастических рассказов «Мерцание экрана» (A Blink of the Screen: Collected Shorter Fiction; 2021), атлас вселенной Плоского мира (The Compleat Discworld Atals; 2020). Совсем недавно, в августе 2021 г., вышла биография М. Берроуза «Магия Терри Пратчетта» (The Magic of Terry Pratchett).

В то же время в русском переводе творчества писателя еще имеются «белые пятна». Так, его первый роман “The Carpet People” (1971), как это ни удивительно, до сих пор не имеет официального русского перевода, хотя любительская версия О. Колесникова появилась еще в 1998 г., на волне выхода первых романов Пратчетта в России. Также на русском языке пока не опубликованы энциклопедия Плоского мира “The Discworld companion”, карты “The Discworld Mapped”, “A Tourist Guide to Lancre”, “Death’s Domain” и отдельные рассказы, созданные Пратчеттом в начале его карьеры, когда он вел детскую рубрику в журнале.

Немалую роль в «раскручивании» популярности Т. Пратчетта в нашей стране сыграл журнал «Мир фантастики», основанный в 2003 г. и позиционирующий себя как первый в России научно-популярный журнал о «фэнтези и фантастике во всех их проявлениях» (как гласит слоган-подзаголовок, излагающий кредо издания). В журнале публикуются рецензии на книги, фильмы, игры, комиксы, статьи об именитых фантастах, их вымышленных универсумах, о предтечах жанра фэнтези, мифологии, волшебных сказках и фольклоре. Именно через этот журнал многие читатели, не имевшие в те годы доступа к сети Интернет, открывали для себя мир фэнтези, его новинки, среди которых были и книги Т. Пратчетта.

В № 1 (5) «Мира фантастики» за 2004 г. появилась первая статья о Плоском мире регулярного колумниста журнала Б. Невского, в которой кратко обозревались мироустройство Диска, основные подциклы романов и их персонажи. Автор емко и точно сформулировал ключевую особенность полюбившегося читателям всего мира универсума: «Зеркало всех прочих миров – вот истинная суть творения Пратчетта. Вселенная Discworld, ее обитатели и события, происходящие с ними, могут быть абсолютно фантастичны. Но сквозь них проглядывают знакомые черточки, и за лукавой улыбкой автора перед читателем во весь рост встают вполне реальные проблемы нашего мира» [5. С. 52].

В том же году А. Рыбаков для очередного выпуска журнала взял у Пратчетта интервью. В отличие от большинства типичных бесед с писателем, затрагивающих уже написанное и творческие планы, в данном

интервью обсуждался целый калейдоскоп раскрывающих личность писателя вопросов: увлекается ли он видеоиграми, каково его отношение к спорту, что ему менее всего симпатично и в чем он видит главную сложность перевода своих романов. Такое интервью еще более приблизило читателей к любимому автору и не могло не способствовать укреплению интереса к нему.

В конце 2004 г., после публикации «Эксмо» романа «Маскарад» («Maskerade»), в № 12 (16) журнала появился первый обзор, посвященный книге Пратчетта. Его автор В. Пузий очень точно подметил специфику стиля писателя: смешение грустного и смешного, умение говорить о серьезном забавно. В дальнейшем рецензии на издаваемые в России книги английского писателя стали выходить на постоянной основе. К настоящему моменту их опубликовано около тридцати. Авторы хвалят писателя за умение говорить о вечных темах легко, весело и увлекательно [6], «глубокое проникновение в тайны человеческой души, способность к сопереживанию» [7. С. 51], тонкий юмор и иронию, называя его «современным Джонатаном Свифтом» [7. С. 51].

Помимо рецензий на романы в журнале выходят тематические статьи, помогающие систематизировать знания об авторе и его творчестве, а также знакомящие с его вымышленным миром. Так, в статье «Демидург Плоского мира» [7] Б. Невский приводит основные эпизоды биографии Пратчетта, перечисляет его премии и награды, дает полную библиографию его работ на момент публикации и рекомендуемый порядок чтения книг, что при обилии написанного автором существенно облегчает задачу тех, кто только знакомится с его творчеством.

В журнале принята 10-балльная шкала оценивания книг. Русские издания Пратчетта никогда не получали ниже 7 баллов, что свидетельствует о неослабевающей популярности писателя в нашей стране.

Смерть Пратчетта 12 марта 2015 г. послужила импульсом к новому всплеску интереса к нему самому и его творчеству. «Мир фантастики» немедленно откликнулся некрологом [8], а в следующем выпуске целиком посвятил рубрику «классика» произведениям Пратчетта и предложил сделанный с истинно пратчеттовским юмором подробный «туристический путеводитель» по Плоскому миру [9]. Путеводитель открывался небольшим тестом, помогающим читателю определиться с пунктом назначения. Затем следовал рассказ о разных уголках Плоского мира (Агатова империя, Континент XXXX, Убервальд, Анк-Моркпорк и др.), истории государств, их укладе, достопримечательностях, об опасностях, подстерегающих при встрече с местными жителями (например, вампирами Убервальда).

В апреле 2020 г. «Мир фантастики» организовал в честь дня рождения писателя сбор развернутых читательских комментариев о своих любимых произведениях автора, самые интересные из которых были опубликованы на сайте [6].

Стремительный процесс издания русских переводов Пратчетта и просветительская деятельность журнала «Мир фантастики» сделали автора хорошо узнаваемым среди любителей фэнтези в России, в результате у поклонников творчества писателя выросла потребность в дополнительной информации о Плоском мире и самом авторе. Это привело к созданию в 2002 г. первого отечественного сайта disskworldinfo.narod.ru, посвященного творчеству писателя. На сайте пользователи собирали любые доступные им сведения: от биографии автора и переводов романов (как любительских, так и официальных) до иллюстраций и фанфикшн по мотивам Плоского мира.

Однако у читателей была необходимость не только получать информацию о любимом авторе, но и обсуждать его творчество, что привело к созданию в 2005 г. еще одного сайта, pratchett.org, который в дополнение к функционалу первого сайта имел свой форум для общения участников сообщества, где можно было узнать новости о появившихся изданиях, обсудить тонкости перевода, поделиться впечатлениями о прочитанной книге: обсудить мироустройство Диска, персонажей и их эволюцию, поразгадывать интертекстуальные «загадки» и пр.

Данный форум действует и сейчас, хотя не столь активен, как прежде, что связано с переходом пользователей в сообщества социальной сети «ВКонтакте», такие как «Терри Пратчетт – цитаты, книги, обсуждения» (32 120 участников) и «Клуб любителей книг сэра Терри Пратчетта» (8 800 участников). Сегодня к ним добавилось сообщество «Терри Пратчетт & Плоский Мир. Цитаты, афоризмы» (12 540 участников), где выкладываются цитаты из книг писателя, а также ряд других, с гораздо меньшим числом участников.

Помимо профильных сайтов читатели Пратчетта активно делятся своими мнениями на крупнейшем информационном портале «Лаборатория фантастики» (www.fantlab.ru), действующем с 2005 г. Здесь читатели, выступая в роли «рецензентов», имеют возможность писать свои отклики и ставить оценки художественным произведениям по шкале от 1 до 10 баллов. Оценки не регламентируются критериями и носят субъективный характер, что характерно для общения в Интернете в целом. Отзывов с оценкой ниже 5 баллов, обнаруженных на портале, оказалось всего 2,48% от всех откликов. Отрицательные отзывы обычно немногословны и объединены идеей неприятия авторского стиля с его установ-

кой на пародию и насмешливую игру с читателем (*орфография и пунктуация авторов отзывов оставлены без изменений*): «Сюжета нет, смысла нет. Количество “шуток” на единицу текста зашкаливает» (K_Serg, 5 фев. 2008) [10], «Юмор действительно без притензий (*орфография автора отзыва оставлена без изменений*), мне он вообще ничего не дал... я видимо не понял//не увидел//не дорос до него» (Диор, 13 дек. 2007) [10], «прочитал первые три книги и бросил – вообще не понравилось, юмор ниже среднего за редкими исключениями» (just_kidding 3 мая 2008) [10]. Примечательно, что большинство отрицательных откликов оставлено на ранние романы о Плоском мире, в которых пародия выступает ключевым приемом повествования, потому что неприятие произведений Пратчетта частью аудитории могло быть вызвано незнанием объектов пародии. Стоит сказать, что и сам писатель не ценил эти романы особенно высоко. Самый низкий средний балл (7,83) – у первого романа цикла «Цвет волшебства», а самый высокий (8,94) – у романа «Ночная Стража».

Анализ положительных отзывов на романы Пратчетта, которых подавляющее большинство, также позволяет выделить общие черты. Такие отзывы носят более развернутый характер, автора хвалят за остроумие, умение обманывать ожидания читателей, легко и непринужденно вплетать философские размышления, затрагивая вопросы религии, ксенофобии, расизма и пр.: «отличная книга, философская и смешная, отличный образчик творчества Пратчетта» (Din Tomas 4 сент. 2006) [10]; «Сюжет весьма увлекательный и затягивает с первых страниц. И как обычно в книге присутствует непревзойденный юмор» (Vladeness 23 нояб. 2006) [10]; «это королевство кривых зеркал, показывающих все в истинном свете» (Мисс Марпл, 3 янв. 2008) [10]; «здесь отличный юмор – местами искрометный, местами тонкий до безобразия, а местами настолько яркий, что очень тяжело остаться спокойным» (ekerlostw, 24 июня 2016) [10]; «увидел много аналогий с нашим современным миром. Вот здесь и стало грустно. Все-таки парадоксальная книга – при всем юморе история весьма не весела» (SAM77, 19 июня 2009) [10]. Нельзя не отметить, что читательская реакция во многом совпадает с рецензиями колумнистов «Мира Фантастики».

Появление почитателей творчества Пратчетта не могло не вызвать возникновения фанфиков – вольных продолжений прочитанных романов, написанных самими читателями и развивающих сюжеты романов «Плоского мира». С момента создания сайта pratchett.org форумчане начинают делиться собственным творчеством на нем, а позднее – на ficbook.net и других сайтах, для этого предназначенных. Авторы пыта-

ются подражать стилю Пратчетта, наполняя свои сочинения комическими эпизодами, каламбурами и интертекстуальными включениями. Жанровый формат фанфиков обширен: стихотворения, мини-пьесы, анекдоты, дневники, рассказы разного объема. Как правило, авторы берут полубившихся героев Диска и показывают эпизоды из их жизни, заполняющие временные лакуны между романами (встречи Ваймса с Витинари, романтические отношения Моркоу и Ангвы и др.). Однако существует немало фанфиков, события которых противоречат сюжетным линиям оригинальных романов (например, пейринг Ваймса и Витинари) или представляют собой кроссоверы (Ринсвинд попадает в НИИЧАВО Стругацких).

Появление фанфиков свидетельствует о том, что автор и его произведения не просто нашли в нашей стране своего читателя, но глубоко вошли в его сознание: читатель живет историями, рассказанными Пратчеттом, он жаждет их бесконечного продолжения.

Если к отечественным читателям романы Терри Пратчетта пришли еще в середине 1990-х гг., то в научной среде произведения писателя материалом исследования стали значительно позже. Это объясняется общим малым интересом исследователей к жанру фэнтези до начала двухтысячных. В это время только начинают выходить первые статьи и диссертации по отдельным аспектам фэнтези, а также его классическим представителям, таким как К. Льюис и Д. Толкиен [11–17].

Работы, посвященные творчеству Т. Пратчетта, стали появляться с 2009 г. В отличие от англоязычного мира, где в связи с творчеством писателя поднимают вопросы, связанные с гендером, феминизмом, влиянием фольклора и мифа, пародийным элементом романов о Плоском мире [18–20], в России исследователи обращаются преимущественно к проблемам перевода произведений Пратчетта, наиболее существенными среди которых обычно считаются вопросы о переводе интертекстуальных включений [21], приемах перевода комического [22], игры слов [23], прецедентных имен [24]. Повышенный интерес исследователей к переводам романов Пратчетта вполне логичен, поскольку весь его художественный мир построен на пародии, игре с ожиданиями читателей, выстроенной на распознавании и понимании различных форм интертекстуальных включений, и языковой игре, характерной для британского юмора. Все это становится настоящим вызовом для переводчиков, от которых требуется не просто перекодировать текст с одного языка на другой, но и суметь сохранить изначальный авторский замысел, функции тех или иных элементов текста.

Другая группа авторов обращается к вопросам текстообразующего потенциала интертекстуальных включений в романах цикла «Плоский мир», которые действительно сложны, многообразны, нередко носят сюжетообразующий характер и составляют саму суть художественного мира Пратчетта [25–27].

Третья группа исследований связана с выявлением британского комического лингвокультурного кода [28] и изучением репрезентации ключевых концептов романов писателя (life, death, afterlife; конструирование образа зла) [29, 30]. Эти вопросы, в свою очередь, нередко опять возвращают исследователей, занимающихся Пратчеттом, к проблеме перевода его произведений, проникнутых духом «английскости» с его повышенной концентрацией юмора и языковой игры, на русский язык

Таким образом, популярность Пратчетта у отечественных любителей фэнтези, пройдя в своем развитии к настоящему моменту три периода, не ослабевает и, вполне вероятно, еще не достигла своего пика. Под пиком популярности предлагается понимать тот этап вхождения автора в культуру, когда все доступные эпохе аспекты рецепции оказываются одновременно максимально проявлены. В случае с Пратчеттом, чье вхождение в русскую культуру происходит в цифровую эпоху, это официальные и любительские переводы, отклики профессиональных читателей, существующие в виде диссертационных исследований, монографий, беллетризованных биографий автора, а также экранизации и разного рода адаптации и художественные переосмысления произведений писателя (такие как, например, фанфики). Сюда же можно отнести число покупаемых бумажных и электронных изданий автора и численность пользователей фанатских сайтов и групп в соцсетях, связанных с его творчеством.

Начавшись позднее, в сравнении с другими авторами жанра фэнтези, по причине того, что именно набор определенной критической массы известных русскому читателю произведений этого жанра сделал возможным появление массового интереса к творчеству Пратчетта, важную роль в котором играет пародийный элемент, рецепция этого писателя развивалась стремительными темпами и прошла в своем развитии три основных этапа.

На раннем, начавшемся в середине 90-х гг. прошлого века, этапе знакомства с уже хорошо известными англоязычному миру книгами автора, рецепция заключалась почти исключительно в переводе его произведений на русский язык (причем как профессиональными переводчиками, так и энтузиастами-любителями, размещавшими свои переводы в сети).

На следующем этапе, начавшемся в 2004 г., к переводам добавились критические отклики и обзоры колумнистов журнала «Мир фантастики», которые выполняли как ознакомительную функцию, так и функцию формирования читательского мнения. Наряду с профессиональными критиками в сети стихийно формировалось мнение массового читателя. В этот период фигура Пратчетта постепенно становится культовой, о чем свидетельствует читательский ажиотаж, связанный с его приездом в Россию, а также появление фанатских сообществ и фанфиков, свидетельствующих о том, что произведения писателя стали хорошо известны широкому кругу читателей. Именно в этот период в профессиональной литературоведческой среде начинает формироваться исследовательское поле, связанное с именем Пратчетта. Обращение к автору академической науки означает, что тот начинает постепенно превращаться в классика.

Третий этап, начавшийся в 2018 г., ознаменовался тем, что после смерти писателя и завершения публикаций на русском языке основных книг, им написанных, наступила эпоха изданий его биографий, мелких неизданных прежде произведений, а также переизданий и изданий новых переводческих версий, нацеленных на то, чтобы удовлетворить существующий сегодня читательский голод на «общение» с произведениями любимого писателя.

Список источников

1. Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров : статьи, исследования, заметки (1968–1992). СПб. : Искусство, 2004. 703с.
2. Ассортимент книг в жанре фэнтези на сайте Амазон. URL: https://www.amazon.com/s?k=fantasy&rh=n%3A17&ref=nb_sb_noss (дата обращения: 15.08.2021).
3. Отзывы читателей о переводах Сергея Бен-Лева. URL: <https://ru-pratchett.livejournal.com/242377.html?page=2> (дата обращения: 16.08.2021).
4. Отзывы посетителей автограф-сессии о встрече с Терри Пратчеттом URL: https://vk.com/wall-48013098_26015 (дата обращения: 10.08.2021).
5. Невский Б. Самый плоский из миров. Вселенная и герои Терри Пратчетта // Мир фантастики. 2004. № 1. С. 52–55.
6. Комментарии читателей, авторов и редакторов «Мира фантастики» о творчестве Пратчетта. URL: <https://www.mirf.ru/book/kogda-sommevaeshsya-vybiraj-zhizn-priznauomsya-v-lyubvi-k-pratchettu/> (дата обращения: 05.08.2021).
7. Невский Б. Демиург Плоского мира Терри Пратчетт // Мир фантастики. 2009. № 12. С. 47–51.
8. Владимирский В. Не можешь победить – смейся. Памяти Терри Пратчетта // Мир фантастики. 2015. № 4. С. 6–7.
9. Луговская Т. Объемный мир Терри Пратчетта. Туристический путеводитель по Плоскому миру // Мир фантастики. 2015. № 5. С. 8–17.

10. Отзывы читателей сайта «Лаборатория фантастики» на романы Т. Пратчетта URL: <https://fantlab.ru/autor63/responses?page=all> (дата обращения: 25.07.2021).

11. Гоголева С.А. Другие миры: традиции и типология жанра фэнтези // Наука и образование. 2006. № 3. С. 85–88.

12. Мисник М.Ф. Лингвистические особенности аномального художественного мира произведений жанра фэнтези англоязычных авторов : дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2006. 159 с.

13. Плотникова С.Н. Концептуальный стандарт жанра фэнтези // Жанры речи : сб. ст. Саратов, 2005. С. 262–273.

14. Помогалова Н.В. Фэнтези и социализация личности: социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2006. 157 с.

15. Приходько А.М. Жанр «фэнтези» в литературе Великобритании: проблема утопического мышления : дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 199 с.

16. Третьякова Е.А. Фольклорно-мифологический импликационал художественного текста как проблема перевода: на материале произведений Дж. Р.Р. Толкина : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 340 с.

17. Штейнман М.А. Поэтика английской иносказательной прозы XX века: Дж.Р. Р. Толкиен и К.С. Льюис : дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 224 с.

18. Held J., South J. Philosophy and Terry Pratchett. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2014. 328 p.

19. Pyykkonen C., Washington L. Secrets of The Wee Free Men and Discworld: The Myths and Legends of Terry Pratchett's Multiverse. New York : St. Martin's Griffin, 2008. 288 p.

20. Smith K.P. The Postmodern Fairy Tale: Folkloric Intertexts in Contemporary Fiction. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2007. 198 p.

21. Игнатович М.В. Культурная адаптация интертекстуальных включений при переводе произведений английской литературы XX века: на материале романов Т. Пратчетта и их переводов на русский язык : дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 168 с.

22. Столярова И.А. Некоторые особенности перевода комического в литературе жанра фэнтези: на материале произведений Т. Пратчетта : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 181 с.

23. Крюкова Е.В. Игра слов и перевод, или Игры, в которые играют переводчики (на материале романа Терри Пратчетта «Ноги из глины») // Перевод – мост между мирами : сб. ст. М., 2019. С. 39–49.

24. Воскресенская Е.Г. Интертекстуальные имена собственные как переводческая проблема // Омские научные чтения – 2020 : сб. ст. Омск, 2020. С. 1091–1096.

25. Тананыхина А.О., Афанасьева Е.Г. Textoобразующий потенциал категории интертекстуальности в романах Терри Пратчетта // Научное мнение. 2014. № 9. С. 176–182.

26. Дьяконова Е.С. Textoобразование английского пародийного фэнтези Т. Пратчетта // Дискуссия. 2011. № 10. С. 166–169.

27. Чеклецова Е.И. Аллюзии как проявление интертекстуальности в произведениях Терри Пратчетта // Языковое образование сегодня – векторы развития : сб. ст. Екатеринбург, 2015. С. 166–172.

28. Вержинская И.В. Лингвокультурологический анализ британской и американской юмористической фэнтези (на материале произведений Т. Пратчетта и Ш. Теппер) : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2012. 174 с.

29. Бакиев А.Г. Лингвосинергетическая интерпретация метафорики Т. Пратчетта (на материале произведений из цикла «Плоский мир») : дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2015. 205 с.

30. Юдина О.И. Паразитическая метафора в конструировании образа зла в творчестве Т. Пратчетта (на материале романов из серии “Discworld”) // Вестник Московского университета. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 186–192.

References

1. Lotman, Yu. M. (2004) *Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov: Stat'i. Issledovaniya. Zametki* (1968–1992) [Semiosphere. Culture and Explosion. Inside the Thinking World: Articles. Research. Notes (1968–1992)]. St Petersburg: Iskusstvo.

2. Amazon.com. (n.d.) *Range of Books in the Genre of Fantasy*. [Online] Available from: https://www.amazon.com/s?k=fantasy&rh=n%3A17&ref=nb_sb_noss (Accessed: 15th August 2021).

3. Livejournal.com. (n.d.) *Otzyvy chitateley o perevodakh Sergeya Ben-Leva* [Readers' comments on Sergei Ben-Lev's translations]. [Online] Available from: <https://ru-pratchett.livejournal.com/242377.html?page=2> (Accessed: 16th August 2021).

4. VK.com. (n.d.) *Otzyvy posetiteley avtograf-sessii o vstreche s Terri Pratchettom* [Feedback from attendees of the autograph session about the meeting with Terry Pratchett]. [Online] Available from: https://vk.com/wall-48013098_26015 (Accessed: 10th August 2021).

5. Nevskiy, B. (2004) Samyy ploskiy iz mirov. Vseleennaya i geroi Terri Pratchetta [The flattest of the worlds. Terry Pratchett's universe and heroes]. *Mir Fantastiki*. 1. pp. 52–55.

6. Mirf.ru. (n.d.) *Kommentarii chitateley, avtorov i redaktorov "Mira fantastiki" o tvorcheshtve Pratchetta* [Readers, authors and editors of “Mir fantastiki” comments on Pratchett's work]. [Online] Available from: <https://www.mirf.ru/book/kogda-somnevaeshsya-vybiraj-zhizn-priznayomsya-v-lyubvi-k-pratchettu/> (Accessed: 5th August 2021).

7. Nevskiy, B. (2009) Demiurg Ploskogo mira. Terry Pratchett [Discworld Demiurge Terry Pratchett]. *Mir Fantastiki*. 12. pp. 47–51.

8. Vladimирskiy, V. (2015) Ne mozhesh' pobedit' – smeysya. Pamyati Terri Pratchetta [If you cannot win – laugh. In memory of Terry Pratchett]. *Mir Fantastiki*. 4. pp. 6–7.

9. Lugovskaya, T. (2015) Ob'emnyy mir Terri Pratchetta. Turisticheskiy putevoditel' po Ploskomu miru [Terry Pratchett's extensional world. A travel guide to the Discworld]. *Mir Fantastiki*. 5. pp. 8–17.

10. Fantlab.ru. (n.d.) *Otzyvy chitateley sayta "Laboratoriya fantastiki" na romany T. Pratchetta* [“FantLab” readers' reviews on T. Pratchett's novels]. [Online] Available from: <https://fantlab.ru/autor63/responses?page=all> (Accessed: 25th July 2021).

11. Gogoleva, S.A. (2006) Drugie miry: traditsii i tipologiya zhanra fentezi [Other worlds: traditions and typology of the fantasy genre]. *Nauka i obrazovanie*. 3. pp. 85–88.

12. Misnik, M.F. (2006) *Lingvisticheskie osobennosti anomal'nogo khudozhestvennogo mira proizvedeniy zhanra fentezi angloyazychnykh avtorov* [Linguistic features of the

anomalous artistic world of fantasy by English-speaking authors]. Philology Cand. Diss. Irkutsk.

13. Plotnikova, S.N. (2005) Kontseptual'nyy standart zhanra fentezi [The conceptual standard of the fantasy genre]. In: Goldin, V.E. (ed.) *Zhanry rechi* [Speech Genres]. Saratov: Kolledzh. pp. 262–273.

14. Pomogalova, N.V. (2006) *Fentezi i sotsializatsiya lichnosti: sotsial'no-filosofskiy analiz* [Fantasy and socialization of personality: socio-philosophical analysis]. Philosophy Cand. Diss. Omsk: Omsk State University.

15. Prikhodko, A.M. (2001) *Zhanr "fentezi" v literature Velikobritanii: problema utopicheskogo myshleniya* [The fantasy genre in British literature: The problem of utopian thinking]. Philology Cand. Diss. Moscow: MSRP.

16. Tretyakova, E.A. (2006) *Fol'klorno-mifologicheskii implikatsional khudozhestvennogo teksta kak problema perevoda: na materiale proizvedeniy Dzh. R.R. Tolkina* [The folklore-mythological implication of a literary text as a problem of translation: Based on the works of J.R.R. Tolkien]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

17. Shteynman, M.A. (2000) *Poetika angliyskoy inoskazatel'noy prozy XX veka: Dzh.R. R. Tolkien i K.S. L'yuis* [The Poetics of English Allegorical Prose of the 20th Century: J.R. R. Tolkien and C.S. Lewis]. Philology Cand. Diss. Moscow: RSUH.

18. Held, J. & South, J. (2014) *Philosophy and Terry Pratchett*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

19. Pyykkonen, C. & Washington, L. (2008) *Secrets of The Wee Free Men and Discworld: The Myths and Legends of Terry Pratchett's Multiverse*. New York: St. Martin's Griffin.

20. Smith, K.P. (2007) *The Postmodern Fairy Tale: Folkloric Intertexts in Contemporary Fiction*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

21. Ignatovich, M.V. (2011) *Kul'turnaya adaptatsiya intertekstual'nykh vkluycheniy pri perevode proizvedeniy angliyskoy literatury XX veka: na materiale romanov T. Pratchetta i ikh perevodov na russkiy yazyk* [Cultural adaptation of intertextual inclusions in the translation of English literature of the 20th century: novels by T. Pratchett and their Russian translations]. Philology Cand. Diss. Moscow: Moscow State University.

22. Stolyarova, I.A. (2009) *Nekotorye osobennosti perevoda komicheskogo v literature zhanra fentezi: na materiale proizvedeniy T. Pratchetta* [Some features of the translation of the comic in fantasy literature: The works by T. Pratchett]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

23. Kryukova, E.V. (2019) Igra slov i perevod, ili igry, v kotorye igrayut perevodchiki (na materiale romana Terri Pratchetta "Nogi iz gliny") [Play on words and translation, or games played by translators (based on Terry Pratchett's novel "Feet of Clay")]. In: Semenyuk, E.V. (ed.) *Perevod – most mezhdu mirami* [Translation – A Bridge Between Worlds]. Moscow: HSE. pp. 39–49.

24. Voskresenskaya, E.G. (2020) Intertekstual'nye imena sobstvennyye kak perevodcheskaya problema [Intertextual proper names as a translation problem]. In: Prudnikov, P.V. et al. (eds) *Omskie nauchnye chteniya* [Omsk Academic Readings]. Omsk: Omsk State University. pp. 1091–1096.

25. Tananykhina, A.O. & Afanasieva, E.G. (2014) Tekstoobrazuyushchii potentsial kategorii intertekstual'nosti v romanakh Terri Pratchetta [Text-forming potential of intertextuality in Terry Pratchett's novels]. *Nauchnoe mnenie*. 9. pp. 176–182.

26. Dyakonova, E.S. (2011) Tekstoobrazovanie angliyskogo parodiynogo fentezi T. Pratchetta [Text formation of English parody fantasy by T. Pratchett]. *Diskussiya*. 10. pp. 166–169.

27. Chekletsova, E.I. (2015) Allyuzii kak proyavlenie intertekstual'nosti v proizvedeniyakh Terri Pratchetta [Allusions as a manifestation of intertextuality in the works by Terry Pratchett]. In: *Yazykovoe obrazovanie segodnya – vektory razvitiya* [Language Education Today – Vectors of Development]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. pp. 166–172.

28. Verzhinskaya, I.V. (2012) *Lingvokul'torologicheskii analiz britanskoj i amerikanskoj yumoristicheskoy fentezi (na materiale proizvedeniy T. Pratchetta i Sh. Tepper)* [Linguoculturological analysis of British and American comic fantasy (based on the works of T. Pratchett and S. Tepper)]. Philology Cand. Diss. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University.

29. Bakiev, A.G. (2015) *Lingvosinergeticheskaya interpretatsiya metaforiki T. Pratchetta (na materiale proizvedeniy iz tsikla "Ploskiy mir")* [Linguosynergetic interpretation of T. Pratchett's metaphor (based on works from the book-series "Discworld")]. Philology Cand. Diss. Ufa: Bashkir State University.

30. Yudina, O.I. (2019) Paraziticheskaya metafora v konstruirovanii obraza zla v tvorchestve T. Pratchetta (na materiale romanov iz serii "Discworld") [Vermin conceptual metaphor in constructing the image of evil in T. Pratchett's literary works]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 3. pp. 186–192.

Информация об авторах:

Цветкова М.В. – доктор филологических наук, декан факультета гуманитарных наук, профессор департамента литературы и межкультурной коммуникации НИУ ВШЭ – Нижний Новгород (Нижний Новгород, Россия). E-mail: mvtsvetkova@hse.ru

Кульков А.Н. – преподаватель департамента иностранных языков НИУ ВШЭ – Нижний Новгород (Нижний Новгород, Россия). E-mail: akulkov@hse.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.V. Tsvetkova, Dr. Sci. (Philology), dean of the Faculty of Humanities, professor, Higher School of Economics – Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: mvtsvetkova@hse.ru

A.N. Kulkov, lecturer, Higher School of Economics – Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: akulkov@hse.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.09.2021;
одобрена после рецензирования 15.05.2022; принята к публикации 09.03.2023*

*The article was submitted 20.09.2021;
approved after reviewing 15.05.2022; accepted for publication 09.03.2023*

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия
УДК 821.111
doi: 10.17223/23062061/31/11

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ
«ОМСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ АВАНГАРД 1920-х годов.
ПОЭТЫ “ЧЕРВОННОЙ ТРОЙКИ”: СТИХОТВОРЕНИЯ,
ПОЭМЫ» (СОСТ., ПОДГОТ. ТЕКСТОВ, КОММЕНТ.
Ю.П. ЗАРОДОВОЙ; АВТ. ВСТУПИТ. СТ. Ю.П. ЗАРОДОВА,
И.Г. ДЕВЕТЬЯРОВА (НАУЧ. РЕД.). ОМСК:
ОМСКБЛАНКИЗДАТ, 2021. 356 с.)**

**Наталья Евгеньевна Ерофеева¹,
Людмила Владимировна Кипнес²**

*^{1, 2} Российский государственный гидрометеорологический университет,
Санкт-Петербург, Россия*

¹ natali-erof@yandex.ru

² ksludmila@yandex.ru

Аннотация. Дается обзор сборника, посвященного творчеству поэтов омского литературного авангарда 1920-х гг., представителей «Червонной тройки», впервые представляющего читателям ранее не опубликованные стихотворения и поэмы 28 поэтов, для которых омский период предопределил их жизненный и творческий путь. В сборник включены фотографии поэтов, биографические справки, фотокопии отдельных автографов, документов, рукописей. Материал привлекает новизной, внимательным отношением составителей к источникам.

Ключевые слова: авангард, футуризм, поэт, стихотворение, литературный, автограф, омский период, культура, литературная группа

Для цитирования: Ерофеева Н.Е., Кипнес Л.В. Рецензия на книгу «Омский литературный авангард 1920-х годов. Поэты “Червонной тройки”: стихотворения, поэмы» (сост., подгот. текстов, коммент. Ю.П. Зародовой; авт. вступит. ст. Ю.П. Зародова, И.Г. Деветьярова (науч. ред.). Омск: Омскбланкиздат, 2021. 356 с.) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 31. С. 164–171. doi: 10.17223/23062061/31/11

REVIEWS

Review

BOOK REVIEW: ZARODOVA, YU.P. & DEVETIAROVA, I.G. (EDS) (2021) *OMSKIY LITERATURNYY AVANGARD 1920-KH GODOV. POETY "CHERVONNOY TROYKI": STIKHOTVORENIYA, POEMY [OMSK LITERARY AVANT-GARDE OF THE 1920S. POETS OF THE CHERVONNAYA TROIKA: POEMS]. OMSK: OMSKBLANKIZDAT*

Natalia E. Erofeeva¹, Ludmila V. Kipnes²

^{1, 2} *Russian State Hydrometeorological University, St. Petersburg, Russian Federation*

¹ *natali-erof@yandex.ru*

² *ksludmila@yandex.ru*

Abstract. The article reviews the collected works of the poets of Omsk literary avant-garde of the 1920s, representatives of the Chervonnyaya Troika. For the first time, readers and experts have an opportunity to become acquainted with the previously unpublished verses and poems by 28 poets, for whom the period of Omsk was a landmark, which determined their life and creative path. The collection, which includes the poets' photographs, biographical information, photocopies of individual autographs, documents and manuscripts, has become a notable phenomenon in the academic and cultural life. The material is attractive because of its novelty, thoughtfulness, and careful attention to sources. The introductory article focuses attention on important aesthetic issues of the works of Omsk futurist poets, such as L. Martynov, V. Shebalin, V. Ivanov, and others. A rather detailed article by Yu.P. Zarodova and I.G. Devetiarova, "Dreamers, Fantasisists, Futurists ...", that opens the collection acquires academic significance. This work examines the history of the formation and development of the literary group Chervonnaya Troika in Omsk in the historical and cultural context of the time and cites responses published in newspapers, diaries and archival records of the group participants. Particularly significant among them are the notes of Anatoly Sorokin, who collected not only paintings, but also poems of writers who were part of the Chervonnaya Troika. Despite the loss of some autographs, most of them are preserved in his archive, which was used for compiling the collection. The material is structured in such a way that the reader receives full information about the poet, including photos and a brief biographical reference. Verses and poems are published, and commentaries specify dates of the first publications, give variants of texts and exact archival data with the indication of sources of poetic texts, which considerably raises the academic level of the collection. The chronological table of the literary life of Omsk in 1920–1928 and photographs of manuscripts and documents that greatly expand the idea of the literary

phenomenon to which the collection is dedicated became a real decoration of the book. The book is useful, thoughtful and necessary for the modern researcher, student and reader because it clarifies the idea of the literary process in Russia in the early twentieth century, opens new names, includes Omsk avant-garde in the general context of aesthetic quests by poets, writers and artists of this period as an integral part.

Keywords: avant-garde, futurism, poet, poem, literary, autograph, culture, Omsk period, literary group

For citation: Erofeeva, N.E. & Kipnes, L.V. (2023) Book review: Zarodova, Yu.P. & Devetiarova, I.G. (eds) (2021) *Omskiy literaturnyy avangard 1920-kh godov. Poety "Chervonnoy troyki": stikhotvoreniya, poemy* [Omsk Literary Avant-Garde of the 1920s. Poets of the Chervonnaya Troika: Poems]. Omsk: Omskblankizdat. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 31. pp. 164–171. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/31/11

В 2021 г. опубликован сборник стихотворений и поэм, включающий материалы из личных архивных фондов А.С. Сорокина и Л.Н. Мартынова. Ценность его определяет содержание, с которым впервые познакомился отечественный читатель, – ранее не опубликованные стихотворения и поэмы представителей омской футуристической литературно-художественной группы «Червонная тройка». Составители сборника отмечают неоднородность группы, в состав которой входили не только приверженцы футуризма, но и те, кто увлекался акмеизмом или парнасцами [1. С. 16], а также те, кто держался особняком. Несмотря на это, Ю.П. Зародова и И.Г. Деветьярова, авторы вступительной статьи, отмечают единство подхода к отражению мира поэтов «Червонной тройки». Они представляют концепцию творчества, уточняют отдельные моменты развития поэтической группы. Вводная статья акцентирует внимание на персональной модели каждого из поэтов, вносит заметный вклад в критическое осмысление культурного явления, к которому, безусловно, можно отнести омский литературный авангард 1920-х гг.

Уже в самом начале вступительной статьи, озаглавленной «Мечтатели, фантасты, футуристы...», становится понятным, что перед читателем книга об эстетических поисках молодых авторов начала прошлого века, которых называли «омскими проказниками» [1. С. 3]. Творчество поэтов литературной группы показано в контексте откликов газет, воспоминаний, оценок самих участников группы на различные творческие проекты того времени, включая выставки 1921 и 1922 гг. Художники и поэты, вдохновленные идеями преобразования мира, подобно В. Уфимцеву или Б. Жезлову, активно искали новые формы, играли с цветом, с восторгом принимали все революционные преобразования. Наряду с ними в центре

внимания оказывается А. Сорокин, «плодовитый писатель-дилетант... с характерной поэтикой “провинциального декаданса”» [1. С. 3], ставший одним из авторов литературных мистификаций, авантур, отразивших его философские и литературно-теоретические мысли. Биографические факты, подтверждающие это, интересны, отчасти забавны, но главное – они свидетельствуют о творческой личности поэта, удивительной энергии организатора и сподвижника всего нового и нестандартного. Все они привлекают внимание к Омску как новой литературной столице времени.

Дом А. Сорокина стал своеобразным культурным центром, местом притяжения «залетных поэтов-беженцев» [1. С. 4], а сам писатель, по замечанию авторов вступительной статьи, собрал редкую коллекцию автографов сибирских писателей» [1. С. 4]. Сегодня она является достоянием Государственного архива Омской области. Роль А. Сорокина подметил Вс. Иванов, когда писал об омском периоде:

В Египте – Бог Апис,

В Омске – Сорокин...

От вечного к вечному нить [1. С. 30].

И структура сборника, как путеводитель по именам, творческим лабораториям, полным художественных и эстетических исканий, мыслей молодых и дерзких авторов начала XX в., вполне соответствует духу литературной группы. Что не менее ценно, так это фотографии, которые сами по себе красноречиво свидетельствуют о личности поэтов, и краткие биографические очерки, позволяющие читателю впервые или заново открыть их имена в литературе, а исследователю – уточнить отдельные факты. Неслучайно достаточно подробно рассказывается и о рождении названия группы, потому что требовалось отделиться от других представителей новейших течений в литературе, также популярных в Омске того времени, – символистов, неосимволистов, имажинистов [1. С. 15].

Просветительские и научные задачи обуславливают в целом всю книгу. Она строится на основе источников поэтических текстов из архивов А.С. Сорокина, личного архива поэта Л.Н. Мартынова. Авторы вступительной статьи точно указывают, что получено, например, от хранительницы архива Л.Н. Мартынова Л.В. Суховой, – «большой корпус юношеских стихов Леонида Мартынова, его брата Николая Мартынова, Николая Калмыкова, а также стихи Эраста Чайникова – выдуманного персонажа коллективной игры в духе Козьмы Пруткова, за которым скрывались три вышеперечисленных поэта и Виссарион Шебалин» [1. С. 19]. Уточняется местоположение текстов, включая

название папки, указывается, что многие тексты были аккуратно переписаны красивым почерком автора архива.

Особо оговаривается биобиблиографическая база, на основе которой писались биографические справки, указываются источники фотографий для иллюстраций – РГАЛИ, Государственный литературно-мемориальный музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме, ООМИИ им. М.А. Врубеля, ОГЛМ им. Достоевского, ОГИК музея, архив КФУ, личный архив Л.Н. Мартынова, частные собрания [1. С. 20]. Эта информация обязательно будет востребована специалистами, как и хроника литературной жизни Омска (1920–1928), помещенная в приложении к сборнику [1. С. 278], и фотографии документов, рукописей [1. С. 299]. Такая скрупулезность и аккуратность в подаче источников вызывает уважение и придает книге научную значимость.

Традиционный текстологический комментарий, который обычно присутствует в подобного рода сборниках, пофамильно в конце книги представляет каждого поэта, подчеркивая уникальность материала. Здесь и сохранившийся журнал «Сибирский студент» за 1915 г., и автограф с пометкой, где и когда был опубликован текст. И это тоже интересно, потому что стихи датируются и 1917, 1918, 1922, и 2010, 2018, 2019 гг., а некоторые публикуются впервые в 2021 г., о чем свидетельствует архивная запись, как, например, «Земля» А. Оленича-Гнененко или «Черные реки» И. Славнина, «Мы-поэты», «Я одинок в безумии...» Н. Аренса и др.

Важное значение приобретают в комментариях страницы, посвященные сравнению разных редакций автографа и / или уже опубликованного текста, как в случае со стихотворением «Отель под Луной» Н. Калмыкова [1. С. 262]: печатается как вариант к тексту «В hotel'Ъ "Под Луной" a la Rimbaud» (в подражание Рембо. – *Н.Е., Л.К.*) [1. С. 161]. Это важно и потому, что мы узнаем, как меняется смысл, выстраивается образ, как решается главная тема стихотворения и уточняются смыслы строф. Для исследователя сборник выполняет сразу несколько функций, и неслучайно он вызвал много положительных откликов сразу после выхода в свет.

Среди имен поэтов, ставших впоследствии знаменитыми писателями, подобно Вс. Иванову или основателю русского футуризма Д. Бурлюку, но не забывших время работы в Омске, перед читателем открывается ряд новых имен, творчество которых расширяет наши представления о поэзии авангарда и в целом о поэзии Серебряного века, – Н. Ингер, Б. Мельников, П. Судьин и др.

Сборник доказывает открытость литературного пространства начала 20-х гг. XX в., объективность тех эстетических исканий, которыми про-

низано творчество писателей России в тот период, как и универсальность идеологических споров вокруг поэзии футуристов. В своем предисловии Ю.П. Зародова и И.Г. Девятьярова более подробно останавливаются на сложных отношениях отдельных поэтов с новой властью. В качестве примера говорят о поэте Н. Калмыкове: «Внешне он был благополучным подростком, неистово увлеченным литературой и сочинительством. Заметное влияние на Калмыкова оказала поэзия Н.С. Гумилева и Г.В. Маслова... Среди поэтического наследия Калмыкова сохранилось шесть циклов. Их названия “кричат” о том, что автор чувствует себя неуютно в новой действительности: “Колчаковские подвальчики”, “Отставшие спутники”, “Чужая родина”, “Первая седина”, “На углу»» [1. С. 16–17]. И неожиданно для самой эпохи поэт ищет жизнеутверждающие основы мира в прошлом, в поэзии Тибула и философии эпикурейцев [1. С. 17]. Тревога, неудовлетворенность окружающей действительностью, чувство безысходности проступают сквозь строки, даже если поэт говорит о праздновании Первомая. Текст, не утверждающий, а отвергающий новый мир, довольно жесткий и откровенно политизированный. Как следствие, осуждение, суд над новыми течениями в литературе, показательный и не менее идеологически выстроенный, который проводит в Омске Артель поэтов и писателей в 1922 г.

Связывая воедино судьбы страны и судьбы литературы нового времени, авторы предисловия тонко проводят грань между талантом и идеологией, постоянно подчеркивая, оттеняя и утверждая новаторство поэтов «Червонной тройки», осмыслению наследия которых наступило время.

Не менее важным, на наш взгляд, является акцент на широкой эрудиции поэтов. В разделе «Хроника литературной жизни Омска. 1920–1928» постоянно фиксируется хорошее образование, прекрасное знание не только современной русской литературы в лице К. Бальмонта, А. Блока, В. Маяковского, но и французских поэтов начала XX века – особенно А. Рембо, Ш. Бодлера, С. Малларме, а также и писателей прошлых эпох, прежде всего античного периода.

Ю.П. Зародова и И.Г. Девятьярова справедливо отмечают просветительскую миссию «Червонной тройки», чья деятельность официально завершилась в 1923 г.: «Одна их ярких страниц в летописи сибирской культуры завершилась с отъездом Уфимцева и Мамонтова в Туркестан. Мартынов стал разъездным корреспондентом сибирских газет, Шебалин отправился учиться в московскую консерваторию, Жезлов уехал на гастроли с театром <...>. Пропагандируя современную поэзию и новаторское изобразительное искусство, за время своих футуристических “походов” молодые люди, смело заявившие о себе и обратившие внимание

общественности на свои творческие и духовные ориентиры, осуществили просветительскую миссию. Отголоски ее будут слышны в Омске до начала 1930-х» [1. С. 18]. Несмотря на расставание с юношескими идеалами и творческими взглядами, представители «Червонной тройки» так или иначе продолжали творческую работу, связав свою жизнь с журналистикой или искусством. Более того, известно, что в Туркестане В. Уфимцев продолжил свое творчество и как художник. Его поиски формы и цвета, зафиксированные в акварелях 1920-х гг., получают новое развитие. Ранние работы и на бумаге, и в стихах пронизаны духом перемен, и сборник прекрасно позволяет это увидеть в иллюстрациях и опубликованных стихотворениях. Его «Сумеречное» [1. С. 72] по настроению и цветописи перекликается с рисунками, представленными в разделе «Художники “Червонной тройки” и ее круга» [1. С. 325].

Сборник справедливо привлекает внимание и читателей, и ученых-литературоведов, и литературных критиков. Его состав богат. Продуманный подход к структурированию материала помогает сориентироваться в авторских поисках и эстетических исканиях, выводя сборник за пределы региональной или краеведческой литературы, объективно представляя поэтов «Червонной тройки» как неотъемлемую часть русской культуры начала XX в. Думается, что эта книга должна войти и в обязательный список к прочтению для студентов филологических направлений, изучающих русскую поэзию указанного периода.

Список источников

1. Омский литературный авангард 1920-х годов. Поэты «Червонной тройки» : стихотворения, поэмы / сост., подгот. текстов, коммент. Ю.П. Зародовой; авт. вступ. ст. Ю.П. Зародова, И.Г. Деветьярова (науч. ред.). Омск : Омскбланкиздат, 2021. 356 с.

References

1. Zarodova, Yu.P. & Devetiarova, I.G. (eds) (2021) *Omskiy literaturnyy avangard 1920-kh godov. Poety "Chervonnoy troyki"*: stikhotvoreniya, poemy [Omsk Literary Avant-Garde of the 1920s. Poets of the Chervonnaya Troika: Poems]. Omsk: Omskblankizdat.

Информация об авторах:

Ерофеева Н.Е. – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Российского государственного гидрометеорологического университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: natali-erof@yandex.ru

Кипнес Л.В. – кандидат педагогических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой русского языка и литературы Российского государственного гидрометеорологического университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: ksludmila@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.E. Erofeeva, Dr. Sci. (Philology), professor, Russian State Hydrometeorological University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: natali-erof@yandex.ru

L.V. Kipnes, Cand. Sci. (Pedagogics), docent, acting head of the Department of Russian Language and Literature, Russian State Hydrometeorological University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: ksludmila@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.11.2022;
одобрена после рецензирования 03.03.2023; принята к публикации 09.03.2023*

*The article was submitted 10.11.2022;
approved after reviewing 03.03.2023; accepted for publication 09.03.2023*

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ»

Редакция принимает статьи, набранные в текстовом редакторе WinWord. Статьи должны быть представлены в электронном и распечатанном виде (формат А4). Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно представляются в отдельных файлах, вложенных в авторскую электронную папку.

Все рисунки выполняются только в черно-белой гамме, полноцветные иллюстрации не допускаются.

В начале статьи указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК), приводятся (каждый раз с новой строки):

- 1) инициалы и фамилия автора;
- 2) название статьи (строчными буквами, например: Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»);
- 3) краткая аннотация (500 знаков), которая выделяется курсивом и отделяется от текста статьи пропуском строки;
- 4) ключевые слова (3–5).

Текст набирается шрифтами Times New Roman, размер шрифта – 14 кеглей, межстрочный интервал – полуторный, поля (все) – 1,5 см, абзацный отступ – 0,5 см.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи такие шрифты должны быть представлены в редакцию в авторской электронной папке.

Нумерация страниц сплошная, с 1-й страницы, внизу по центру.

Ссылки на использованные источники приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например: [1. Т. 2. С. 27]. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера), предваряется словами «Список источников» и оформляется в порядке упоминания или цитирования в тексте статьи (не в алфавитном порядке!). Под одним номером допустимо приводить только один источник. Обязательно указание количества страниц в используемых источниках.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок. Если в примечаниях присутствуют ссылки на используемую литературу, номер этих источников в списке должен быть соотнесен с нумерацией источников в основном тексте статьи, после которых (перед которыми) вставлено примечание со ссылкой на источник. Примеры оформления можно посмотреть на сайте журнала (<http://vestnik.tsu.ru/book/>) в разделе «Архив».

Дважды отдельными файлами (а также в виде распечаток) обязательно представляются:

1. Англоязычный блок:
 - английский вариант инициалов и фамилии автора;
 - перевод названия своей организации;
 - перевод названия статьи (например: Ideological context of “Collection of Poems Relating to the Unforgettable 1812”);
 - автореферат статьи на английском языке (2 500–3 000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;

– перевод ключевых слов на английский язык.

2. Сведения об авторе по форме:

– фамилия, имя, отчество (полностью);

– ученая степень, ученое звание;

– должность и место работы/учебы (кафедра/лаборатория/сектор, факультет/институт, вуз/НИИ и т.д.) без сокращений, например: **Киселев Виталий Сергеевич** – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kv-uliss@mail.ru

Кроме того, отдельно в том же файле указываются:

– Ф.И.О., должность и место работы научного руководителя (для студентов, аспирантов и соискателей);

– специальность (название и номер по классификации ВАК);

– телефоны (рабочий, сотовый).

Статья и сведения об авторе заверяются подписью автора (и научного руководителя – в случае, если автор не имеет ученой степени).

Всего оформляется и подается три электронных и бумажных документа:

1) текст статьи с аннотацией на русском языке;

2) английский вариант имени и фамилии автора, названия своей организации; перевод названия статьи и ключевых слов; автореферат статьи на английском языке (2 500–3 000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;

3) сведения об авторе.

Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, Ivanov1.doc, Ivanov2.doc, Ivanov3.doc) и вложены в папку, названную аналогично (например, Ivanov). При передаче электронной папки обязательно использование архиваторов WinZip или WinRar (например, Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторы должны представить в редакцию заполненный бланк, в котором указывается согласие автора на публикацию статьи и размещение ее в интернете. Письмо должно быть подписано автором и заверено в организации, в которой работает или обучается автор. В случае соавторства каждый из авторов подписывает и заверяет отдельное письмо.

Статьи принимаются по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет (ТГУ), филологический факультет, редакция журнала «Текст. Книга. Книгоиздание», Воробьевой Татьяне Леонидовне¹.

Электронные версии материалов обязательно размещаются в «личном кабинете» автора на сайте журнала <http://vestnik.tsu.ru/book/>

После регистрации и прикрепления статьи авторы имеют возможность отслеживать изменение ее состояния (получение бумажного варианта, результат рецензирования и т.д.).

¹ По желанию автора бумажные варианты могут быть заменены сканированными PDF-файлами и представлены в редакцию в отдельной заархивированной папке посредством прикрепления на сайте параллельно с электронными вариантами материалов.

Научно-практический журнал
ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ
TEXT. BOOK. PUBLISHING
2023. № 31 (1)

Редактор *Е.Г. Шумская*
Редактор-переводчик *В.В. Каптур*
Оригинал-макет *А.И. Лелоюр*

Подписано в печать 24.04.2023 г. Дата выхода в свет 11.05.2023 г.
Формат 60×84¹/₁₆. Печ. л. 10,9; усл. печ. л. 10,1; уч.-изд. л. 10,8.
Тираж 50 экз. Заказ № 5379. Цена свободная

Издание отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru